JAN 12 1932

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА [illegible] ГОД

НА ЖУРНАЛ

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

ОРГАН ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

[illegible]

РАЗДЕЛЫ:

1. Статьи и исследования. 2. Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. 3. Материалы и сообщения. 4. Критика, обзоры, рецензии.

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА РАССЧИТАНЫ на широких работников [illegible] преподавателей и студентов вузов [illegible]

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 4 книги . . . . . 5 руб.
на 2 книги . . . . . 2 р. 50 к.
Отдельная книга . . . . . 1 р. 25 к.

[illegible]

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ (СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ)

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1931 ★ ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ»
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

*

Уполномоченный главлита
№ Б-6493. С.-Э. п/116. Заказ № 841. Тираж 2005 экз.
11 п. л.

*

General
Hist.-European
Harvard
1-12-32
1965-2

Турецкая революция 1908—1909 гг. [1]).

Записка, составленная первым драгоманом посольства в Константинополе [2]).

Внимательное наблюдение за отдельными моментами совершающегося ныне политического переворота в жизни турецкого государства и отдельные, повидимому, незначительные факты дают возможность, кажется, безошибочно уяснить себе скрытые пружины этого европейскими (кроме одной) державами не предвиденного явления, каким должна представляться в их глазах полная капитуляция Абдул-Гамида перед разразившимся революционным движением.

Почва для такого движения подготовлялась годами созданным им режимом, в основе которого лежала мысль сохранить неограниченную власть падишаха путем жестокого подавления даже самого слабого лепета протеста со стороны жертв злоупотреблений и произвола как «верных слуг его величества султана», так и самого Абдул-Гамида. С протяжением времени такой режим все более и более захватывал и сковывал малейшее проявление «жизни», «существования» каждого подданного его величества султана, и за последнее время Турция, что касается внутреннего ее строя, представляла собою государство, в котором все его подданные, и мусульмане и христиане, были не только недовольны правительством, но прямо изнемогали от существовавшего режима, и довольно было малейшего толчка для того, чтобы это недовольство выразилось в открытом восстании против правительства.

Воспользовалась таким положением, как то представлено Европе и самим туркам, партия младотурок. Действительно, на вид, именно младотурки явились активными деятелями протеста против существовавшего застеночного режима Абдул-Гамида. Но если разобраться в хаосе одного за другим следующих событий и фактов, то вполне ясно для всякого знакомого с местными условиями, что младотурки являются лишь слепым орудием, средством для кого-то другого, для

---

[1]) «Красный архив», 1930 г., т. VI (43), стр. 3—54.

[2]) Записка не датирована. Приложена к депеше поверенного в делах в Константинополе от 15(2) августа 1908 г. за № 169.

кого-то более сильного, сумевшего использовать всеобщее недовольство в смысле собственных интересов, без всякого отношения к тому, какой строй или режим действует в Турции.

Последовательность и строгая выдержка всех революционных действий младотурецкой партии, направленных к обузданию Абдул-Гамида в его произволе, указывают, что не мечтательные изгнанники прежнего режима, разгуливавшие по бульварам Парижа, изливавшие свои жалобы в чахлых листках и лишенные, казалось бы, всяких средств даже к личному существованию, могли произвести такой коренной переворот в государстве. Такая последовательность, такая выдержка могла быть только продиктована и проведена опытной рукой, которая дала и средства к осуществлению задачи.

Задача эта, что касается собственно Турции, заключалась в том, чтобы низвести до минимума власть султана. Действительно, несмотря на все усилия отстоять себя, Абдул-Гамид был принужден заявить перед всей Европой, что он до сих пор ошибался и что отныне не он, а ответственное министерство будет вершить судьбы империи. Пусть будет так. Но кто же является теперь вершителем этих судеб? Во главе турецкого правительства поставлен Киамиль-паша.

Назначение именно Киамиль-паши великим визирем, а еще более назначение Тевфика-паши председателем государственного совета (не следует смешивать этого Тевфика-пашу с Тевфиком-пашею, министром иностранных дел) должно повергнуть в изумление всех, кто принимал, как серьезные, еще вчерашние заявления революционного комитета о том, что он будет удовлетворен только в случае назначения на министерские посты людей, не имеющих ничего общего со старым режимом. Ныне однако вся турецкая пресса (а она теперь вся младотурецкая) высказывает самое горячее удовольствие по поводу назначения Киамиль-паши, еврея по происхождению, масона, известного наемника английского правительства и видного члена прежней Высокой Порты. Тевфик-паша, ныне председатель государственного совета, в бытность свою товарищем великого визиря получавший 200 турецких лир ежемесячного жалованья от английского посольства, — и им тоже комитет, оказывается, доволен. А деньги, без которых не может быть произведен нигде никакой политический переворот, откуда они? Конечно, не из кармана политических изгнанников. А денег тратится много, — на печатание и распространение выросших вдруг газет и журналов, всевозможных афиш, памфлетов, прокламаций, почтовых карточек, на разъезды из города в город революционных агентов и целых делегаций и т. п. — на все это нужны немалые средства, которых, конечно, не имелось у членов комитета.

На вопрос мой одному лицу из банковского здесь мира, откуда революционеры берут деньги, мне было отвечено: отчасти из Парижа, а главным образом из Лондона.

В первый же день уличных демонстраций толпа, руководимая членами комитета, произвела сочувственную манифестацию перед английским посольством.

Новый английский посол при своем приезде был приветствован на вокзале длинною речью членами комитета.

Когда тот же посол ехал во дворец, на торжественную аудиенцию у султана, вдоль всего пути стояли толпы народа, которые шумно выражали свое сочувствие Англии.

Искусственность этих англофильских демонстраций не подлежит сомнению, так как англичане никогда не пользовались здесь сочувствием народных масс.

Всем вышеизложенным мне хотелось выяснить ту мысль, что на настоящий политический переворот в Турции не следует смотреть, как на самостоятельное проявление собственно турецкой мысли и жизни, а как на удачное действие Англии, сумевшей использовать с помощью масонской организации недовольство населения турецкой империи для подрыва ее правительства, которое было настолько забрано в руки Германией, что Турция была накануне заключения с ней союза. При нынешних же созданных Англией новых обстоятельствах о таком союзе не может быть и речи. Турция надолго выведена из сферы влияния Германии. Ее место здесь, несомненно, займет Англия. Именно в этом и заключается весь смысл и значение совершившегося переворота.

В. Майков.

Депеша поверенного в делах в Париже от 20(7) августа 1908 г. № 63.

Более десяти лет Париж является одним из центров младотурецкого движения. В начале действовавший здесь комитет «Свободы и Прогресса», образовавшийся под председательством эмигранта д-ра Али-Риза-бея, ограничивался объединением и направлением движения среди турок-мусульман, стремившихся, как дома, так и в изгнании, к целям обновления турецкой империи на началах гражданской свободы и представительного образа правления.

С постепенным обострением борьбы между младотурками и Ильдыз-Киоском участники движения начали все более и более склоняться к использованию всяких средств и всяких событий внутри Турции для достижения намеченных ими целей. За последние три-четыре года возникло мало-по-малу сближение младотурецких комитетов с революционными комитетами армянскими, а затем и македонскими, с заграничными революционными и даже анархическими кружками, —

между прочим и с русскими, — и соответственно с этим развивалась программа насильственных и террористических действий, направленных прежде всего против султана Абдул-Гамида и его приближенных. Рядом с этим разрасталась и усиливалась пропаганда младотурецких идей среди офицеров турецкой армии, — пропаганда, успехи коей проходили столь долго незамеченными в самой Турции и превзошли, повидимому, ожидания самих заправил движения, явившись в последнюю минуту единственным действительным и решающим рычагом происшедших событий.

В конце декабря минувшего года в Париже произошел съезд всех противников султана и турецкого государственного режима, причем заключен был союз не только между отдельными органами младотурецкого движения, но и между ними и армянскими революционными сообществами, «Дашнакцутюн» и другими.

Протокол этого съезда, появившийся в издаваемой в Париже Али-Риза-беем младотурецкой газете «Мешверет», при сем прилагается.

Из этого протокола явствует, что главари нынешнего движения до некоторой степени связаны с армянскими революционными обществами и дали им известные обещания и заручки. А это, в свою очередь, должно заставить нас особенно зорко следить за возможным усилением армянского революционного движения в наших собственных пределах и опасаться, как бы Турция, в ее настоящем положении, не стала штаб-квартирою наших революционеров и анархистов.

Но, с другой стороны, из весьма достоверных источников я имел возможность получить впечатление, что союз младотурок с армянскими революционными сообществами был делом революционного оппортунизма и последствием крайнего ожесточения, ненависти и борьбы против Ильдыз-Киоска; что выдающиеся вожаки столь могущественного в настоящую минуту комитета «Свобода и Прогресс» отлично понимают опасности, связанные для Оттоманской империи с непримиримою национально-революционною деятельностью армян, и, не разрывая до времени и «на всякий случай» связей своих с ними, отнюдь не склонны жертвовать в угоду этим связям надеждами на благожелательное или, по крайней мере, совершенно нейтральное отношение России к переустройству Турции на новых началах.

Действительная сила настоящего движения заключается в турецком войске, воодушевленном прежде всего чувством национальной и мусульманской гордости. Всякое революционное и центростремительное движение среди христиан Турции встретило бы самое ожесточенное озлобление со стороны армии и побудило бы ее разорвать всякие связи с теми из турок, которых можно было бы заподозрить в потворстве или даже снисхождении к подобным движениям. Здешние гла-

сей

вари младотурецкого движения, повидимому, отлично понимают это и, кроме того, сами одушевлены весьма искренним националистическим чувством.

Но, с другой стороны,—как все люди, работавшие долго и страстно над одною целью — ниспровержением существовавшего порядка — и удаленные долгие годы от действительности государственной жизни, — они склонны, под влиянием столь неожиданно достигнутого успеха, видеть будущность в самом розовом свете и не придавать должного значения тем опасностям, коими, несомненно, окружена их дальнейшая деятельность. Симпатии и одобрения, расточаемые им в Европе и принимающие даже характер «ухаживания» за младотурецким движением, несомненно, содействуют и будут содействовать известному ослеплению Турции и ее нынешних деятелей.

Более трезвое отношение к настоящим событиям, более трезвые советы и предостережения, несомненно, встретят в Турции первое время не только холодный прием, но даже и известную подозрительность. Но если подобное отношение и подобные советы сопряжены будут с действительною и доказанною искренностью, с действительным доброжелательством к целости, упорядочению, к политической и экономической независимости Оттоманской империи, то они в самом непродолжительном времени будут оценены по достоинству всеми настоящими турецкими патриотами и возьмут верх над всякими льстивыми похвалами и всяким ухаживаньем, могущим скрывать под собою своекорыстные цели и опасения.

В заключение считаю долгом отметить, что, по дошедшим до меня сведениям, в младотурецких комитетах участвовали за последнее время два египетских принца, имена коих я доселе не мог еще узнать, и что младотурецкое движение самым тесным образом связано было с египетским национально-конституционным.

Неклюдов.

Письмо посла в Вене от 20 (7) августа 1908 г.

Барон Эренталь приехал с Земеринга на два дня в Вену по случаю дня рождения императора Франца-Иосифа и для участия в совете общих министров. Я имел с ним беседу, в которой он сказал мне, что наша памятная записка от 19 июня (2 июля) с. г., содержащая взгляд императорского правительства на различные вопросы Балканского полуострова, была всесторонне рассмотрена австро-венгерским правительством. Начала, коими руководствуется венский кабинет, хорошо известны нам. На первом месте он дорожит принципом невмешательства.

Я заметил министру, что мы строго придерживаемся соглашения 1897 года, положившего в основание сохранение status quo и содер-

жащего в себе гарантии, исключающие именно вмешательство и домогательство особых исключительных выгод. Мы смотрим на эти начала точно так, как и прежде, и переговоры, которые предполагается вести ныне, ни в какой степени их не затрогивают, а относятся лишь к тому случаю, если status quo невозможно будет сохранить.

Министр сказал мне, что он, одинаково с нами, признает, что вопрос о присоединении к Австро-Венгрии оккупированных областей и Новобазарского санджака есть вопрос европейский настолько же, как и вопросы о Константинополе, о проливах и о соседних странах.

Я заметил на это, что излишне было бы объяснять, что ныне речь идет не об окончательном решении этих задач, а только о подготовлении к их решению на то время, когда они будут поставлены; что, я полагаю, было бы осторожно и выгодно, одинаково Австро-Венгрии и России, определить заранее свои взгляды и в данный момент иметь возможность поддержать их взаимно. Барон Эренталь горячо одобрил эту мысль и повторил уже не раз мне высказанное мнение, что Россия и Австро-Венгрия, соединенные вместе, имеют на Балканском полуострове такой вес, что их мнения едва ли могут встретить противовес, им соответствующий. Ответ венского кабинета на наше предложение,— прибавил министр, — был замедлен инцидентом полученных в Петербурге секретных сведений о заключенных [1]) будто бы Австро-Венгрией с Турцией военной конвенции и других условий экономического свойства. При этом министр вновь повторил мне уверение, что все эти известия ни что иное, как злостный вымысел. Теперь венский кабинет готов приступить к переговорам на основании нашей памятной записки 19 июня с. г.

Графу Берхтольду предписаны карлсбадские воды, и лечение его совпадает по времени с пребыванием на тех же водах А. П. Извольского. Барон Эренталь намерен поручить послу, пользуясь досугами Карлсбада, переговорить с нашим министром иностранных дел об означенных предметах.

Барон Эренталь сказал мне еще, что он весьма хотел бы свидеться с гофмейстером Извольским и что если наш министр выразит подобное же желание, то легко можно будет условиться с ним о встрече или в Богемии или где-либо по пути его, когда он выедет из Австрии.

Считаю нелишним прибавить, что, несмотря на вообще благосклонное отношение здешнего правительства к политическому перевороту в Турции, венский кабинет питает весьма ограниченное доверие к его окончательному результату. Барон Эренталь сказал мне с явным оттенком недоумения, что австро-венгерский посол в Констан-

[1] Так в подлиннике.

тинополе в этом отношении оптимист. Сам же министр не может побороть чувства глубокого сомнения при виде анархического положения в стране, где власть перешла в руки неответственных революционных комитетов.

Урусов.

Депеша посла в Берлине от 21(8) августа 1908 г. № 54.

Переворот в Турции, так же мало предвиденный Германией, как и всеми прочими европейскими державами, сильно встревожил здешнее общественное мнение. Нет никакого сомнения, что он изменит характер отношений, установившихся за последнее время между Германией и Портою. Император лично смотрит несколько скептически на исход переворота, но берлинский кабинет в будущих своих сношениях с Оттоманской империей будет следовать указаниям бар. Маршалля, считающегося не без основания лучшим знатоком Ближнего Востока. Мнение германского посла в Константинополе заключается в следующем: переворот заслуживает благоприятной оценки в силу того, что его произвел военный элемент, единственно честный в Турции и единственно преданный султану.

До открытия парламента, по мнению бар. Маршалля, положение не представляет опасности: последняя возникнет разве с началом сессии. В выборной кампании христианские партии и в особенности армяне примут самое деятельное участие, тогда как настоящие османы, благодаря флегматическому темпераменту, окажутся сравнительно бездеятельными. Отсюда можно ожидать появления, хотя бы и не большинства, но весьма внушительного по цифре своей меньшинства христианских депутатов, что может вызвать реакцию со стороны старотурецкой партии, направленную против новых принципов братства и полного равенства между всеми подданными султана. Этот момент будет действительно опасным для самого существования нынешней династии, которая среди старых турок, в особенности среди малоазиатского населения, до сих пор нередко считается узурпаторскою, как не нисходящая по прямой линии от первых калифов.

Бар. Маршалль склонен даже видеть в успехе переворота благоприятное для Европы обстоятельство, так как он устранил опасность революции, неминуемо наступившую бы, по его убеждению, в случае согласия султана на македонские реформы, которые навязывались ему извне.

Приведенное мнение германского посла, доверительно сообщенное мне моим австро-венгерским сотоварищем, было официально мне подтверждено помощником статс-секретаря по иностранным делам во время вчерашней нашей беседы.

Остен-Сакен.

Рапорт военного агента в Болгарии от 21(8) августа 1908 г. № 143.

Секретно.

О болгарских настроениях по поводу событий в Турции; возможность активных выступлений.

Впечатления неожиданности проходят, и постепенно в сознании болгар начинают выясняться разнородные и сложные последствия событий, разыгрывающихся в настоящий момент в Турции. Правительство и общественные круги, по виду, занимают еще выжидательное положение, но, в сущности, их отношение к новому движению достаточно определилось; как я уже доносил в свое время, оно может быть только враждебное. Об этом можно судить хотя бы по тону софийских газет, в том числе и правительственных, когда им пришлось высказываться по поводу младотурецкой программы, той части ее, где говорится о национализации (в турецком смысле) учебных заведений. Газеты в один голос заявили, что приведение в исполнение уже одной этой меры может заставить всех болгар сплотиться и начать борьбу на защиту болгарской национальности и культуры.

Но, очевидно, не эта только беда грозит болгарскому народу; поставлен на карту вопрос о возможности его объединения, о «целокупной Болгарии». И беда эта идет, быть может, не столько со стороны турок, сколько самих же македонских болгар, среди которых и в прежнее время замечались противоболгарские течения. «Македония для македонцев» — понятие, весьма распространенное среди тамошней интеллигенции.

В частных интимных разговорах болгары не скрывают своих опасений за ближайшее будущее; по их мнению, назревает окончательное разрешение восточного вопроса; от того, какую позицию удастся им занять в этот момент, будет зависеть все их будущее; при этом, по иронии судьбы, выходит так, что мирное и потому с общей точки зрения желательное разрешение вопроса для болгар может оказаться наиболее невыгодным.

При таких условиях наступающая осень может быть свидетельницей весьма крупных событий, раз только болгарское самосознание укрепится в указанном направлении, достаточно будет ничтожного предлога, чтобы побудить болгар взяться за оружие и сыграть ва-банк: или пан или пропал.

Не я один прихожу к такому заключению; наш посланник высказывался, примерно, в этом же духе; такое мнение пользуется правами гражданства и среди иностранных дипломатов; на этих днях французский посланник, передавая мне свой разговор с Милюковым,

только-что вернувшимся из Турции и, повидимому, вынесшим оттуда довольно неопределенные впечатления, закончил от себя словами: «Да, трудно верится, чтобы революция, да еще в Турции, могла обойтись без крупных волнений; что касается Болгарии, то пока все кажется здесь спокойным, но это спокойствие обманчивое: малейшее осложнение в Константинополе или вспышка в Македонии может заставить болгар обратиться к активным действиям, и тогда их едва ли можно будет удержать».

Осмеливаюсь думать, что нам надо иметь в виду эту возможность, а также и то обстоятельство, что на этот раз все предварительные советы и предупреждения могут оказаться совершенно бесполезными, при известных же условиях и вредными, так как могут вынудить болгар искать опоры в других направлениях. Кажется мне, что обрести эту опору им будет не особенно трудно, хотя бы в лице первой же Австрии, встревоженной за дальнейшую судьбу Боснии и Герцеговины.

11 августа 1908 г. Сегодня отслужена была панихида по случаю Шипкинской годовщины и затем возложен венок к подножию памятника царю-освободителю. После панихиды священник в соборе сказал краткую речь, в которой, ввиду «наступающих тяжелых времен», призывал болгар соединиться во имя общих интересов и готовиться к борьбе с врагами «целокупной Болгарии»; примерно то же сказал и бывший ополченец Карастоянов, обращаясь к толпе, собравшейся перед памятником. Обе речи произнесены были в весьма осторожной форме и, конечно, сами по себе не имеют никакого значения, но, как знамение времени, кажутся мне весьма симптоматичными.

Как никак, воздух медленно насыщается электричеством, при таких условиях гроза не должна явиться неожиданностью.

Вопрос — о сроке, когда может случиться катастрофа.

Многое позволяет думать, что самый опасный период наступит с началом выборов в новый турецкий парламент; до этих выборов остается несколько недель, в отношении подготовки — промежуток и бесконечно малый и достаточно большой; все зависит от намеченных задач и интенсивности работы.

Полковник Леонтьев.

Рапорт военного агента в Константинополе от 28 (15) августа 1908 г. № 268.

Как я донес телеграммою, в Бруссе возникли настолько серьезные беспорядки, что было признано необходимым туда отправить 2 батальона здешнего гарнизона, после чего спокойствие было восстановлено.

Упомянутые в телеграмме беспорядки в Измиде и Эски-Шехире ограничились забастовкою служащих на Анатолийской железной дороге. Забастовали не турки, а христиане.

Из остальных частей Малой Азии имеются сведения о благоприятном, в общем, отношении населения к новому строю.

Из приложенных при сем вырезок из газеты видно, в каких местах возникли затруднения и беспорядки при объявлении конституции.

Надо полагать, что население еще не дало себе ясного отчета в том, что собственно означает конституция, и что новый порядок затуманил понятия населения, вследствие чего составилось положение, благоприятствующее беспорядкам, если бы нашелся элемент, который хотел бы и сумел бы воспользоваться этим для своих целей.

Говорят про уволенного командира IV корпуса Зеки-пашу, что он из себя, равно как Ибрагим-паша Милли, представляет величину, который имел бы некоторые данные для того, чтобы стать во главе контр-движения среди курдов. Несмотря на предписание безотлагательно приехать в столицу, Зеки-паша пока отказывается приехать.

С другой стороны, надо признать, что младотурки пока прилагают столько энергии и понимания к делу, что можно полагать, что порядок до выборов и даже сбора парламента будет сохранен. Надо им отдать справедливость в умении руководить толпою, как они до сих пор делали. Многочисленные здесь стачки рабочих ими налажены весьма быстро.

Тем не менее следует считать положение далеко не внушающим доверия. Хлеб дорожает от наплыва массы безработных в столицу; производятся поджоги и подобного рода бесчинства, которые способны особенно действовать на воображение толпы.

Генерального штаба полковник Х о л ь м с е н.

Письмо посла в Константинополе от 29 (16) августа 1908 г.

Глубокоуважаемый Николай Валериевич [1]).

По возвращении из отпуска я счел долгом употребить все зависящие от меня усилия, чтобы выяснить настоящее весьма запутанное положение дел в Константинополе. Для этого потребовались весьма частые свидания с знакомыми мне турецкими должностными лицами, а также отчасти с моими иностранными коллегами.

Сегодня я передаю на ваше благоусмотрение результаты моих наблюдений и исследований. По моему мнению, совершившийся

[1]) Письмо адресовано управляющему министерством ин. дел Н. В. Чарыкову.

в Турции переворот будет иметь лишь неблагоприятные для нее последствия. История этой страны не дозволяет доверять организаторским способностям турок. Даже и менее сложные реформы не давали удовлетворительных результатов. Разве мыслимо допустить, чтобы турецким нынешним деятелям удалось выполнить выработанную ими сложную программу? Попытки к осуществлению этой программы только расшатают организм Турции и ускорят ее разложение, каковое неизбежно вызовет осложнения в Европе. я

Ввиду возможности этих последствий я и намерен заботитьс особенно о том, чтобы охранить результаты преобразований в Македонии, которые нам удалось осуществить. Наша реорганизаторская деятельность может быть лишь приостановлена, но никак не сдана в архив.

Предполагая продолжать извещать императорское министерство обо всем, что мною будет замечено, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить вам уверения в моем глубоком уважении и неизменной преданности.

И. Зиновьев.

Выписка из донесений ген. консула в Смирне Беляева от 23 (10) сентября 1908 г.

Среди мусульманского населения Айдинского вилайета начинают проявляться признаки реакции против нового режима. Подстрекателями к противодействию новым веяниям явились разные представители мусульманской учености и мусульманского духовенства: муллы, ходжи, софты, не желавшие примириться с тем, чтобы их первенствующее и веками освященное влияние на народ перешло к младотуркам.

Пока население еще находилось под свежим впечатлением переворота, сторонники старого режима молчали. Когда же общее воодушевление начало проходить, и войска, участвовавшие в перевороте, были распущены, старотурки начали борьбу с новым порядком, во многом посягающим не толко на их моральное влияние на народ, но и на материальные интересы. Чтобы подорвать авторитет младотурок, реакционеры прибегли к обычным средствам возбуждения народного фанатизма путем обвинения младотурок в измене мусульманству, — обвинения, приобретавшего некоторую степень правдоподобности благодаря религиозной терпимости младотурок.

Это движение пока только начинается и, хотя до полной победы его над новым строем еще очень далеко, тем не менее нельзя не признать, что младотуркам придется серьезно считаться с ним.

Выписка из донесения управляющего ген. консульством в Салониках Кохманского от 26 (13) сентября 1908 г. № 648.

Политическая жизнь Македонии перед выборами и ближайшим собранием парламента бьется усиленным темпом. Каждая партия обнародовала свою политическую программу. По этим программам можно уже судить о стремлениях отдельных народностей.

Младотурецкий комитет, который произвольно управляет страной, игнорируя официальные власти, проявил в своей программе мало твердости, что не говорит в пользу стойкости политических убеждений и идеалов партии. Объединить народности Македонии младотуркам совершенно не удается, и программа их отнюдь не является примирением различных пожеланий отдельных национальностей с стремлениями господствующей турецкой группы.

Все партии сходятся только на одном — на принципе административной децентрализации, причем этот принцип каждая народность понимает по-своему.

Особенно резкий разлад между христианским населением и турками возник по вопросу школьного образования. Младотурки стремятся ввести преподавание на турецком языке.

Из христианских народностей наибольшим доверием и расположением турок пользуются греки. Они держат себя очень солидарно и сильно поддерживаются агитацией из королевства.

Положение болгар в Солунском округе очень ослаблено раздельностью их на враждующие между собою лагери — партию Сандан-ского и партию внутренней македонской организации. Благодаря этому разладу можно предполагать, что выборы пройдут почти без участия главных болгарских сил.

Выписка из донесения управляющего гражданским агентством в Македонии Петряева от 26 (13) сентября 1908 г. № 477.

Установление в Турции конституционного режима пробудило в албанцах, рассеянных по различным частям Македонии, стремление к национальному объединению. Первым шагом к этому явилась организация албанского комитета общественных деятелей и устройство в различных городах Македонии национальных политических клубов. Главным же средством для достижения своих целей албанцы считают распространение албанского языка и поэтому принимают все меры к возможно широкому развитию школьного образования в стране.

Главный элемент упомянутого движения составляют албанцы-мусульмане, многие из которых владеют обширными поместьями и занимают выдающиеся места в администрации и военном ведомстве.

Составляемая ими политическая партия может оказаться поэтому очень сильной и будет играть выдающуюся роль в политической жизни страны.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Австрии и ее ближайшей соперницы Италии. Есть основание думать, что обе они прилагают все усилия, чтобы привлечь на свою сторону албанцев. Соперничество Австрии и Италии придает всему албанскому движению особый интерес и может служить препятствием к установлению между этими державами прочного согласия по балканским делам. Это должно побудить нас, по мнению надв. сов. Петряева, относиться вполне сочувственно к албанскому движению и, насколько можно, поддерживать его, чтобы в случае нужды воспользоваться расположением к нам албанцев; и это тем легче сделать, что вообще албанцы относятся к нам доброжелательнее и доверчивее, чем к другим, ввиду отсутствия у нас прямых интересов в Албании.

В описанном политическом движении не принимает участия арнаутлук. К албанцам этого края как младотурки, так и прочие албанцы относятся враждебно, видя в них реакционный элемент. При первых попытках со стороны арнаутов поднять движение против конституционного режима младотурки дали им понять, что они принуждены будут принять против них военные меры. Угроза эта подействовала, но все же глухое брожение среди них продолжается до сих пор.

Депеша посла в Константинополе от 3 октября (20 сентября) 1908 г. № 209.

Считаю долгом препроводить при сем французский перевод вновь опубликованной пребывающим в Салониках младотурецким центральным комитетом «Единения и Прогресса» политической программы [1]). Программа эта отступает от опубликованной в начале минувшего августа тем же комитетом программы, каковая, сколько мне известно, изготовлена была отчасти в видах удовлетворения требованиям, предъявленным известным Санданским по вопросам, входящим в область преобразований в Македонии; требования эти между прочим, касались, способа наделения сельского населения землею, но в последнее время они были признаны чрезмерными.

В новой программе намечены изменения, коим комитет намерен подвергнуть конституцию 1876 года. Главные из этих изменений заключаются в следующем.

В силу конституции выбор и назначение великого визиря и других министров зависит от благоусмотрения султана. В случае предъявле-

[1]) Приложение отсутствует.

ния членами палаты депутатов жалоб на министров последние могут быть преданы суду лишь по издании султаном соответствующего ирадэ.

Согласно младотурецкой программе, министры ответственны перед палатой депутатов, и, в случае утраты ее доверия, они обязаны удаляться.

На основании конституции 1876 года как президент, так и члены сената назначаются непосредственно султэном; сенаторы бессменны, и число их не должно превышать трети числа членов палаты депутатов.

Младотурецкая программа не признает обязательным ограничения числа сенаторов. Лишь треть сенаторов должна быть назначаема султаном; остальные две трети выбираются. Вместе с тем предполагается ограничить полномочия сенаторов известным сроком. По смыслу конституции 1876 года, избирателями могут быть лишь лица, достигшие 25-летнего возраста. Младотурецкая программа предполагает распространить это право на всех, достигших 21 года.

Статья 72-я конституции 1876 года обязывает выборщиков избирать депутатов из числа жителей провинции. По смыслу младотурецкой программы, всякий, удовлетворяющий требованиям закона, может быть избран депутатом в какой бы то ни было части Оттоманской империи.

Согласно 57-й статье конституции 1876 года, проекты как законов, так и изменений существующих законов изготовляются министерством. Сенату и палате депутатов предоставлено право представлять ходатайства по законодательным вопросам, но ходатайства их должны быть доводимы великим визирем до сведения султана, который в случае признанной им необходимости поручает государственному совету заняться изготовлением соответствующих законопроектов.

Согласно программе младотурецкого комитета, всякий законопроект, представленный от имени десяти депутатов, должен подлежать обсуждению палат.

Статья 113 конституции 1876 года предоставляет правительству право применять осадное положение в местностях, где, судя по обстоятельствам, могут возникнуть смуты. Младотурецкая программа имеет целью отменить эту статью.

Та же программа предусматривает расширение полномочий органов провинциальной администрации, а также подчинение всей администрации контролю законодательных палат.

Помимо этого заслуживают внимания следующие предположения младотурецкого комитета:

а) Сохранение привилегий духовных общин.

б) Преобразование и развитие военных и морских сил Турции сообразно ее политическому и географическому положению.

в) Установление законов, определяющих отношения между работодателями и рабочими.

г) Обеспечение сельским жителям возможности приобретать земельные участки; осуществления предположения этого младотурки надеются достигнуть без нарушения прав землевладельцев путем предоставления сельскому населению средств получать ссуды на умеренных условиях. Пункт этот введен в программу с целью успокоения землевладельцев-мусульман, которые были до крайности раздражены дошедшими до них небезосновательными слухами о намерении младотурок прибегнуть к экспроприации.

д) Замена существующего ныне десятинного налога налогом, рассчитанным на основании результатов последних пяти лет.

е) Полная свобода образования. Каждому турецкому подданному предоставляется право открывать частные школы, но все школы, за исключением тех, которые посвящены духовному образованию, подчиняются контролю правительства.

Из вышеизложенного ваше превосходительство благоволите усмотреть, что младотурецкая программа имеет главною целью лишение султана всякой возможности влиять на состав и деятельность законодательных палат. В случае осуществления изложенных в программе предположений султан очутится в положении, мало отличающемся от положения президента Французской республики. Между тем представляется весьма сомнительным, чтобы будущие законодательные палаты, в состав коих войдут самые разнообразные элементы, оказались в состоянии внушить населению доверие, которое безусловно необходимо для обеспечения страны этой от внутренних осложнений.

Приготовления к выборам депутатов уже начались. При этом оказалось, что в Константинополе христианские общины, в особенности греческие, уже заранее организовались и наметили своих кандидатов, тогда как мусульмане, составляющие большинство столичного населения, обнаружили полные неумелость и неподготовленность. Пользуясь своим преимуществом, греки сумели извратить в свою пользу статистические данные, касающиеся своей численности, каковое обстоятельство уже вызвало вмешательство местных властей.

Зиновьев.

Депеша посла в Константинополе от 23 (10) октября 1908 г. № 219.

Изложив в депеше от 16 (29) минувшего августа за № 171 [1]) общее положение дел в Турции в том виде, как оно представилось мне по

[1]) Депеша Зиновьева от 29 (16)/VIII 1908 г. за № 171 хранится в Архиве Внешней Политики в деле П. А. № 3084.

возвращении моем в Константинополь, я высказал мнение, что положение это носит на себе все признаки анархии. Мои последующие наблюдения нисколько не поколебали этого взгляда. Нижеизложенный ряд фактов, тщательно мною проверенных, свидетельствует о том, что неблагоприятные последствия анархии становятся все более и более чувствительными и даже принимают тревожный характер.

Султан попрежнему лишен влияния на ход дел. Дела, касающиеся внутренней администрации, совершенно изъяты из его ведения. Великий визирь продолжает представлять ему доклады лишь по делам внешней политики и армии, но, с своей стороны, Абдул-Гамид не решается давать положительных указаний, а ограничивается советами, которые далеко не всегда принимаются в соображение министрами. Как известно императорскому министерству, султан в прежнее время сносился через своего первого секретаря с заграничными представителями Турции. Этому ныне положен конец. Министр внутренних дел потребовал под страхом увольнения от телеграфных чинов, чтобы все получаемые из Ильдыза шифрованные телеграммы не отправлялись по назначению, а передавались бы во вверенное ему министерство. Распоряжение это строго соблюдается.

На-днях султан выразил великому визирю намерение отправить доверенное лицо в Берлин для передачи письма германскому императору, но Киамиль-паша воспротивился этому, сославшись на то, что шаг этот представляется неудобным ввиду политической программы, о которой идут переговоры между Турцией и Англией, и Абдул-Гамид вынужден был подчиниться мнению великого визиря.

Несмотря на это, трудно допустить, чтобы Абдул-Гамид примирился со своим положением. Уверенный в преданности войск, коим вверено охранение безопасности Ильдыза, он, согласно общему убеждению, поддерживает тайные сношения с реакционными группами, которые постепенно усиливаются и в состав коих входит часть духовенства, враждебного либеральным реформам. Несколько дней тому назад в Ильдыз явилась многочисленная депутация софт с ходатайством о том, чтобы султан позаботился об охранении религии и прав мусульман, попираемых турками, позабывшими священные предания своей родины. Вследствие настояний младотурецкого комитета организаторы означенной демонстрации, и в том числе камергер султанского двора Галиб-паша, были арестованы, а вслед затем младотурецкие органы печати заявили, что как пророк Магомет, так и первые халифы никогда не брали на себя решение даже самых серьезных вопросов, а подвергали их обсуждению народных представителей, и что так как конституция встречена была всеобщим одобрением оттоманского народа, как избавление от режима произвола, чуть

не погубившего Турцию, то все мусульмане обязаны беспрекословно подчиниться конституции, и неповиновение ей равносильно неповиновению законам шариата.

Деятельность реакции выразилась и в печати. Несколько времени тому назад появилась газета «Мизан», которая стала подвергать строгой критике образ действий министерства, подчиняющегося влиянию младотурецкого комитета. Газета эта была приостановлена административным порядком, и редактор ее, Мурад-бей, арестован, но вслед за тем появилась другая газета «Хукуки-Умумиэ», держащаяся того же направления. Великий визирь счел необходимым сделать и этой газете внушение и пригласить ее воздерживаться от помещения статей, вызывающих тревогу в публике, но редактор газеты опубликовал вслед затем статью, в которой он обвинил Киамиль-пашу в нарушении освященной конституциею свободы слова и напомнил ему, что он, как бывший министр, служил минувшему режиму, следовательно, несет ответственность за постигшие Турцию невзгоды.

Каковы бы ни были истинные отношения султана к реакции, но, дабы не усугубить недоверия, которое питает к нему комитет «Единения и Прогресса», он тщательно избегает разногласий с ним и даже в нем заискивает. На-днях он принимал одного из наиболее влиятельных членов комитета, Ахмед-Ризу, долго с ним беседовал и, отпуская его, поцеловал его в лоб.

Хотя средства действия реакции и весьма ограничены, тем не менее комитет «Единения и Прогресса» счел необходимым прибегнуть к некоторым мерам в видах обеспечения себя от взводимых на него обвинений. Приняв в соображение, что некоторые из произнесенных его членами речей, и, между прочим, речь Сабах-ед-дина, в коей он коснулся вопроса об эмансипации мусульманской женщины, произвели неблагоприятное впечатление, комитет предложил означенному лицу, как говорят, под угрозою смерти, воздерживаться впредь от публичного выражения своих мнений, вследствие чего Сабах-ед-дин счел лучшим запереться у себя дома.

При этом тот же комитет не счел возможным равнодушно отнестись к взводимому на него его противниками обвинению в том, что, захватив власть в свои неопытные руки, он уронил международное значение Турции в глазах ее соседей — Австрии и Болгарии, каковое обстоятельство и послужило поощрением нарушению прав Оттоманской империи, обеспеченных Берлинским трактатом.

В видах отклонения возлагаемой на него ответственности, комитет «Единения и Прогресса» стал устраивать митинги. На один из таких митингов, состоявшийся 30 сентября (13 октября) близ мечети Султан-Ахмед, собралось, как утверждают, более десяти тысяч человек.

Ораторы, по преимуществу, находящиеся в непосредственной связи с комитетом, произнесли ряд речей, в коих разъяснили присутствующим, что ответственность за нарушение Берлинского трактата должна пасть на предшествующее правительство, и затем приглашали народ сплотиться и не отступать ни пред какими жертвами, которые потребуются для защиты попираемых прав Турции. На митинге изготовлена была резолюция, в коей заявлялось, что население Константинополя, без различия национальностей и религии, протестует против нарушения Австро-Венгрией и Болгарией постановлений Берлинского трактата; что оно выражает благодарность державам (Англии, Франции, Италии, России и Германии), обнаружившим по этому поводу сочувствие Турции, что оттоманский народ готов пролить до последней капли кровь для защиты своих законных прав, но что, будучи одушевлен миролюбием, он предпочитает мир войне и намерен ожидать последствия дипломатических переговоров между Портою и державами.

Как описанный выше митинг, так и другие уличные демонстрации проходили до сих пор спокойно. Тем не менее нельзя упустить из виду, что усвоенные младотурками приемы вызывают здесь тревогу. Постоянные призывы темной толпы к участию в разрешении наиболее важных вопросов внушают массам населения самоуверенность, порождают распущенность и, следовательно, легко могут стать в близком будущем источником крупных беспорядков.

Младотурецкие комитеты нисколько не стесняются этим соображением. Главная цель их заключается в упрочении своего влияния на будущее время, и, ради достижения этой цели, они отложили в сторону всякую разборчивость, не гнушаются сделок, находящихся в явном противоречии с выставляемыми в их программе началами, в возможности применения коих часть их уже изверилась, и между прочим направляют все свои усилия к тому, чтобы обеспечить себе внушительное большинство в будущей палате депутатов. В этих видах они повсеместно вмешиваются в выборы депутатов, нисколько не стесняясь правилами, установленными конституцией. Послушные им органы правительства ни в чем их не стесняют.

Между тем неблагоприятные явления, зависящие от отсутствия авторитетной центральной власти, становятся с каждым днем все более и более ощутительными. Вследствие прекращения существовавшего надзора за торговлею оружием, все оружие, находившееся в частных складах, было раскуплено населением в несколько дней. Преступность заметно усилилась, а кровавая драма, описанная в моем сегодняшнем донесении за № 220[1]), доказала, что учреждения, на обя-

[1]) Депеша Зиновьева от 23 (10)/X 1908 г. за № 220 посвящена описанию самосуда над греком Тодори и его невестой мусульманкой Бедриэ.

занности коих лежит охранение спокойствия, совершенно бездействуют. Тягостное впечатление, произведенное означенною драмою, вынудило, наконец, как министров, так и комитет «Единения и Прогресса» подумать о средствах усилить охрану. Ввиду невозможности иметь доверие к полиции, состоящей по преимуществу из людей, совершенно недисциплинированных, порочных и неспособных понимать свое назначение, решено вызвать в столицу из Салоник, Сереса и Монастыря по одному батальону III корпуса для усиления полицейских постов. Одновременно в «Иени-Газета», считающейся органом великого визиря, появилась статья, в коей проводится мысль, что сами граждане Константинополя обязаны позаботиться об организации вооруженной стражи, которая служила бы залогом безопасности.

Если положение дел в Константинополе не способно внушить к себе ни малейшего доверия, то положение в провинциях представляется еще более смутным и тревожным. Собранные мною по этому предмету сведения будут без замедления представлены мною на благоусмотрение императорского министерства.

Зиновьев.

Выписка из рапорта второго драгомана посольства в Константинополе Мандельштама от 23 (10) октября 1908 г.

За последнее время в Константинополе произошел ряд событий, как бы свидетельствующих о недовольстве известной части населения столицы новым государственным строем и новыми социальными веяниями. К такого рода событиям нужно отнести кампанию, предпринятую против нового режима некоторыми реакционерами, манифестации перед дворцами султана, случаи оскорбления турецких женщин, открыто появляющихся на улицах, бесчинства, произведенные в Скутари имамом Абдул-Кадером, и, наконец, ужасный самосуд, учиненный чернью над греком Тодори и его сожительницей в Константинополе.

Все эти события, находящиеся, повидимому, в органической связи между собою, по утверждению влиятельных младотурок, говорят не об идейном движении, порожденном народным самосознанием, коренящемся в народном духе, а лишь о попытках клевретов павшего режима отвоевать утраченные им позиции при помощи отчасти обманываемой, отчасти подкупаемой черни. Павшие царедворцы, уволенные чиновники, наконец, многочисленная армия отставных шпионов — вот печальные герои указанных прискорбных событий. Они прилагают все усилия к тому, чтобы возбудить в народе религиозный фанатизм, представляя невежественным простолюдинам новый строй

в совершенно превратном виде, пытаясь вкоренить идеи, что новый режим противен духу ислама и шариата, что правительство собирается уничтожить преподавание религиозных наук, что младотурки обещали возвратить христианам храм св. Софии и что все законы будут изменены в духе, враждебном религии.

По словам колл. сов. Мандельштама, младотурки, в руках которых в настоящее время сосредоточена вся власть, прилагают все меры, могущие парализовать указанные попытки реакционеров возвратить страну к прошлому. Они вполне сознают степень той ответственности, какая лежит на них перед родиной и перед Европой, впервые относящейся с доверием к Оттоманской империи, и в то же время сознают, что банкротство нового режима было бы банкротством самой Турции.

Рапорт военного агента в Константинополе от 30 (17) октября 1908 г. № 345.

Секретно.

В предыдущих своих донесениях я описал анархию и те реакционные течения, которые за последнее время все чаще получают выражение, особенно в провинции; таковые проникли за последнее время и в столицу.

Здесь были поджоги, расклеивались воззвания к мусульманам о резне христиан, совершались возмутительные убийства на религиозной почве, хулиганство процветает на главных улицах столицы, все население вооружено, и по городу носятся слухи о предстоящей резне; продали десятки тысяч револьверов.

Прежнее братание мусульман и христиан сменилось еще бóльшим против прежнего недоверием. Одним словом, всеобщее ликование и радужное настроение непосредственно после июльской революции сменилось подавленным, крайне нервным настроением.

Либералы, конечно, далеки от мысли приписать таковую перемену своим грубым ошибкам и административной неопытности и стараются выставить султана единственным ответчиком за таковое положение в империи, вызванное якобы его подпольною деятельностью.

Низложение султана Абдул-Гамида, как известно, должно было явиться первым актом революции младотурок, но когда султан 11 июля даровал конституцию и этим обеспечил бескровное дальнейшее течение революции, младотуркам пришлось временно отказаться от такового своего намерения, чтобы не скомпрометировать себя в глазах Европы, помощь и нравственная поддержка которой особенно ценны, но чувствовалось, что младотурки только отложили свой план до первого удобного случая. Султану не верят, несмотря на все его ухаживания за комитетом «Единение и Прогресс». Либералы считают, что только при

новом султане возможно искреннее взаимодействие между монархом и народом для культурной работы.

Настоящее положение вещей внушает серьезные опасения у младотурок за прочность либерального режима, и, насколько можно заключить, они решили низложить Абдул-Гамида, но они еще не остановили своего выбора ни на ком.

Судя по некоторым признакам, вопрос близится к развязке, но верность султану войск 2-й пехотной дивизии, расположенных в Ильдызе, однако составляет серьезную помеху к исполнению их планов. Но они принимают свои меры.

Сюда привезли уже 3 батальона из III корпуса, в верности конституции коих нет сомнений, имеется сведение из Монастыря, что там 4 батальона готовятся к отправке в столицу. Крейсер «Массудие» вернулся и бросил якорь перед Ильдызом; там же стоит на якоре и минный крейсер. Говорят, что загородный дворец «Бейкос» реставрирован и устроен для жилья зимою.

Одним словом, надвигается гроза, которая неизвестно чем кончится и когда она может разразиться. Одно только ясно, что дворцовый переворот обойдется не без крови, и весьма возможно, что столица сделается ареною ожесточенной борьбы, размер и конец которой не подлежит учету.

Генерального штаба полковник Х о л ь м с е н.

Депеша посла в Константинополе от 31 (18) октября 1908 г. № 227.

Депешею от 10/23 сего месяца за № 219 [1]) я счел долгом обратить внимание императорского министерства на тревожное положение дел в Константинополе, где не существует действительной власти и где члены младотурецкого комитета, опирающиеся на низшие классы населения, поощряют распущенность черни. Лишь страху внешнего вмешательства следует приписать то, что чернь эта ограничивается пока частными беспорядками и не пускается на более крупные. Но за будущее нельзя ни под каким видом поручиться.

Получаемые из вилайетов, в особенности малоазиатских, сведения, точность коих подтверждается отзывами наших консулов, дают повод думать, что положение дел в провинциях представляется еще более тревожным. Малоазиатские турки отнеслись по большей части равнодушно к провозглашению конституции. Они не допускают ограничения власти султана-халифа, так же как не допускают и мысли о возможности равноправия христиан с мусульманами, а простой народ понимает свободу в смысле права не платить налоги и относиться с пол-

[1]) См. выше стр. 17.

ным пренебрежением к существующим властям. Из многочисленных местностей, населенных христианами, постоянно получаются жалобы последних на враждебное отношение к ним мусульман, а из Виран-Шехера, лежащего на границе Диарбекирского и Мосульского вилайетов, поступило на-днях известие, что турецкие войска, посланные для преследования известного разбойника Ибрагима-паши, но не успевшие его настигнуть, напали на обратном пути вместе с курдами на христианское население означенного местечка, истребили мужчин, изнасиловали женщин и подожгли местечко. Из нескольких местностей получены были пребывающими здесь послами, а в том числе и мною, заявления христианских общин о том, что им грозит истребление. На эти заявления обращаемо было серьезное внимание турецкого правительства.

Курды почти повсеместно предаются грабежам и насилиям, и принимаемые к усмирению их меры оказываются по большей части недействительными.

Таковое положение дел порождает всеобщее негодование среди благомыслящих элементов и служит поводом к обвинению руководителей младотурецких комитетов в непредусмотрительности. Даже английский посол, относившийся к младотуркам с безусловною снисходительностью, начинает сознавать, что положение дел в турецкой империи крайне неудовлетворительно и дает повод к опасениям за будущее.

Самолюбие младотурецких деятелей не дозволяет им сознаваться в собственных ошибках, и они предпочитают возлагать ответственность за существующую неурядицу на нынешних турецких министров, а также на султана, который продолжает будто бы поощрять под рукою реакцию. Жалобы на неспособность и бездеятельность великого визиря Киамиль-паши и некоторых других министров стали весьма часто появляться на страницах органов младотурецкой печати, и, судя по доходящим из благонадежных источников слухам, члены комитета «Единения и Прогресса» озабочены приисканием преемников нынешним членам кабинета.

Министры, действительно, слишком сдержанны, но обстоятельство это зависит не от недостатка доброй воли, а от невозможности сдерживать всеобщую анархию.

Что же касается султана, то отношение к нему означенного комитета, видимо, обострилось за последнее время; как известно императорскому министерству из моих предыдущих депеш, Абдул-Гамид упорно отказывается заменить охраняющую его дворец 2-ю гвардейскую дивизию другими войсками. Как бы с целью напомнить ему о его бессилии, два военных судна, броненосец «Массудие» и крейсер

«Фетхи-Буленд» стали на-днях на якорь против Ильдыза, и орудия их наведены, как говорят, на султанский дворец.

Вместе с тем, как можно заключить из доходящих из достоверных источников слухов, в младотурецких кружках вновь поставлен на очередь вопрос о низвержении султана и об избрании ему преемника из числа членов царствующего дома. Часть руководителей константинопольского комитета «Единения и Прогресса» признает таковую меру не вполне своевременной, но салоникский центральный комитет, где преобладающим влиянием пользуются молодые офицеры III турецкого корпуса, ставшие во главе революционного движения, высказывает убеждение, что никакие улучшения невозможны, пока царствует Абдул-Гамид.

В сущности, как я имел уже честь довести до сведения императорского министерства, младотурецкие комитеты заботятся лишь о том, чтобы надолго закрепить власть в своих руках.

В видах прекращения разногласий как по изложенному выше вопросу, так и по многим другим, главные руководители младотурецкой партии решили в непродолжительном времени съехаться в Салониках.

К вышеизложенному считаю долгом присовокупить, что на этих днях в Константинополе распространилась в большом количестве экземпляров изданная в Египте брошюра, в коей высказывается, что за свои минувшие деяния Абдул-Гамид заслужил уже свержения и что в настоящее время подлежит обсуждению лишь вопрос об его жизни.

З и н о в ь е в.

Выписка из донесения управляющего гражданским агентством в Македонии Петряева от 4 ноября (22 октября) 1908 г. № 524.

19 октября Солунь посетили делегаты сербского общества «Народная защита». Посещение это, по словам надв. сов. Петряева, имело своей целью сближение с руководителями младотурецкого комитета в видах заключения между Турцией и Сербией военного оборонительного и наступательного союза против Австрии. В переговорах по этому поводу делегаты пытались доказать туркам, что сербские и турецкие интересы во многом тождественны, и турки могли бы извлечь большую пользу из предполагаемого союза.

Младотурки, воздерживаясь от обсуждения оснований какого-либо политического соглашения, дали всетаки понять сербским делегатам, что они вполне сочувствуют идее политического единения турецкого и сербского народов, но не считают настоящий политический момент, с точки зрения турецких интересов, благоприятным для заключения подобного формального соглашения.

Депеша посла в Константинополе от 6 ноября (24 октября) 1908 г. № 229.

Я имел уже случай обращать внимание императорского министерства на разногласия, возникшие между султаном и военным министром, Али-Риза-пашою, вследствие попыток последнего устранить из ведения Ильдыза батальоны 2-й гвардейской дивизии, на которых Абдул Гамид смотрел, как на надежный оплот против возможных покушений враждебных ему младотурецких комитетов.

Обязанности означенных батальонов, пользовавшихся особым попечением султана, ограничивались содержанием караулов как в Ильдызе, так и в ближайших его окрестностях и присутствием на парадах, имевших место каждую пятницу. В видах обеспечения батальонов от влияния либеральных учений, в состав их ни под каким видом не допускались офицеры, получившие образование в военных училищах. Офицерский личный состав пополняется исключительно выслужившимися нижними чинами или же лицами, лично известными султану.

Не успев убедить Абдул-Гамида в необходимости заменить два батальона, занимавшие казарму Паш-Кышла, другими, военный министр дал командующему казармою Шюкри-паше приказание объявить означенным батальонам, что они должны в самое короткое время изготовиться к походу и следовать в Хеджаз и Иемен. Нижние чины решительно отказались подчиниться этому приказанию; весьма многие из них объявили, что, выслужив установленные сроки, они требуют увольнения и отправления на родину.

Вследствие неудачи многочисленных попыток, предпринятых с целью восстановления дисциплины мирными средствами, военное начальство сделало распоряжение о том, чтобы прибывший недавно из Салоник стрелковый батальон II корпуса [1]) был отправлен для занятия казармы Паш-Кышла. Часть ослушников, в числе 88 человек, большею частью унтер-офицеров, встретили батальон выстрелами. Батальон в свою очередь открыл огонь, коим трое из мятежников были убиты и трое других тяжело ранены. После этого мятежники положили оружие, а бежавшие из казармы Паш-Кышла нижние чины были переловлены отрядами, заранее расположенными с целью воспрепятствования другим гвардейским батальонам явиться на помощь возмутившимся.

В минувшую среду, 22 октября (4 ноября), оба мятежные батальона были посажены на пароход «Ангора», отправившийся в Хеджаз.

Командир 2-й гвардейской дивизии Шевкет-паша сменен, и одновременно наряжено строгое следствие для раскрытия истинных зачинщиков мятежа, занимающих, как подозревают младотурки, более или менее видное иерархическое положение.

---

[1]) Так в подлиннике.

Успешное усмирение военного бунта немало способствовало восстановлению в столице Турции заметно пошатнувшегося за последнее время авторитета младотурецкого комитета, руководившего действиями военных властей. Не удовольствовавшись этим успехом, младотурки сочли необходимым еще раз дать почувствовать султану свое влияние. К стоящим на якоре против Ильдыза броненосцу «Массудие» и крейсеру «Фетхи-Буленд» присоединились на-днях два миноносца, а на одной из возвышенностей, соседних с дворцом, построена батарея.

Означенные меры приняты, очевидно, с целью принудить султана отказаться от услуг остальных батальонов 2-й гвардейской дивизии, находящихся еще в его распоряжении. В случае успеха этих мер Абдул-Гамид очутится в полной зависимости от руководителей младотурецкого комитета, и его может постигнуть весьма печальная участь.

Таковое положение дел поддерживает в Константинополе постоянную тревогу. Остается пока неизвестным, насколько министерство расположено будет подчиниться революционным замыслам младотурецкого комитета.

З и н о в ь е в.

Письмо посла в Лондоне от 25 (12) ноября 1908 г. [1]).

Я прилагаю к этому письму отчет [2]) о разговоре советника посольства с Ниазим-беем, который вместе с Ахмед-Риза-беем прибыл в Лондон, чтобы в качестве влиятельных членов младотурецкого комитета, которому новый режим обязан своим происхождением, ознакомиться с мнением английского правительства.

Я ничего не прибавляю к отчету г. Поклевского.

Однако считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что я предложил г. Поклевскому проверить свои впечатления в беседе с сэром Чарльзом Гардингом.

Последний подтвердил, что речь, обращенная к нему Ахмед-Риза-беем, в точности соответствует словам Ниазима.

Сэр Чарльз сказал советнику посольства, что эти турецкие эмиссары не выдавали себя за посланцев турецкого правительства и являлись лишь выразителями пожеланий значительной части младотурецкой партии, но что, тем не менее, они оставили за собой право сообщить о своих впечатлениях правительству.

Большую часть их идей сэр Чарльз охарактеризовал как утопии и заверил г. Поклевского, что в беседах с этими эмиссарами он проявв-

[1]) Перевод с французского, сделанный в Архиве Внешней Политики.

[2]) Приложение в деле отсутствует.

лял полную откровенность с тем, чтобы вернуть их на почву реальной политики, в особенности в отношении Восточной Румелии и Персии.

Сэр Чарльз добавил, что английское правительство абсолютно против вмешательства Турции в персидские дела, но что невозможно отрицать существования сильных симпатий к персидским националистам со стороны младотурецкой партии.

Бенкендорф.

Депеша посла в Константинополе от 26 (13) ноября 1908 г. № 251.

Из весьма секретного донесения моего от 1 (14) сего месяца за № 240 ваше высокопревосходительство изволили усмотреть, что, будучи побуждаем к тому советами английского посла, великий визирь неоднократно настаивал перед султаном на утверждении выработанного специальною комиссиею проекта усиления укреплений Босфора, но что Абдул-Гамид уклонялся от прямого ответа.

Считаю ныне долгом обратить внимание ваше на дополнительные сведения по тому же предмету, добытые мною секретным путем.

Не получив ответа на новое представление, сделанное вследствие напоминания, последовавшего со стороны английского посла, великий визирь довел до сведения султана, что по открытии турецкого парламента, министерству будет, по всей вероятности, сделан запрос о причинах, побудивших правительство пренебречь усилением обороны Босфора, и что в таком случае, ради оправдания себя, министерство вынуждено будет предъявить палатам переписку, обмененную по настоящему вопросу между Ильдызом и министерством. Киамиль-паша присовокупил к этому, что желание оградить султана от всякой ответственности побуждает его ходатайствовать о скорейшем утверждении проекта новых укреплений.

Султан ответил на это через своего первого секретаря, что, принимая в соображение дружественные чувства, обнаруженные Россиею к Турции во время переживаемого ею кризиса и заслуживающие благодарности со стороны турецкого правительства, он признает несвоевременным открыто приступать к мерам, которые могут показаться обидными для русского правительства, и потому полагал бы необходимым отсрочить осуществление проекта босфорских укреплений.

Вслед затем султан уведомил великого визиря, что, желая ознакомиться с положением означенных укреплений, он поручил состоящему при нем муниру Шакир-паше осмотреть таковые и желает знать имена офицеров, которые назначены будут главным начальником артиллерии для сопровождения мунира.

В ответе своем великий визирь объяснил султану, что уклонения его от утверждения проекта укреплений подают повод к неблагоприят-

ным для его величества толкам, что есть лица, предполагающие, что означенные уклонения обусловливаются намерением султана облегчить доступ в Босфор русского флота и воспользоваться его содействием для личных целей, и, что он, великий визирь, считает долгом оспаривать означенные предположения, хотя, с своей стороны, и не вполне убежден в их неосновательности.

Заявление это побудило султана немедленно утвердить проект усиления обороны Босфора.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства, считаю долгом присовокупить, что отмеченное в письме великого визиря предположение представляется мне далеко не безосновательным, так как средства, коими располагает ныне султан, не могут считаться достаточными для обеспечения его личной безопасности.

Зиновьев.

Депеша послу в Константинополе от 16 (3) января 1909 г. № 3.

Вслед за возвращением из своей последней поездки по Европе Ахмед-Риза-бей, считающийся душою и главою младотурецкой партии «Единения и Прогресса», был избран президентом палаты депутатов.

Ввиду назначения этого возник вопрос: следует ли послам первым сделать визит президенту палаты или же они должны ожидать его посещения? Большинство послов высказалось в пользу последнего, но, так как английский посол первый отправился к Ахмед-Риза-бею, то все остальные мои сотоварищи поспешили последовать его примеру. Один я предпочел ожидать визита президента.

Посетив меня на прошлой неделе, Ахмед-Риза-бей объявил, что он ждал с нетерпением случая меня видеть, дабы поделиться со мною своими взглядами на взаимные отношения России и Турции.

«Я глубоко убежден, — сказал Ахмед-Риза-бей, — в необходимости тесного сближения обеих держав и верю, что Россия совершенно чужда завоевательным замыслам. Но среди турок и между прочим среди членов партии «Единения и Прогресса» есть лица, которые не могут еще отрешиться от предубеждений против России — предубеждений, обусловливаемых войнами, которые вы вели с Турцией. В видах устранения этих предубеждений было бы как нельзя более желательно, чтобы русское правительство проявило свое сочувствие к Турции, беспристрастно оценило бы ее жизненные интересы и наглядно доказало бы свое доброжелательство. В таком случае существующее в Турции недоверие исчезнет, и между обеими державами установятся самые тесные и искренние отношения, которые окажутся как нельзя более благотворными для их обоюдных интересов».

Принимая в соображение, что Ахмед-Риза-бей по справедливости пользуется репутацией человека бесхитростного и прямого, я нисколько не усомнился в искренности его заявления и обратился к нему с просьбою внимательно выслушать и мой взгляд на взаимные отношения России и Турции.

Я передал ему следующее:

«Со времени последней войны нашей с Турцией, причины коей было бы бесполезно подвергать ныне обсуждению, прошло 30 лет. С тех пор императорское правительство не раз являло доказательства своего внимания к интересам Турции и если и выступало по временам с предложениями, не нравившимися турецкому правительству, то было вынуждаемо к этому исключительно желанием предупредить осложнения, которые могли повлечь за собою прискорбные для Турции последствия. По прибытии моем в Константинополь я не мог не обратить внимания на смутное положение дел в Македонии, где существовали открыто враждебные отношения как между властями и христианским населением, так и между христианами различных национальностей. Полиция и жандармерия, на обязанности коих лежало охранение порядка и спокойствия, находились в самом жалком положении: оба учреждения пополнялись самыми неблагонадежными элементами. Получая самое ничтожное содержание или даже вовсе не получая его, полицейские и жандармы входили в стачки с разбойничьими бандами, а войска, находившиеся под руководством неопытных начальников, оказывались неспособными оберегать мирное население от банд и. вымещая свое негодование на самом мирном населении, еще более раздражали его. По поручению императорского правительства, я настойчиво обращал внимание Порты на столь прискорбное положение дел, но дававшиеся мне турецким правительством обещания позаботиться об улучшении не приводились в исполнение, и беззаботность его вызвала общее восстание в Македонии, разорившее эту страну. Обстоятельства эти побудили императорское правительство войти с Австриею и другими державами в соглашение относительно применения в Македонии целого ряда реформ и привлечения иностранных органов для наблюдения за выполнением их. Мера эта не замедлила дать существенные результаты. Администрация стала постепенно улучшаться, и организован был корпус жандармов, верно понимавших свои обязанности и исполнявших таковые с примерною точностью. Нет сомнения, что намеченные реформы, в случае последовательного их применения, дали бы в будущем еще более удовлетворительные результаты, но они встретили затруднения вследствие независевших от императорского правительства причин. Во всяком случае, то, что было осуществлено, служит красноречивым доказательством наме-

рения этого правительства устранить поводы к осложнениям на Балканском полуострове и, следовательно, обеспечить Турцию от неблагоприятных последствий ее беззаботности.

«Как же поступило бывшее турецкое правительство? Тяготясь реформами, которые само оно не в состоянии было провести, оно вошло в секретное соглашение с Австрией и обязалось предоставить ей привилегии, которые нарушили равновесие на Востоке. Настоящее турецкое правительство не сочло возможным ратификовать эти привилегии, и тогда австрийское правительство, будучи уверено в том, что Порта не решится обнаружить австро-турецкое секретное соглашение, решилось поступить самым бесцеремонным образом с Турцией и отторгнуло Боснию и Герцеговину. Этот произвольный поступок вызвал целый ряд осложнений, предусмотреть последствия которых пока весьма трудно. Несмотря на это, императорское правительство сочло долгом энергически выступить на защиту нарушенных прав Турции».

Выслушав эти слова, Ахмед-Риза-бей сказал, что он хорошо понимает ошибки прежнего турецкого правительства и что образ действий Австрии тем более возмущает его, что во время его последнего пребывания в Вене барон Эренталь уверил его в том, что австрийское правительство заботится о поддержании status quo на Балканском полуострове, что не помешало однако австрийскому министру иностранных дел несколько дней спустя объявить о присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии.

Высказав мне благодарность за попечение императорского правительства об интересах Турции, Ахмед-Риза-бей выразил надежду, что мы и впредь будем столь же внимательно относиться к ее интересам, каковое обстоятельство облегчит осуществление заветной его мысли об установлении между обоими государствами искренних отношений.

Я ответил моему собеседнику, что мы сочувственно отнеслись к проявленному турецкими патриотами намерению приступить к обширным реформам, что мы будем рады всякому успеху в этом направлении и готовы будем поддерживать нашим влиянием всякое благое начинание.

Не подвергая ни малейшему сомнению искренность данных мне Ахмед-Риза-беем уверений, я считаю однако долгом заметить, что его неопытность и слишком ограниченное знакомство с истинным положением дел не только на Востоке, но и в самой Турции не дозволяет пока смотреть на него, как на серьезного деятеля. Будучи избран президентом палаты депутатов, он уже не раз обнаружил свою неподготовленность к этому положению.

Зиновьев.

Телеграмма посла в Константинополе от 26 (13) января 1909 г.

Получил телеграмму № 53.

Турецкая палата депутатов представляет пока из себя сборище, совершенно не организованное и лишенное умелого руководства. Депутаты делятся большею частью на национальные группы, и партий с определенными программами не существует. К серьезной работе еще не приступлено, и отдельные депутаты, с целью проявить свою деятельность забрасывают правительство запросами. Запрос о Багдадской железной дороге мотивирован тем, что конвенция, заключенная Портой с немецким обществом, до сих пор не опубликована. Что касается вопроса о малоазиатских дорогах, в связи с обязательством, принятым на себя Портой относительно императорского правительства, то здесь высказывается надежда, что Россия, вследствие дружественного расположения, обнаруженного ею к Турции, согласится на отмену означенного обязательства. По всем этим вопросам я не премину представить вам точный отчет.

Зиновьев.

Депеша поверенного в делах в Риме от 2 февраля (20 января) 1909 г. № 8.

5(18) января с. г. состоялось в Милане, в здании местной торговой палаты, в присутствии многочисленных представителей финансового, промышленного мира, сенаторов, депутатов, журналистов и т. п. учредительное собрание итало-оттоманского комитета, основавшегося по почину известного финансиста депутата Луццати.

Последний открыл заседание пространною речью, в которой изложил происхождение мысли об итало-турецком сближении, вызываемом общим стремлением обеих стран извлечь наибольшие выгоды из конституционных свобод, которыми они пользуются обе и, практически, из миролюбивого обмена товаров (per trasse il maggior partito dalle libertà constituzionali e dai propositi di pacifici scambi). Такое соглашение исключает возможность каких бы то ни было поползновений Италии на северный берег Африки и ограничивает сношения коммерческими промышленными целями. Подобные завоевательные вожделения, по словам оратора, были неуместны в прошлом, а ныне явились бы прямо преступными, после обновления государственного строя Турции, когда весь мир приветствует ее возрождение, связывая с ним надежды на экономический подъем страны. Мечтая о таком соглашении, Италия, помимо развития обмена между обеими странами, заинтересована еще в получении заказов на сооружение железных дорог, портов и т. д. и возможности поставлять материалы для таковых.

Последующие ораторы говорили о желательности приобретения итальянцами рынков, которые теряет ныне Австрия, и подчеркивали выгоды, которые получит Италия, если она поддержит русский проект Трансбалканской железной дороги, который является единственным средством обезвредить полученную Австриею концессию на постройку линии Увачь — Митровица. Было также высказано мнение, что интересам Италии наиболее отвечает железная дорога Валона (Авлона) — Монастырь. Концессия на последнюю была выдана некоему Кауда (Cauda), который переуступил ее Deutsche Bank; ныне, за истечением срока, на который концессия перешла к последней, г. Кауда готов предоставить ее итальянским предпринимателям. Линия эта, связывая прекраснейший порт на Адриатике с Константинополем, явилась бы кратчайшим путем для подвоза итальянских товаров в турецкую столицу и должна обойтись в 50—60 миллионов лир.

Одновременно с учреждением центрального комитета в Милане основались также отделения его в Неаполе и Венеции.

К о р ф.

Депеша посла в Париже от 18(5) февраля 1909 г. № 14.

Парламентский переворот, приведший в Константинополе к перемене великого визиря, произвел здесь весьма неблагоприятное впечатление. Оно не было последствием предпочтения, которое французское правительство оказывало бы тому или другому турецкому сановнику. В резком выступлении партии «Единство и Прогресс» видят крупную политическую ошибку младотурок, которая способна ослабить сочувствие, с которым повсеместно относились к их доселе осторожной и умеренной деятельности. На самом же деле требования, предъявленные палатою к Киамиль-паше, каково бы ни было их достоинство, составили прямое нарушение строго представительного строя и напомнили собою приемы якобинцев и вообще политических кружков, стремящихся в революционное время непосредственно управлять страною чрез преданное им парламентское большинство помимо законных правительственных органов.

С международной точки зрения, существует опасность, что происшедший с Стамбуле переворот произведет задержку в разрешении стоящих на очереди вопросов, которые, казалось, близились к заключению. К тому же Хильми-паша еще не заявил себя настолько во внешней политике, чтобы можно было с доверием относиться к его будущей деятельности, тогда как Киамиль, хотя и враждебно настроенный против России, понимал важность защищаемых нами интересов и по мере сил противодействовал наступательным действиям Австрии и стоящей за нею Германии.

Впрочем, несмотря на радость, выказанную в Вене печатью по поводу назначения Хильми-паши, там, как кажется, смотрят не без некоторого беспокойства на дальнейшее развитие политического положения на берегах Босфора. «Мы не будем настолько глупы, — сказал здесь в частном разговоре австро-венгерский посол, — чтобы отдать в руки столь неустойчивого правительства, каковым является турецкое, 56 000 000». От того, как отнесется Хильми-паша к нашему предложению об учете в пользу Болгарии части военного вознаграждения, будет, очевидно, зависеть более или менее скорое разрешение турецко-болгарского затруднения. Французскому послу в Константинополе повторительно и строго предписано оказывать нам в этом деле наиживейшую поддержку. С своей стороны финансовые круги с нетерпением ожидают нашего отзыва на сделанные нам бароном Готтингером предложения по этому предмету. В этой среде о падении Киамиль-паши не особенно сокрушаются, так как, вполне преданный англичанам, он всегда потворствовал их выгодам, а на турецкой почве зародилось в последнее время экономическое соперничество с Англией, на которое я уже имел случай обратить внимание вашего высокопревосходительства.

Нелидов.

Депеша посла в Константинополе от 24 (11) февраля 1909 г. № 35.

Дружественные и тесные отношения, которые установились между английским послом и младотурецким комитетом «Единения и Прогресса» вслед за прибытием сюда сэр Джерарда Лаузера, поколебались с той самой минуты, как посол убедился в том, что комитет, разойдясь с великим визирем Киамиль-пашею, стал подготовлять его падение. Об этом свидетельствует, между прочим, серия добытых мною секретным путем документов.

Не успев добиться согласия английского посла на разрешение нескольких спорных вопросов, касавшихся турецких владений на побережьи Персидского залива, турецкий министр иностранных дел Тевфик-паша поручил послу в Лондоне Рифаат-паше объясниться по этому предмету с лондонским кабинетом.

Сэр Эдуард Грей ответил Рифаат-паше, что усилия комитета «Единения и Прогресса», имеющие целью низвергнуть Киамиль-пашу, убеждают английское правительство в том, что турецкий комитет непрочен, и что ввиду этого лондонский кабинет считает бесполезным входить с Портою в какие бы то ни было соглашения.

Накануне падения Киамиль-паши сэр Джерард Лаузер конфиденциально объявил ему, что настоящий турецкий парламент был

избран под давлением комитета и вопреки постановлениям конституции и что английское правительство было бы не недовольно, если бы великий визирь испросил у султана согласие на роспуск парламента и на производство в установленный конституцией срок новых вполне свободных выборов.

Султан отказал Киамиль-паше в своем согласии на это предложение.

Телеграммою от 1(14) сего месяца Рифаат-паша донес, что, пригласив его к себе, сэр Э. Грей объявил ему, что события оправдали не раз высказанные опасения относительно непрочности кабинета Киамиль-паши, что падение последнего и еще более замена его Хильми-пашею, известным своими германофильскими тенденциями, представляются английскому правительству, как вызов, сделанный ему группою, совершившей этот переворот, и что ввиду этого Турция не должна впредь рассчитывать ни на Англию, ни на ее друзей.

Несмотря на столь резкую отповедь, кабинет Хильми-паши сделал со своей стороны попытку войти в новые переговоры с Англией.

Не успев добиться согласия Англии на разрешение спорных вопросов, касавшихся Персидского залива, временно управляющий турецким министерством иностранных дел Габриэль-Эффенди-Нурадунгян пожелал узнать мнение берлинского кабинета по этому предмету. Чрез турецкого посла в Берлине ему дан был совет предложить английскому правительству передачу спорных вопросов на рассмотрение третейского суда.

Следуя этому совету, Габриэль-Эффенди поручил турецкому послу в Лондоне предложить английскому статс-секретарю по иностранным делам заключение между обеими державами договора об арбитраже.

Сэр Э. Грей ответил на это предложение, что существование в Константинополе революционной партии, действующей без всякой осмотрительности, не дозволяет лондонскому кабинету доверять какому бы то ни было турецкому министерству и входить с ним в переговоры о каких бы то ни было соглашениях.

Хотя вслед за падением Киамиль-паши комитет «Единения и Прогресса» и отправил к английскому послу депутацию с поручением уверить его в неизменности чувств преданности комитета к Англии, но этот шаг нисколько на смягчил сэра Джерарда Лаузера, и он без всякого стеснения подвергает настоящее положение дел в Турции самой суровой критике. Свои впечатления он не скрыл ни от своих иностранных сотоварищей, ни от нового великого визиря Хильми-паши. Последнему он заявил, что существование в Константинополе негласного и всесильного комитета, руководящего действиями правительства, а также вмешательства представителей турецких армии

и флота в политические распри служат весьма неблагоприятным предзнаменованием для будущности Турции.

Разочарование англичан весьма понятно, в особенности если принять в соображение, что еще недавно они питали честолюбивую мысль занять в Константинополе приблизительно то же самое положение, которое занимают в Египте. В этом смысле высказался представитель английских кредиторов в Совете администрации оттоманского публичного долга, бывший первый драгоман английского посольства, сэр Адам Блок.

Зиновьев.

Депеша посла в Константинополе от 13 марта (28 февраля) 1909 г. № 46.

Получив в половине минувшего января от исправляющего обязанности турецкого комиссара в Египте известие, что английское правительство предполагает, будто бы, предъявить Порте проект соглашения по делам Египта, бывший великий визирь Киамиль-паша поручил турецкому послу в Лондоне обратиться за объяснениями по этому предмету к английскому статс-секретарю по иностранным делам.

Сэр Э. Грей ответил Рифаат-паше, что означенное известие в том виде, в каком оно дошло до Порты, неверно, но что тем не менее он не считает возможным скрыть, что английское правительство занято изучением проекта соглашения по делам Египта, согласного с дружескими отношениями, существующими между Англией и Турцией.

Вслед за падением кабинета Киамиль-паши турецкий посол донес Порте, что под влиянием негодования, вызванного этим событием, английское правительство приняло будто бы решение воспользоваться первым удобным случаем для присоединения Египта к Англии. Таковое же известие получено было и от исправляющего обязанности комиссара в Египте.

На запрос Рифаат-паши по этому предмету сэр Э. Грей ответил, что он считает долгом предупредить Порту лишь о том, что английское правительство может оказаться вынужденным решиться на аннексию Египта лишь в том случае, если с своей стороны турецкое правительство окажется не в состоянии положить конец тайным происка м, к коим комитет «Единения и Прогресса» прибегает с некоторого времени с целью возбуждения недовольства и беспорядков в Египте.

С целью разъяснения дошедших до Порты известий нынешний великий визирь обратился, между прочим, к пребывающему в Константинополе английскому послу с просьбою склонить лондонский кабинет официально опровергнуть означенное известие. Сэр Джерард Лаузер ответил, что его правительство не в состоянии удовлетворить этому ходатайству и предрешить ход событий.

В числе добытых мною по этому предмету секретных документов имеется телеграмма турецкого поверенного в делах в Лондоне от 21 февраля (6 марта), в коей на основании официозных, но вполне достоверных сведений он доносит Порте что под влиянием внушений Германии хедив занял будто бы враждебное относительно Англии положение и пытается при содействии комитета «Единения и Прогресса» вызвать в Египте национальное движение. Основательно или нет, — присовокупляет турецкий поверенный в делах, — но английское правительство подозревает турецкое правительство в поощрении германских происков в Египте; опасаясь возможности национального движения в стране этой, англичане не считают возможным обнаружить свои намерения.

З и н о в ь е в.

Депеша посла в Константинополе от 27 (14) марта 1909 г. № 53.

Негодование на комитет «Единения и Прогресса», усилившееся вслед за падением Киамиль-паши, быстро распространяется. Все не зависящие от комитета органы печати предприняли против него серьезную кампанию. Они утверждают, что, ополчившись против бывшего великого визиря, комитет руководствовался исключительно своекорыстными побуждениями; что, приняв власть в весьма критическую минуту, Киамиль-паша оказал отечеству большие услуги; что было несогласно с духом конституции низвергать главу правительства, коему всего за несколько дней перед тем, по поводу предъявленной им палате депутатов программы, было высказано полное доверие; что столь же несовместно было с конституцией прибегать в видах давления на палату к содействию армии и флота, и что в конце концов комитет «Единения и Прогресса» образовал из себя негласное правительство, которое, не неся никакой ответственности, присвоило себе дискреционную власть, столь же опасную для государства, как и тиранния, предшествовавшая восстановлению конституции.

Обвинения эти нашли отголосок и в палате депутатов, где главным противником комитета является партия «свободомыслящих» («ахрар»), около которой сгруппировались разноплеменные элементы палаты и, между прочим, большинство христианских депутатов.

Помимо этого среди столичного мусульманского духовенства образовалась партия, которая, подозревая членов комитета «Единения и Прогресса» в равнодушии к правилам мусульманской веры, поставила себе задачей охранять таковые и противиться всякому нововведению, которое было бы несогласно с шариатом. Эта партия, к коей примкнули весьма многие, недовольна действиями комитета, рассылает в малоазиатские провинции духовных лиц с целью привлечения приверженцев.

Весьма сильное впечатление произвели здесь отзывы английской прессы и в особенности газеты «Таймс», которая с своей стороны строго осудила комитет за нетерпимость, обнаруживаемую им по отношению к независящим от него элементам, а также за отношения его к турецкой армии, расшатывающие военную дисциплину.

Под влиянием изложенных выше обвинений комитет «Единения и Прогресса» счел необходимым оправдаться и прибег с этой целью к посредничеству правительства.

В официальном органе правительства был опубликован на-днях следующий циркуляр, адресованный великим визирем местным губернаторам:

«Комитет «Единения и Прогресса», основанный в видах восстановления и упрочения конституционного образа правления, продолжал до открытия палат выполнять выпавшую на его долю обязанность отстаивать конституцию и наблюдать за ее точным применением. Но вслед за открытием законодательного собрания комитет преобразовался в политическую партию и в то же время предписал своим отделениям в провинциях воздерживаться от вмешательства в правительвенные дела, но в то же время обращать внимание правительства на необходимость привлечения к ответственности лиц виновных. Несмотря на это лица, заявляющие о принадлежности их к комитету «Единения и Прогресса», а также и другие комитеты, образовавшиеся под различными названиями, назначают и сменяют чиновников, вмешиваются в администрацию и обращаются к властям с письменными и словесными требованиями, каковые немедленно удовлетворяются большею частью чиновников, что мешает последним исполнять лежащие на них прямые обязанности.

«Конституция точно определяет права и обязанности как правительства, так и публики. Вмешивающиеся в дела правительства будут подвергаемы взысканиям, определенным законом. Ввиду этого чиновники обязаны добросовестно исполнять свои обязанности и ни под каким видом не допускать чьего-либо вмешательства в общественные дела».

Никто здесь не верит в искренность упоминаемого в циркуляре великого визаря решения комитета воздерживаться от вмешательства в администрацию, тем более, что из самого циркуляра явствует, что комитет сохранил за собою право обращать внимание правительства на необходимость привлечения к ответственности виновных. Все убеждены, напротив того, в том, что комитет, опирающийся на сочувствующих ему 150 депутатов в палате, а также на значительную часть румелийской армии, ни в каком случае не пожертвует влиятельным положением, завоеванным им в Константинополе, и, в случае необхо-

димости, не поколеблется прибегнуть к крайним мерам для устранения своих соперников.

Не имея возможности рассчитывать на какую-либо иную поддержку, кроме той, которую в состоянии оказать ему выдвинувший его вперед комитет, великий визирь вполне подчиняется его влиянию. Ввиду получаемых из провинций, в особенности из малоазиатских, тревожных сведений, уверенность, с которою Хильми-паша принял власть, начинает мало-по-малу уступать место сознанию, что находящиеся в его распоряжении средства далеко не достаточны для борьбы с возрастающими затруднениями.

Недовольство, вызванное вмешательством офицеров III турецкого корпуса в дела политики, побудило военного министра Али-Риза-пашу адресовать начальникам военных частей циркуляр, коим офицерам воспрещается принимать участие в митингах, политических клубах и газетах. Циркуляр этот, как многие полагают, останется мертвою буквою, так как политиканство пустило слишком глубокие корни в рядах армии и личное влияние военного министра весьма ограничено.

Зиновьев.

(Окончание следует.)

Керченские каменоломни в 1919 г.

В истории революционного повстанчества борьба керченских партизан весною 1919 г. принадлежит к числу наиболее героических и в то же время высоко трагических эпизодов.

Глубоко под землей в многоверстных запутанных лабиринтах пригородных каменоломен формировалась база партизанского движения. Втечение нескольких месяцев отсюда велась упорная борьба с врагом, силы которого были неизмеримо выше — с регулярной армией Деникина, энергично поддерживаемой «союзным» флотом.

Публикуемые ниже документы рисуют картину серьезных военных операций и с очевидностью показывают, какую существенную роль сыграли керченские партизаны. Они содействовали разложению белой армии, притягивая из нее революционно настроенные элементы, заставляли белых снимать с фронта крупные воинские силы. Борьба началась в феврале 1919 г., когда в Старо-карантинских каменоломнях появились первые группы, беспокоившие белое командование [1]). Несколько позже, в марте, каменоломни были превращены в базу революционного повстанчества. В деревне Аджимушкай состоялся подпольный съезд городских и пригородных деревенских большевистских ячеек, на котором было решено начать в каменоломнях формирование партизанских отрядов и был избран военно-революционный штаб каменоломен во главе с тов. Самойленко.

Тогда же в Аджимушкайских каменоломнях началась организация партизанских отрядов. К основному руководящему ядру, состоявшему из большевиков, быстро стали присоединяться многочисленные крестьяне, в особенности призывных возрастов.

Вскоре часть отрядов была направлена в соседние — Багеровские каменоломни, откуда систематически совершались партизанские налеты на проходившие мимо (у одноименного полустанка) воинские эшелоны, интендантские обозы и т. д. Вскоре к Багеровскому отряду присоединилась группа Денисенко из Старо-карантинских каменоломен (свыше 100 человек). Белые сосредоточили крупные силы и систематическими взрывами выбили, в конце концов, партизан, укрывшихся в сравнительно мало разветвленных галлереях Багеровских каменоломен. Небольшая часть уцелевших от взрывов вернулась в Аджимушкайские каменоломни. Сюда же попали таким образом и остатки группы Денисенко, состоявшей в значительной степени из деклассированных элементов, с которой повстанцам пришлось уживаться и даже итти на совместные действия для

---

[1]) См. И. Гелис, Красные кроты, («Революция в Крыму», 1924 г., № 1 (3), стр. 129).

защиты каменоломен и для организации партизанских налетов на Керчь, на проходившие по железной дороге воинские эшелоны и т. д. При этом, хотя значительная часть из группы Денисенко и растворилась всецело в среде революционных повстанцев, но все же это вынужденное сожительство чрезвычайно осложнило обстановку и наносило существенный вред движению.

К этому времени в Аджимушкайских каменоломнях скопилось и большое количество мирного населения, женщин, детей, стариков, укрывавшихся под землей от бесчинств белых и от постоянного артиллерийского обстрела судов «союзного» флота. Всего здесь было около 1 000 человек.

Поскольку каменоломни имели около 200 выходов, подземные обитатели, пользуясь полной поддержкой крестьянства всей округи, сравнительно легко запасались продовольствием, фуражем для лошадей и даже для убойного скота. Что же касается оружия, то его приходилось главным образом добывать с боем во время налетов на воинские части белых. Под землей был вырыт большой бассейн, где собрали около 2 000 ведер воды, была устроена ручная мельница для перемола зерна, телефонная сеть внутреннего сообщения, все вооруженные силы были разбиты на несколько рот, — словом, под землей сложился сравнительно хорошо организованный повстанческий отряд.

В марте и апреле партизаны развили очень энергичную деятельность. К ним все время пробирались и присоединялись новые группы беглецов. Поддерживалась регулярная связь с Керчью.

Все это приводило белых в огромное беспокойство. Из штаба летели предписания немедленно ликвидировать каменоломни, весь район был оцеплен, производились постоянные взрывы входов в каменоломни, но борьба с засевшими в каменоломнях давала очень слабые результаты, хотя и приводила к заметной убыли в людях.

Тогда совместно с «союзным» командованием приступили к разработке генерального плана ликвидации каменоломен. Решено было сильным артиллерийским огнем союзных судов стереть с лица земли связанные с каменоломнями деревни (многие выходы из каменоломен вели в отдельные крестьянские дома). Этот обстрел должен был в то же время завалить развалинами домов большинство выходов и разрушить верхние галлереи каменоломен. После этого через уцелевшие выходы предполагалось залить все галлереи соляной или серной кислотой, которая от соединения с известковыми породами дала бы удушливую смесь воздуха и углекислоты, неся смерть всем уцелевшим от обстрела. Под землей погибло бы все население вместе с женщинами, детьми и стариками.

Пока велась подготовка к осуществлению этого плана, аджимушкайцы решились на последнюю вылазку с целью захватить в свои руки Керчь. Эта вылазка состоялась в ночь с 22 на 23 мая. Но к тому времени уже погибли основные руководители отряда (Самойленко и др.), и экспедиция на Керчь не имела твердого руководства. Отдельные пункты города были захвачены, но все же партизаны потерпели жестокое поражение. Многие погибли в ту же ночь в боях, укрывшихся вылавливали и убивали на месте в последующие дни. Начался беспощадный террор. Движение было ликвидировано. Но даже разгромленное оно сыграло свою роль и значительно облегчило на близком фронте операции Красной армии.

Документы, вошедшие в настоящую публикацию, воспроизведены здесь с подлинников, хранящихся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции (фонд № 1486, д.д. №№ 21, 24, 39, 58. 76).

А. Гуковский.

Телеграмма.

Симферополь. Наштармкраз.

Из Керчи. 1924. Военная.

К 10 часам 5 февраля. Ввиду вполне определенных сведений об имеющихся в Керчи организованных бандах ночью 4 февраля, по соглашению с представителями краевого правительства, были предприняты две больших облавы: первая в каменоломнях Аджимушкая, вторая в каменоломнях Карантина (в версте от крепости). Первая облава осязательных результатов не дала, второй были обнаружены в комнате каменоломни известные грабители и убийцы, главари шайки, братья Денисовы. В происшедшей перестрелке убиты два помощника пристава, легко ранены начальник полицейского участка и два пластуна. Преступники скрылись в каменоломню, которая оцеплена; охраняются все четыре выхода. Проникнуть внутрь, где имеется целый лабиринт галлерей по нескольку верст, невозможно. Попытка завалить выходы взрывом пола (полтора пуда) не удалась совершенно благодаря крепости породы. Местной полицией предлагаются средства для организации взрывов с забивкой, которыми выходы будут завалены. — Керчь. 5 февраля. 9 час. 40 мин. № 00057.

Ласточкин.

Телеграмма.

Севастополь. Кист, генералу Апельгрен.

Ввиду крайней важности обеспечения порядка в Керчи, где находится мощная радиостанция и проходит прямой провод на Екатеринодар, прошу вас передать союзному командованию просьбу командарма поставить в Керчи одно боевое судно и приказать командиру этого судна войти в связь с комкрепом Керчи и не допускать там никакого нарушения порядка. В Керчи расположена лишь сотня Таманского полка. Прибытие судна необходимо не позже вечера 26 февраля, так как, по имеющимся сведениям, 27 февраля в Керчи готовится восстание. Результаты обращения к союзникам срочно телеграфируйте. — Симферополь. 25 февраля. 23 часа № 03590.

Коновалов.

Телеграмма.

Екатеринодар. Наштармглав.

По донесению комкреп Керчь, там 27 февраля готовится восстание. Уже в настоящее время обнаружена в двенадцати верстах

западнее Керчи в каменоломнях банда в 150 человек с орудиями Гочкиса и пулеметами. В Керчи стоит лишь одна сотня Таманского полка, и что-либо туда еще послать не представляется возможным. Командарм обратился к союзникам и комфлоту с просьбой о посылке в Керчь боевых судов. Керчь для нас имеет первостепенное значение как пункт, через который проходит прямой провод в Екатеринодар и где имеется мощная радиостанция, ввиду чего была бы крайне желательна срочная присылка в Керчь из Кубани хотя бы двух — трех сотен, а также одного — двух броневиков. О последующем прошу телеграфировать. — Симферополь. 25 февраля. 23 часа. № 03593.

Коновалов.

Телеграмма.

Симферополь. Начштаб краз.

Из Керчи. 2562. Военная. 213. 11/I. 15. 10.

Положение в Керчи осложняется. Получены донесения о сильном брожении и вооружении пригородов. В городе ведется агитация о захвате власти. В частности некоторые союзы высказались против. Городская дума постановила праздновать день революции и организует публичные митинги в цирке и английском клубе. У меня всего 20 человек в городе и 75 в крепости; привлекаю еще 60 стражников. Прошу телеграфировать, на что могу рассчитывать — получить от вас и когда. Желателен приход иностранных миноносцев. Заметно сильное недовольство краевым правительством. — № 18. Керчь. 26 февраля 1919 г.

Коломенский.

Расшифровал капитан [подпись].

Телеграмма.

Керчь. Начальнику гарнизона. Копия Симферополь генкварту. Из Джанкоя. № 295. 4/4 1919 г.

Командарм приказал принять все меры к уничтожению банд, скрывающихся в каменоломне. Делаются распоряжения о временной посылке вам двух орудий полевых. — Джанкой. 22/3. 1919. № 03900.

За генкварм полковник Коновалов.

Телеграмма.

В Керчь — комкреп.

Командарм приказал спешно ликвидировать шайку в каменоломнях и об исполнении донести. — Симферополь. 23/III.19. № 3913.

Коновалов.

Телеграмма.

Екатеринодар. Начвосоглав. Генералу Письменному. Копия: генкварглав. Копия: Семь Колодезей — наштармкраз.

Для ликвидации каменоломен в окрестностях Керчи, где скрываются до восьмисот бандитов, постоянно угрожающих железным дорогам и пристаням, необходимо срочно подать в распоряжение коменданта крепости сто пудов динамита, капсюлей и бикфордова шнура на двести взрывов. Просил об этом № 356 генкварглава. Обстановка осложняется. Необходимо принять решительные меры по ликвидации каменоломен. Убедительнейше прошу содействия в скорейшей высылке. — 9 апреля. Керчь. № 292.

Махров.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Генералу Чернавину.

Прин. 16/IV 1919 г.

Разработка агентурных сведений и данных осведомителей дает следующую картину о гнездах большевиков и бандитов в районе Керчи: самым сильным является Аджимушкайская каменоломня, где сосредоточено до двухсот человек, хорошо вооруженных, при двух пулеметах и двух автомобилях. Состав пестрый: главная масса — дезертиры из Тамани и из Мелитопольского полка, затем бандиты — Багеровские и местные, последние в Керчи занимаются этим ремеслом с 20-х годов. Во главе штаб, именующий себя Керченским комитетом коммунистов-большевиков. Настроение у штаба переменное в зависимости от положения на фронте. Активное выступление и сильное можно ожидать только в случае нашей эвакуации из Крыма, почему в этот момент подлежит Аджимушкай держать под огнем судовой артиллерии. Второе место занимает Карантинная каменоломня, где бандитов до 50 человек, преследующих исключительно пока грабительские цели. В случае нашей эвакуации, в целях реабилитации перед советской властью, выступят против нас активно. Такого же характера и гнездо большевиков в Еникале. Городской комитет пока ведет работу чисто организационную и, под влиянием имевших место арестов, очень конспиративную. Принимаются срочные меры для его ликвидации. Мною сделан доклад начальнику гарнизона, из которого вытекают следующие очередные задачи: ликвидация Аджимушкая и разоружение населения. — Керчь. 15 апреля. № 470.

Петров.

Телеграмма.

Керчь. Коперангу Дмитриеву.

Имеются достоверные сведения, что на Керченский полуостров из Геническа, Бердянска и Мариуполя беспрерывно просачиваются шаланды с большевиками, которые усиливают каменоломни. Командарм приказал усилить наблюдение за Азовским морем и кроме того просить союзное командование потопить в указанных пунктах все плавучие средства. О последующем телеграфируйте. —25/IV 1919. № 0275. Коновалов.

Телеграмма.

Наштармкраз.

№ 884. 25/4. [1919 г.].

Командир сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии докладывает, что из его полка значительное число людей дезертирует в Керченские каменоломни. Полк. Попов просит принять решительные меры к ликвидации этих каменоломен. Я вполне поддерживаю его просьбу. —25/4. № 01680. Слащев.

Разговор по прямому проводу. 26/IV.

Кирпичников.—Сегодня ночью в городе на Босфорские казармы было произведено вооруженное нападение. Бандиты открыли ружейный огонь и бросили бомбы. Нападение отбито, при этом убит поручик Раевский, тяжело ранен поручик Карачевский-Волк, легко ранены три солдата. Возможно повторение таких нападений в ближайшие дни. Начальник гарнизона просил меня вызвать вас к аппарату и доложить его, также мои, нижеследующие соображения. В гарнизоне совершенно недостаточно войск, численность банд, окружающих город, растет с каждым днем. Благодаря недостаточной охране банды получают оружие разного рода, патроны, имеют возможность организовать правильную разведку в городе и крепости, в дальнейшем могут угрожать тылу армии. Сегодня поступило донесение о том, что ими обокрадены маяки. Предполагается взрыв вех на море, также повышение дальнейшей активной деятельности. Генерал Ходаковский считает необходимым, кроме немедленного установления более строгого порядка в городе (возможные меры сегодня же будут приняты), создать немедленно постоянную воинскую силу для очистки района крепости. Ядром такой силы он считает нашу партизанскую сотню, поэтому просит принять все меры к тому, чтобы приказ о ней и штаты были сегодня же подписаны командармом, о чем меня необходимо телеграфно уведомить. С получением этого сегодня же начнем запись в отряд, пополним сотню штаба и приступим к выполнению задания ген. Ходаков-

ского. Промедление с этим, по мнению генерала, может создать осложнение. Штаты и проект приказа вчера мною переданы наштарму. В числе других мер генерал предполагает выселение из района крепости всех лиц, не имеющих определенных занятий и почему-либо неблагонадежных. Прошу вашего приказания.

— Приказ сейчас получите. Ждите у аппарата. Что еще желает комендант крепости? Достаточно ли в этом случае наличных войск?

— Нет, недостаточно. Об этом комендант войдет со специальным представлением.

— Так не теряйте времени, сами говорите что нужно.

— Вызову вас сегодня в шесть часов, если это вам удобно, и доложу подробно положение. Буду ждать у аппарата приказа.

— Ждем сегодня от коменданта крепости телеграммы с перечислением нужд.

— Будет сделано.

26/IV 1919 г.

— У аппарата наштарм генерал Чернавин.

— У аппарата генерал Ходаковский. Здравствуйте, Виктор Васильевич. Бандиты со дня на день наглеют. 24-го ночью шайка из каменоломен с бомбами сделала налет на Босфорские казармы, где помещаются сотни Кирпичникова. Вчера ночью такой же налет произведен на вокзал; в обоих случаях есть у нас убитые и раненые. Необходимо сейчас же покончить с каменоломней, что сделать собственными силами не могу. Необходимо мне выслать две роты, по крайней мере, 150 штыков. Если положение на фронте позволяет, прошу это сделать сегодня же. 7-ой эскадрон, который вы ожидаете из Тамани, вряд ли будет прислан, так как сводно-кавказский полк в тылу оставил людей по расчету 1 человек на 10 лошадей. Полк имеет более 700 лошадей, ожидает седла, которые должны быть им отпущены из Новороссийска, и первый транспорт из 180 седел уже вышел из Новороссийска и, может быть, прибыл в Тамань. Таким образом, скоро у вас будет крупная конная единица, почему сомневаюсь, чтобы бросили лошадей в Тамани без присмотра. Пополнение из Тамани ждать мне некогда, к тому — это будет сборная часть, которую полезней влить в строевые части на фронт, в Керчи их задерживать нежелательно. Второе: крайне нужен бензин, останавливается радио. Бензин имеется только лишь в авиопарке, но последний состоит в ведении штарма. Прошу вашего распоряжения.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Командарм сейчас на позиции. Окончательный ответ будет по возвращении его. По обстановке ваше желание о присылке 150 штыков выполнимо. Предполагалось дать вам их дня через два, однако, возможно, что вышлем и

завтра. Седьмой эскадрон, конечно, не может бросить лошадей, тем более, что идут седла. Относительно бензина я сделаю распоряжение, но я не имею точных данных о том, сколько и где бензина есть.

— Спасибо, будем ждать обещанного. Досвидания. Все же еще раз настоятельно прошу 150 штыков прислать мне сегодня же, чтобы завтра с рассветом я бы мог начать операцию. Бензин имеется на Брянском заводе на барже. Сделайте распоряжение, мы передадим.

26/IV. 21 ч. 30 м. [1]).

— У аппарата полковник Коновалов. — Здравствуйте, Герман Иванович. У нас есть для ликвидации каменоломен неограниченное количество по большей части мелинита. Есть динамит, но совершенно нет капсюлей, запалов и бикфордова шнура, что, по собранным сведениям, забрано на фронт начальником команды подрывников сводно-кавалерийского полка. Генерал Ходаковский убедительно просит командировать временно начальника этой команды с указанными недостающими для взрывов материалами. Необходимо, если последует согласие, чтобы начальник команды прибыл завтра вместе с обратным поездом генерала Витвиницкого, который лично доложит местную обстановку и настоятельность скорейших решительных активных действий с нашей стороны против каменоломен.

— Доброго здоровья. Гвардия и батарея сейчас в периоде погрузки и, вероятно, через час выступят к вам. Начальник команды подрывной, о котором говорите, вероятно, будет командирован в распоряжение комкрепа. Сейчас по этому поводу подготовлю распоряжение. Копия вам. Что касается запалов и бикфордового шнура, сомневаюсь, чтобы на фронте можно было бы в большом количестве найти, так как все то, что было прислано начальнику подрывной команды, употреблено им на взрывы Петровских каменоломен. Все же постараюсь на первое время изыскать и послать вам немного бикфордова шнура и несколько запалов. На дальнейшее же надлежит срочно потребовать это имущество из Новороссийска или Екатеринодара. Если нужно, окажем в этом содействие. Кроме того запросите генерала Ларионова, не нашел ли он этих предметов в обозах инженерных частей.

Телеграмма.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Махрову. Осваг — Кирпичникову.

В 12 час. 20 мин. батарея красных обстреляла наши окопы в районе ст. Ак-Манай и станцию и в 17 час. 30 м. обстреляла наш бро-

[1]) На подлиннике пометы: «Распоряжение № 278 о высылке 5 див. нач. подрывной команды и капсюлей, запалов и бикф[ордова] шнура.» — «№ 02579 полк. Дружинину о капсюлях и бикфорова шнура.»

непоезд в том же районе. Судовая артиллерия разогнала работавших в районе Царков красных и разъезд восточнее Дал. Камыши. Операция у каменоломен продолжается, начаты взрывы. Задержано много лиц, причастных к бандитам. В ночь на 30 апреля бандитами произведено нападение в Керчи на телеграф, почту и телефон. Нападение отбито. — Семь Колодезей. 1 мая. 22 часа. № 14693.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Генералу Чернавину. ОЗП и 0316.

Из Керчи. 6506, 2/5. II.35.

Прин. 2/5 1919 г. Военная.

Ликвидации каменоломен продолжаются успешно, но с крайним напряжением всех сил, которые приходится перебрасывать. Необходимость моего присутствия здесь в связи с командировками моих сотрудников лишает меня возможности регулярно ездить в штарм для доклада. Сделал подробный доклад командарм. Литература, газеты выписаны, агитаторы подбираются. Прошу ассигновать на все это в мое распоряжение, кроме данных командарм десяти тысяч, еще двадцать пять тысяч, что необходимо ввиду неприсылки денег ставкой и сообщения о ликвидации Крымского осведомительного отделения. — № 1225.

Кирпичников.

Разговор по прямому проводу.

3/V 1919 г.

Здесь полковник Коновалов? Сообщите кратко обстановку на фронте.

— Вчера перед вечером воздушная разведка выяснила перед фронтом 4-й дивизии некоторое оживление противника. Около 8-ми часов вечера наштадив 5 сообщил мне по телефону, что против 6 дивизии с наступлением темноты наблюдалось тоже оживление больше обыкновенного. Около 10-ти часов вечера приблизительно до половины 12-го судовая артиллерия и, кажется, сухопутная обстреляли районы впереди позиции. Ночью все было тихо. Все.

— Не имеете ли утренних сведений?

— Еще не получены. Оперативная сводка ожидается к 10-ти часам.

— Очень благодарен. Как только будет что-нибудь тревожное, сейчас же вызывайте меня к аппарату через штаб, возле которого я живу. Здесь продолжается борьба с Карантинной каменоломней, и, вероятно, сегодня начнется осада Аджимушкайской каменоломни. Вчера ночью, то-есть в ночь на 2-ое, в последнюю каменоломню обманным

путем, разузнав пропуск, бандиты втащили около 100 наших драгун. Вообще является крайней необходимостью здесь покончить с бандитами, ибо, во-первых, число их увеличивается, а, во-вторых, опросом только-что прибежавшего оттуда нашего драгуна я установил несомненную связь каменоломщиков с фронтом. Каперангу Дмитриеву я передал просьбу о необходимости тщательного осмотра прибрежной полосы Азовского и Черного морей с целью прекращения указанной связи. Необходимо передать фронту: 1) указания о недопустимости пропуска через фронт в сторону противника и обратно, что, повидимому, имеет место. В этом отношении каменоломщики широко пользуются офицерским платьем и всегда узнают пропуск, окликая наших же. Необходимо: 2) чтобы наштарм приказал Кирпичникову повести широкую агитацию устную и прокламациями среди населения, особенно деревень, прилегающих к каменоломням, так как я пришел к выводу, что многие забираются в каменоломни под влиянием агитации большевиков, которой внушается жителям, что дело Добрармии кончено, что ее войска уходят и по дороге вырезывают население, а потому последнему и предлагается влезать в каменоломни, где выждать несколько дней до прихода большевиков. Наша контрразведка хромает; общеармейская с местной не объединена. 3) Крайне желателен скорейший приезд Махрова, без чего, повидимому, ничего не выходит. Все.

— Слушаю. Сделаю что сам могу, остальное доложу. Желательно ежедневно к 10-ти часам получать сводку для оперативного донесения в ставку. Все.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генкварткав. Новочеркасск — генквардон. Пятигорск — оберквармм. Федоровка — ген. Виноградову. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Коновалову, полк Флорову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

На фронте действия разведывательных частей. Ночь прошла в редкой ружейной перестрелке на участке от Азовского моря до жел. дороги. Разведывательные части противника подходили к д. Джанторы и к хутору, что в 2 верстах к юго-востоку от деревни, но нашей артиллерией были отогнаны. Действия по ликвидации банд в каменоломнях продолжаются, приступлено к обложению каменоломен у с. Аджимушкай, каменоломни и село обстреляны судовой артиллерией. — Семь Колодезей. 3 мая. 10 час. 30 м. № 04701.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генквармкав. Новочеркасск — генквардон. Пятигорск — оберкварм. Федоровка — ген. Виноградову. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Махрову, Осваг —Кирпичникову.

На фронте без перемен. Для борьбы с бандитами в окрестностях Керчи в помощь действующим у каменоломен частям отправлен бронепоезд. Приступлено к разоружению жителей Керчи и окрестных деревень. Взрывами заваливаются входы в каменоломни, и местами извлекаются бандиты. Есть основание предполагать, что между каменоломнями и фронтом красных поддерживалась связь. У бандитов имеются пулеметы.— Семь Колодезей. 4 мая. 23 часа. № 04706.

Полковник Аметистов.

Телеграмма [1]).

Сегодня ночью около 24 часов в Старо-карантинных каменоломнях бандиты сделали вылазку, оттеснили наше охранение, захватили в Керченской роте два пулемета, причем около 20 бандитов прорвалось через Солдатскую слободку. В предместьях Керчи, в Вокзальной части гвардейцы, отойдя к окраине деревни Старый Карантин и восточной окраине каменоломни, с помощью 2 орудий в 10 часов утра загнали бандитов обратно в каменоломни. Потери в отряде Стесселя: 4 офицера убитых и 4 офицера раненых, солдат 4 убитых и 8 раненых — всего 16 [2]) человек. У противника трое убитых и 1 захвачен нами и, к сожалению, расстрелян ранее времени. Раненые бандиты скрылись в каменоломнях. Сейчас продолжается работа по взрыванию и закапываются выходы. Кроме того в некоторые выходы поставим проволочные заграждения. У Аджимушкайских каменоломен в селении Булганак, что западнее Аджимушкая, сегодня ночью была обстреляна наша конная застава жителями и бандитами. Отдано приказание обстрелять Булганак артиллерией и вновь его занять. В 14 часов поеду в Булганак. После поездки сообщу подробности о Булганаке.

Что у вас нового?

---

[1]) На подлиннике пометы: «Оп. к Левицкому. — В сводку перечислить части направление туда. 5/V». — «Исполнено. № 04709».

[2]) Так в подлиннике.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генкваркав. Новочеркасск— генквардон. Пятигорск— оберкварм. Федоровка— ген. Виноградову. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Коновалову, полк. Флорову, полк. Махрову, Осват —Кирпичникову.

Около 11 час. батарея красных из района Хирсиз-Шибан обстреляла участок позиции восточнее Парпач. В ночь с 4 на 5 мая бандиты сделали вылазку из Старо-карантинных каменоломен, временно оттеснив наше охранение. Около 20 бандитов прорвалось через Солдатскую Слободку в предместья Керчи. В 10 час. бандиты были загнаны в каменоломни. Наши потери: убито 4 офицера и 4 солдата, ранено 4 офицера и 8 солдат. У бандитов трое убитых и один захвачен в плен, раненые бандиты скрылись в каменоломни. У Аджимушкайских каменоломен в с. Булганак ночью жителями и бандитами была обстреляна наша конная застава. Отдано распоряжение обстрелять артиллерийским огнем д. Булганак и занять ее. Для борьбы с бандитами, угрожающими тылу, направлены сводно-гвардейский баталион, сводно-кавказского полка 4 эскадрона, Керченская рота, гарнизон г. Керчи, бронепоезд, конвой командарма и начдив 5 с двумя конно-горными орудиями и сейчас направляется Крымский конный полк. — Семь Колодезей. 5 мая. 22 часа. № 04709.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Генкварм полковнику Аметистову.

Из Керчи. 6730, б. сл., 19. 15. 10. Военная.

В 24 часа 5 мая английский истребитель выпустил 12 светящихся бомб по Аджимушкайским каменоломням. Ночь прошла спокойно. Английское командование предполагает включить в сферу своего влияния весь Керченский полуостров и намерено всегда держать в Керчи дежурное английское судно, а на берегу будет для связи английский офицер. Адмирал Сеймур очень озабочен, чтобы крымская армия получила английское обмундирование из Новороссийска, и сделал соответствующие шаги в этом направлении. — 6 мая. Керчь. № 2.

Перевалов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генквармкав. Новочеркасск — генквардон. Пятигорск — оберкварм. Федоровка — ген. Виноградову. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Коновалову, полк. Флорову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

Ночь прошла спокойно. По дополнительно полученным сведениям, англокрейсер и русский монитор с Азовского моря 6 числа обстреляли район с. Киет, где, по наблюдениям с моря, появились красные. Английский истребитель выпустил 12 светящихся бомб по Аджимушкайским каменоломням. — Семь Колодезей. 7 мая. 12 час. № 04714.

Полковник Аметистов.

Разговор по прямому проводу [1]).

— Сегодня ночью в отряде Счастливцева в Аджимушкае легкая перестрелка. У полковника Стесселя спокойно. В девять часов утра прибыл английский истребитель и сообщил, что у Чокракского залива в Азовском море он заметил два парохода, которые, завидя истребитель, начали быстро уходить к берегу и спустили шлюпки с людьми на берег. Подойти к берегу он не мог из-за мелкой воды. Одновременно капитан второго ранга Марков получил из Ейска телеграмму, что два парохода, посланные в Чокракский залив за солью, захвачены большевиками. Из Керчи отправлен к Чокракскому озеру эскадрон Крымского полка с двумя пулеметами; десять конных казаков из Булганака отправлены через Буюк-Тарахан к Чокракскому заливу. Затем двадцать человек с пулеметом посажены на ледокол «Пашич» и отправлены в море к Чокракскому заливу. В 16 часов туда же идет французский миноносец. О результатах [?] каменоломен захваченный в плен солдат сообщил, что в каменоломне укрылись все жители деревни Аджимушкай с семьями и домашним скотом. Там же находится 500 бандитов, из которых вооружение имеют от 200 до 300, и два пулемета. Продовольственных припасов заготовлено на две недели, воды в бассейне тысяча ведер, хлеба недостаток, частным жителям не выдают — ждут помощи из Бердянска.

— Все? Гарантированы ли вы, что ночью каменоломни надежно изолированы, или цепь слишком слаба? Не нужно ли вам еще войск?

— Пока не нужно, так как Старо-карантинные каменоломни сегодня, вероятно, будут теснее блокированы, и оставшиеся выходы будут завалены проволочными рогатками и ежами. Отряд Счастливцева, получив пеший эскадрон, достаточно силен, чтобы выдержать натиск в Аджимушкае. У Чокрака же нельзя ожидать больших сил.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Оп. сводку ПА. 7/V». — «Исполнено. № 04718».

Телеграмма [1]).

Полковнику Коновалову.

Передайте ему следующее: 1) полковник Глаусман сказал, что командарм согласился написать просьбу к англичанам. Ожидаю этого письма командарма для передачи англичанам. Содержание — просьба пропустить через районы Кавказа, находящиеся в сфере англовлияния. 2) Янченко предлагает оборудовать и установить своими людьми мотор с пропеллером для организации сильной воздушной тяги внутрь каменоломен для применения газов. Подобное устраивалось на фронте. Ожидаю ответа.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Новороссийск. Адмиралу Герасимову. Копии: Ейск — капе-рангу Дмитриеву и Торговая наштаглав.

В дополнение моего № 0347 вновь сообщаю, что установлена несомненная связь морем местных банд Керченского района с советскими властями. Советские радио подробно описывают борьбу банд каменоломен Керченского полуострова. Есть сведения о снабжении банд оружием, привозимым из Совдепии. При таких условиях упорство армии на фронте будет бесполезно. Необходимы ваши срочные и настойчивые распоряжения о полной изоляции Керченского полуострова. О последующем прошу телеграфировать. — 8/V. 1919. № 0362.

Коновалов.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Аметистову.

Необходимо просить англичан доставить нам в Керчь удушающих газов пятьдесят тысяч килограмм. — 9/V. 1919. № 0370.

Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генквармкав. Новочеркасск — генквардон. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда. Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

---

[1]) На подлиннике пометы: «8/V». — «Передана по телефону».

В 22 часа партия красных, повидимому — разведчиков, спускалась в лощину восточнее д. Тулумчак. Судовая артиллерия Черного моря обстреляла желдорогу севернее Кой-Асан-Парпач и район западнее этой деревни. С утра сегодня наша артиллерия обстреляла занятый противником курган севернее Хирсиз-Шибань. Высланные в район Чокракского залива наши разъезды никакой высадки там не обнаружили, но из находящихся у озера каменоломен были обстреляны. По имеющимся у моряков сведениям, в Азовском море находится вооруженный 6-дюймовым орудием пароход красных под названием «Дунай», о чем сообщено союзной эскадре для его уничтожения. 9 мая в 2 часа ночи аджимушкайцы сделали набег на д. Булганак и вытеснили из нее Крымский конный полк и казаков конвоя командарма к желдороге. С помощью бронепоезда и подошедших двух горных орудий бандиты загнаны в каменоломни. Найдены убитыми с нашей стороны два офицера и один казак. Врем. ком. Крымским конным полком полк. Бако пропал без вести. — Семь Колодезей. 9 мая. 12 час. № 4722.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копия — генквармкав. Копии: Ростов — генквармдобр. Новочеркасск — генквардон. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

В районе Кой-Асан красные производили на желдороге подрывные работы. В 17 час. батарея красных пыталась обстрелять ст. Ак-Манай, но снаряды не долетали. В 17 час. 35 м. наша артиллерия разогнала разведчиков противника западнее ст. Ак-Манай. Судовая артиллерия обстреляла окопы красных на высоте в районе Царков. Около 10 час. наши части, при поддержке огня двух английских миноносцев, нашей батареи и бронепоезда повели наступление на д. Аджимушкай и после боя с бандитами ворвались в 11 час. 15 м. в деревню и вслед за этим заняли часть каменоломен, куда укрылись бандиты. Наши потери — 14 человек Крымского конного полка. — Семь Колодезей. 9 мая. № 4727.

Полковник Аметистов.

Телеграмма

Семь Колодцев. Полковнику Аметистову.

Из Керчи, штаба гарнизона. 5.95.9/5. 6. 55.

9 мая в 2 часа аджимушкайцы сделали набег на Булганак и вытеснили Крымский конный полк и казаков конвоя командарма к железной

дороге. В 4 часа полковник Счастливцев, прибыв с 2 горными орудиями, собрал отступивших и под прикрытием огня бронепоезда и горных орудий перешел в контр-атаку и восстановил положение. Аджимушкайцы отступили к каменоломням. Потери еще не выяснены. В деревне найдены убитыми адъютант Крымского полка, неизвестный штаб-ротмистр и один казак; полковник Бако пропал без вести. Сейчас начинается операция по захвату каменоломен. — 9 мая. $1^1/_2$ часов. Керчь. № 13.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Аметистову.

Из шт. гарнизона Керчи.

Сегодня в $9^1/_2$ часов миноносец... [1]) английский № 77 открыл огонь по Аджимушкайским каменоломням и деревне Аджимушкай. Английский миноносец № 68, уходя в Константинополь, по дороге остановился и, выпустив 89 снарядов по Аджимушкаю, продолжал свой путь. В 10 часов открыла огонь сухопутная артиллерия и бронепоезд, и наши части развернулись для наступления вдоль железнодорожной ветки на Брянский вокзал у Царского Кургана и к северо-востоку от Брянского вокзала. В 11 час. 15 мин. наши части ворвались в деревню и заняли часть каменоломен. Бой наблюдал с английского миноносца № 77 и передаю, что видел. Сейчас получил непроверенный слух, что часть старо-карантинцев прорвалась к Джарфнаве в числе 140 человек, посылаю разведку. — 9 мая. Керчь. № 21.

Перевалов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генквармдобр. Новочеркасск — генквардон. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

На фронте ночь прошла спокойно. Ночью бандиты неоднократно и упорно пытались прорвать нашу линию охранения у Аджимушкайских каменоломен, но загонялись нашим пулеметным огнем и бомбами в каменоломни. Командует бандитами комиссар Самойленко, помощник у него еврей. Бандиты обильно снабжены патронами и ручными гранатами. — Семь Колодезей. 10 мая. 12 час. № 4728.

Полковник Аметистов.

---

[1]) Не разобрано.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Генкварму.

Из Керчи, штаба гарнизона. 15. Без сл. 10. 8. 15. Военная.

Ночью в Аджимушкайских каменоломнях осажденные бандиты неоднократно пытались прорвать линию обложения, но пулеметным огнем и бомбами загонялись в пещеры. В Карантине у Стесселя спустились разведчики в покинутые противником галлереи, о результатах донесу дополнительно. — 10 мая. Керчь. № 16.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Генкварму.

Из Керчи штаба гарнизона. 14. Без сл. 8/5. Военная.

Опрос бежавших из каменоломен выяснил: аджимушкайцы разбиты на 6 взводов по 50 человек. Командует комиссар Самойленко, помощник у него еврей — Рыбальский или Рубовский. Пулеметов у аджимушкайцев 2, патронов на руках до 50 и запас в ящиках 14 000, много ручных гранат, продовольствия заготовлено на 2 недели, воды в подземном бассейне 1000—1500 ведер. Вчера прорвались в Аджимушкай карантинцы — 2 взвода по 50 штыков и 2 пулемета. Всего около 140 человек. Командуют Татаринов и Денисенко, Федяев убит. В Карантинских каменоломнях остались больные, раненые, трусы [?] и женщины. Кроме бандитов, в аджимушкайских каменоломнях засели женщины и безоружные, около 200—300 человек. — 10 мая. Керчь. № 17.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Аметистову.

В Аджимушкайских каменоломнях за день произведено пятнадцать взрывов. Противник очень энергично ведет оборону, беспрерывно ружейная стрельба и метание гранат. Наши потери у Аджимушкая: в Кубанском 1 пешем дивизионе ранен один офицер, один казак убит, один казак ранен. Во втором офицерском конном полку 1 доброволец убит и один офицер ранен. В Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии 1 драгун убит, 1 драгун ранен. Убит начальник подрывной команды Сводного полка Кавказской дивизии капитан Червинов.— 10 мая. Керчь. № 23.

Перевалов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Ростов — генквардобр. Новочеркасск — генквардон. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь —комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

В 8 час. 30 мин. судовая артиллерия Черного моря обстреляла район южнее Хирсиз-Шибан. В Аджимушкайских каменоломнях производятся взрывы. Противник ведет энергичную оборону и производит частые вылазки; идет беспрерывная ружейная и пулеметная стрельба и метание ручных гранат. Наши потери: убито 1 офицер и 3 солдата, ранено 2 офицера и 2 солдата. — Семь Колодезей. 11 мая. 11 час. 30 мин. № 4734.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Великокняжеская — генкваркав. Ростов — генквардобр. Новочеркасск — генквардон. Пятигорск — оберквармм. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Махрову, Осваг — Кирпичникову.

Около 14 час. до 30 красных пытались подойти к д. Джанторы, но нашим артиллерийским и пулеметным огнем были рассеяны и бежали на Тулумчак. Нашей легкой батареей обстреляны холмы севернее Хирсиз-Шибан. Судовая артиллерия Черного моря обстреляла окопы красных в районе Кой-Асан и южнее. Нашими аэропланами сброшены в окопы красных бомбы. Ночью в Аджимушкайских каменоломнях нами взорван бассейн с запасом воды, после чего бандиты, повидимому, нуждаясь в воде, произвели вылазку. Бой закончился около 13 час. Бандиты далее Аджимушкая не выходили. — Семь Колодезей. 11 мая. 22 часа. № 4737.

Полковник Аметистов.

Разговор с Керчью по прямому проводу.

— Здравствуйте. У аппарата полковник Перевалов. Начальник морской обороны кавторанг Марков получил телеграмму: для энергичной поддержки левого фланга наших войск, вышедших на линию железной дороги Волноваха — Мариуполь, просите оказать содействие англичан. Екатеринодар. Вице-адмирал Герасимов. — Капитан второго ранга Марков просил миноносец № 77 передать английскому адмиралу по радио эту телеграмму. Передайте эту телеграмму адми-

ралу через себя, причем доложите генкварму, что миноносец № 77 нам здесь очень нужен. Наши части сегодня очистили деревню Аджимушкай и заняли железнодорожную ветку от Брянского завода. Миноносец № 77 и баржа № 4 пристрелялись по окраине Аджимушкая и держат противника под огнем. Наши потери ранеными и убитыми не выяснены.

Разговор по прямому проводу.

12/V.

— У аппарата полковник Коновалов. Здравствуйте, Герман Иванович. Завтра утром еду торжественно вручать англичанам письмо и воззвание командарма, попутно лично повторю вопросы о греках, газах, гранатах и содействии левому флангу Кавказской армии в районе Мариуполя англофлотом.

— Кстати прихватите еще вопрос о желательности посылки в Керчь еще одного миноносца или еще лучше крейсера с сильным прожектором, конечно, не особенно ослабляя морскую оборону на фронте. Просите англичан доставить нам тысяч десять ручных гранат, снаряды для немецких орудий, если можно, удушливые, и поднимите вопрос о снабжении Добровольческой армии фиолетовыми лучами. У меня есть сведения, что англичане сами спрашивали, почему мы не требуем от них эти лучи. Вот про англичан и все. Теперь далее. Вероятно, сегодня мы вам пошлем из Керчи укомплектования, прибывшие с Кубани в числе свыше трехсот человек. По прибытии этих пополнений командарм приказал наштарму распределить их поровну между дивизиями для пополнения исключительно пехотных частей, сделать это все срочно и, по влитии пополнений в части, прислать в Керчь весь 2-й конный полк. Сообщаю для ориентировки, что сегодня ночью был взорван в Аджимушкайских каменоломнях бассейн с запасом воды. Повидимому, нуждаясь в воде, бандиты произвели вылазку. После боя, длившегося до 13 часов, наши части заняли линию желдороги, идущую на Брянский завод, а бандиты, не вылезая из Аджимушкая, остановились и, повидимому, вновь вошли в свои норы. Лично с 4-х часов утра был в районе боя. Артиллерия английского миноносца хотя и вела огонь, но по условиям местности (деревня) этот огонь был мало результатен, так как боялись попадать по своим. Сообщите обстановку на фронте.

— Первое: на фронте тихо; второе: нужен не столько крейсер, сколько прожектор, верно. Третье: калибр немецкой пушки 75 или 105? Четвертое: устройте сберегательную кассу распоряжением дегенарма. Пятое: наштарм посылает меня в Екатеринодар числа 15—17, если вы вернетесь. Шестое: Кирпичников говорит, что вы теперь в свою очередь

от политики коллежский ассесор. Седьмое: прикажите Воинову разменять тысячу рублей донских на николаевские, нужно для уплаты англичанам. Восьмое: правда ли, что Карантин не покинут бандитами и что командарм недоволен уводом оттуда гвардии? Как вообще организовано в Керчи единоначалие?

— Снаряды нужны немецким орудиям 75 и 105, очень важно получить удушливые к этим орудиям. Из Карантина банда в 140 человек с двумя пулеметами в ночь на 9-е ушла в Аджимушкай. Ввиду этого гвардии и приказано перейти в город, она сегодня участвовала в бою. В Карантине оставлен отряд Кирпичникова, что вполне достаточно по обстановке, так как осталось очень немного бандитов, и то большею частью раненые.

— Внедрите англичанам правильный взгляд на Керчь, как на нашу базу и тыл.

Если нет вопросов... Да, упустил сказать, что лучше присылка крейсера, так как важно иметь крупные калибры для действий по деревне. Насчет единоначалия скажу, что оно есть, и в этой области все в порядке. Если нет вопросов, честь имею кланяться.

— Ответьте по пятому вопросу. Офицер подрывник и гранаты высланы сегодня этапным.

Когда будете завтра вечером у аппарата, доложу об англо-свидании. Всех благ! Когда приеду, сказать не могу, готов хоть сейчас, но не от меня зависит. Думаю, что лишь по окончании сражения командарм вернется, если обстановка на фронте это позволит. Во всяком случае, командарм при надобности через три часа будет на фронте. До свидания!

— Значит еще дней 10?

— Не знаю. Адье!

Телеграмма.

Семь Колодезей. Генкварму.

Из Керчи, штаба гарнизона. 51. 33. 12/5. 22. 32.

День прошел спокойно. Около 17 часов английский миноносец № 77 обстреливал деревню Аджимушкай гранатами, в 22 часа обстрелял деревню у церкви 15 удушливыми снарядами. — 12 мая. Керчь. № 30.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Аметистову.

Из Керчи, штаба гарнизона. 64. 100. 13. 20/44.

Сегодня перебежало из каменоломен Аджимушкайских взятых в плен 2 мая 6 кавалеристов и один казак, взятый 11 мая. По сведениям

бежавших, у противника подавленное настроение. Раненых в каменоломнях около 80 душ. Убитые еще не все похоронены. Большинство командиров ранено. Брагин ранен. Сегодня выехало из каменоломен много жителей, направляются в Юраков Кут и Осовый. В 14 часов миноносец № 77 обстрелял скопление противника у церкви аджимушкайской. Сейчас 21 час. Английский миноносец № 77 и канонерка № 4 откроют огонь по Аджимушкаю, район, где назначен митинг. В Старокарантинских каменоломнях продолжаются подрывные работы. — 13/5. Керчь. № 33.

Перевалов.

Телеграмма.

Торговая — генкварглав. Копии: Великокняжеская — генкваркав. Ростов — генквармдобр. Новочеркасск — генквардон. Пятигорск — оберквармр. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, полк. Коновалову, полк. Петерсону, Осваг — Кирпичникову.

В 16 час. батареи красных обстреляли район ст. Ак-Манай, где находилась наша застава, и людей впереди проволочных заграждений северо-западнее ст. Ак-Манай. Около 19 час. нашей артиллерией обстреляна застава красных в районе Хирсиз-Шибань. Судовая артиллерия Черного моря обстреляла 13 $^1/_2$-дюймовыми снарядами Владиславовку и 6-дюйм. — окопы красных в районе Царков. По сведениям от бежавших из Аджимушкайских каменоломен, у противника подавленное настроение, раненых в каменоломнях около 80 человек, большинство командиров ранены. Английский миноносец и канонерка держат под огнем д. Аджимушкай, где находятся бандиты, и каменоломни. Обстрел производился и удушливыми снарядами. В Старо-карантинных каменоломнях продолжаются подрывные работы. — Семь Колодезей. 13 мая. 23 часа. № 4748.

Полковник Аметистов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Аметистову.

Из Керчи, штаба гарнизона. 75. 82. 14/5. 23.

Сегодня 2 эскадрона 2 конного полка осмотрели деревни Юраков Кут. . . . . [1]) и Маяк. Из Аджимушкая перебежало 8 наших солдат, плененных 8 мая. По их сведениям, Брагин ранен, и командование перешло к Денисенко; из 7 пулеметов работает только 3. Миноносец № 77 вел днем пристрелку по Аджимушкаю, а в 22 часа выпустил

[1]) Не разборчиво.

30 снарядов по каменоломням, чтобы вызвать смятение в деревне, во время которого пленным легко удрать. В Старом Карантине продолжается засыпка воронок у выходов. В Булганаке взорвано нами 5 выходов в каменоломне. — 14 мая. Керчь. № 37.

Перевалов.

Разговор по прямому проводу.

14/V.

— У аппарата наштарм. Здравствуйте, Герман Иванович. Я вас просил по следующему вопросу: ваша телеграмма о двух эскадронах конного полка получена. Я еще раньше предупредил четвертую дивизию о том, чтобы эти два эскадрона были в готовности для посадки сегодня вечером, а остальные завтра. Начдив 4 прислал мне следующую телеграмму: «Второй конный полк является единственным резервом четвертой дивизии и, как показал опыт, отчасти резервом и для частей пятой дивизии. Не найдете ли возможным ходатайствовать перед командармом о направлении для борьбы с каменоломней вместо 2 конного полка 2 Таманского полка, который числом 400 человек пеших и конных? 12 мая. № 804. Ген.-майор Корвин-Круковский». В зависимости от этой телеграммы не будет ли выгоднее взять Таманский полк, в особенности, если предположено взять не весь 2 конный, а только два эскадрона? Пока все.

— Здравия желаю. Долго не подходил к аппарату, так как последний в противоположном от меня конце города. Вчера командарм определенно хотел весь второй конный полк. Сегодня я доложил ему ваш разговор с полковником Флоровым, которому вы высказали свои соображения о том, что по обстановке на фронте брать весь этот полк опасно, но что можно послать 2 эскадрона того же полка. Командарм, получив эти соображения, приказал письменно сделать распоряжение о присылке двух эскадронов. Вопрос о Таманском полку не возникал, так как лично я не знаю его моральных качеств. Сейчас по телефону доложу командарму телеграмму генерала Корвин-Круковского и тут же по аппарату доложу вам его ответ.

— Я лично считаю, что именно для борьбы в каменоломнях 2 конный полк — часть вполне подходящая, более, чем таманцы, и поэтому я считал бы отмену нежелательной. Четырех эскадронов в дивизионном резерве, полагаю, будет достаточно. С полковником Флоровым я говорил о предположении посылки всего конного полка; если двух эскадронов мало, то я скорей бы был склонен послать вместо остальных четырех — Таманский. Все.

— Командарма дома нет. Сейчас проеду к нему. Когда он вернется, доложу ему разговор и окончательный ответ пришлю внеочередной

телеграммой. Разница в один час во времени особой роли не играет. Флорову скажу, чтобы один состав посылал немедленно. Не найдете ли вы полезным для дела назначить вместо Потемкина наштакрепом полковника Даровского? Он сейчас свободен. Это мое личное предложение, основанное на изучении обстановки в Керчи. Не вернулся ли Аметистов?

— Аметистов не мог попасть на английское судно ввиду сильного прибоя. Еще не вернулся. О замене полковника Потемкина полковником Даровским думаю так же, как и вы, но, во-первых, не знаю, согласится ли Даровский из-за некоторых совершенно личных соображений, по которым он не хотел занимать видной должности здесь. О них он вам скажет. Если же он согласен, то надо сделать это так, чтобы не был в обиде комкреп. Полагаю, что наличие командарма там может облегчить разрешение вопроса. Пока я делаю все распоряжения о двух эскадронах конного полка. Все. Честь имею кланяться.

— Все. До свидания!

Телеграмма.

Срочно-оперативная.

Торговая—генкварглав. Копии: Великокняжеская—генквармкав. Ростов—генквамдобр. Новочеркасск—генквармдон. Пятигорск — оберквармкав. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, полк. Флорову, дегенкраз, полк. Коновалову, Осваг — Кирпичникову.

На фронте без перемен. Ночью были попытки нападения со стороны Аджимушкай на наше охранение у д. Баксы, причем в охраняющие части были брошены ручные гранаты. Нападение отбито. Отношение населения д. Баксы к войскам враждебное.— Семь Колодезей. 16 мая. 11 час. № 4759.

Чернавин.

Письмо ген.-л. Лукомского ген.-л. Романовскому от 16 мая 1919 г.

Сейчас у меня был инженер Лебеденко и сказал следующее. Он хорошо знает устройство Керченских каменоломен и знает, что из-за недостатка газов там ничего серьезного сделать не могут.

Он говорит, что газ можно просто и легко получить на месте: все катакомбы состоят из известняка, и достаточно влить в имеющиеся колодцы (в шахтах каменоломен) кислоту — серную или соляную, чтобы получился углекислый газ, который, как тяжелый, распространится по ходам каменоломен и если и не зальет все пространство, то, во всяком случае, прервет сообщение между отдельными частями каменоломен, и все, что там будет живое, погибнет.

Обещал составить инструкцию. Если это приемлемо, надо потребовать кислоту от гл. начальника снабжения и послать туда дельного инженерного офицера.

Ген.-л. Лукомский.

Заключение.

«Инструкция для заливки углекислотой подземных каменоломен в Керчи», представленная инженером Лебединцевым (Лебеденко), содержит слишком мало фактических данных для того, чтобы можно дать по ней достаточно обоснованное заключение о рациональности и возможности осуществления предлагаемого им способа ликвидации бандитов в общем его объеме.

Между тем,—в этом весь вопрос, ибо с теоретической точки зрения предлагаемый способ не вызывает возражений и совершенно ясен.

Ввиду требующейся срочности заключения, мне удалось собрать лишь случайные сведения о фактической стороне дела от приезжавших в г. Екатеринодар начальника инженеров Севастопольской крепости генерал-майора Щеглова и обер-офицера при заведующем [1]) Крымско-Азовской армией поручика Питина, бывших в гор. Керчи и ознакомившихся с вопросом на месте.

По заявлению указанных лиц выясняется следующее.

1) Общее описание положения дела.

Керченские каменоломни состоят из трех групп, не соединенных между собой подземными ходами: Петровские, Карантинные и Аджимушкайские. Первые две группы в настоящее время уже ликвидированы: Петровские — главным образом блокадой, а Карантинные — путем блокады и заваливания взрывами входов в каменоломни, с постепенным продвижением боевых отрядов внутрь галлерей, для чего израсходовано около 4000 пудов взрывчатых веществ.

Аджимушкайские каменоломни, — с наиболее обширной сетью подземных галлерей, — отличаются тем, что имеют до 200 выходов, причем большая часть последних открывается в домах деревни, сложенных из известняка, жители которой сочувствуют бандитам. Благодаря этому наблюдение за выходами крайне затруднено и не может быть осуществлено до занятия всей деревни войсками.

По этой причине, как мне сообщили, английское командование предлагало сравнять с лицом земли и деревню и разрушить каменоломню огнем крупной судовой артилерии (13''), и выбрало для этого выгодные позиции для стоянки судов, — но предложение это будто бы

[1]) Так в подлиннике.

отклонено нашим командованием, предполагающим обойтись собственными силами.

Между тем вследствие малочисленности отряда, которому поручена ликвидация бандитов, в связи с большой численностью последних и организованностью их обороны, — деревня в настоящее время только оцеплена, к выходам каменоломен еще не подошли, и поэтому к занятию и подрыванию их не приступлено. (Для подрывных работ в крепости еще имеется около 3 000 пудов взрывчатых веществ.) По тем же причинам приступить к выполнению предлагаемого инженером Лебединцевым способа пока невозможно.

2) Объем работ.

По собранным мной из указанных выше источников сведениям, протяжение галлерей Аджимушкайской каменоломни достигает 5—7 верст (2 500—3 500 саженей), причем имеется до 200 выходов на поверхность земли (большей частью прикрытых расположенными над ними каменными домами).

Галлереи расположены под толщей известняка от 2 до 3 саженей над их потолком и имеют площадь сечения от $1^1/_2$ до $2^1/_2$ квадрат. саженей (в среднем 2 квадр. сажени). Таким образом, общий объем галлерей этой каменоломни достигает 5 000—7 000 куб. саженей.

По данным инструкции, на 30 куб. метров объема необходимо 1 пуд соляной или 3 пуда серной кислоты.

Прикидывая по атомным весам, выясняется, что 1 пуд чистой соляной кислоты дает около 200 куб. метров углекислоты или, рассчитывая на степень насыщения в 35—40% (достаточно для удушения согласно инструкции), до 500 куб. метров удушливой смеси воздуха с углекислотой.

Так как для разложения известняка достаточно 10% раствора, то 1 пуд такого раствора (или $^1/_{10}$ пуда соляной кислоты) дает 50 куб. метров (или 5 куб. саж.) удушливой смеси.

Инженер Лебединцев дает цифру в 30 куб. метров (3 куб. саж.), очевидно, с запасом на утечку газа и разливание раствора и, очевидно, имеет ввиду не пуд чистой кислоты, а 10% раствора ее.

Оставляя его цифру, можно считать, что для заполнения объема каменоломен в 5 000—7 000 куб. саж. потребуется от 1 700 до 2 300 пудов раствора или от 170 до 230 пудов соляной кислоты. Ввиду того, что легче будет достать серную кислоту, эффект которой в три раза меньше, последней потребуется от 500 до 700 пудов. На изготовление 10% раствора потребуется (с запасом) 5 000—7 000 пудов около 5 000—7 000 ведер воды [1]).

[1]) Так в подлиннике.

Примечание: Лить воду в крепкую кислоту нельзя, но лить крепкую кислоту в резервуар с водой (например, бочку) совершенно безопасно, поэтому излишне прибегать к рекомендуемому инженером Лебединцевым способу наливания кислоты в струю бегущей воды, как весьма затрудняющему составление надлежащей пропорции раствора.

3) Возможность осуществления работ.

Запас серной кислоты от 500 до 700 пудов может быть подвезен из района Мариуполя, о чем мной вместе с сим делается запрос находящемуся там моему офицеру (если в Мариуполе окажется недостаточно кислоты, таковую можно доставить с Алагирского завода во Владикавказе, где имеется свободный запас ее до 7 000 пудов); таким образом операцию можно обеспечить необходимым запасом кислоты.

Непосредственное выполнение ее значительно осложняется условиями, изложенными в п. 1 моего заключения, — а именно:

а) Наливание раствора может быть произведено только через выходы галлерей, которые до сих пор находятся в руках бандитов; следовательно, приступить к операции раньше занятия хотя бы части выходов невозможно.

б) Если отдельные галлереи или группы их имеют по нескольку выходов или сообщаются между собой под землей, то почти наверно можно сказать, что в них существуют сильные токи воздуха (сквозняки), которые могут свести на-нет всю работу, вынося и рассеивая выделяющиеся газы, а также образуя совершенно свободные от газа тихие (боковые) убежища, мимо которых газ будет проноситься, увлекаемый течением воздуха. Таким образом, если такие сквозняки действительно существуют, операция может дать благоприятные результаты только если устранить или в значительной степени уменьшить их; для этого необходимо занятие большей части, если не всех, выходов сразу и возможно лучшее закупоривание их.

в) Наливание раствора кислоты необходимо произвести одновременно во все известные выходы, дабы закрыть этим возможность выхода бандитов на поверхность и продолжать наливание непрерывно до конца операции, дабы уменьшить вытягивание газа из галлерей течениями воздуха.

Для этого необходимо, чтобы весь запас кислоты, а также нужной для раствора воды был заблаговременно доставлен в полном объеме на место и распределен около всех выходов.

Если на месте не имеется водопровода, то заготовление от 5 000 до 7 000 ведер воды представит значительные затруднения, ибо потребует сосредоточения на каменоломне от 250 до 350 двадцативедерных бочек, что вряд ли осуществимо.

г) Кроме исчисленных выше объемов кислоты и воды необходимо иметь значительный запас их с соответствующими перевозочными средствами на месте, на случай обнаружения новых выходов во время хода операции, а также выяснения ошибочности расчета объема каменоломен, приведенного в докладе.

д) Производство операции должно быть обеспечено достаточным рабочим персоналом, что, при числе выходов около 200, весьма значительно — не менее 600 человек, считая по 3 рабочих на выход.

е) Вся операция должна быть обеспечена от вылазок бандитов соответствующими постами вооруженной охраны у каждого выхода, а также участковым и общим резервом.

ж) Кроме того должны быть организованы патрули и наблюдательные посты для обнаружения новых выходов, через которые могут быть произведены вылазки.

На основании всего изложенного, можно вывести следующее заключение о предложенном инженером Лебединцевым способе ликвидации бандитов путем заливки каменоломен углекислотой:

1) Заливка требует довольно сложной подготовительной работы (подвоз кислоты, заготовка бочек и подвоз воды, если на месте нет водопровода).

2) Осуществление возможно только после того, как будут прочно заняты все известные выходы каменоломен (до 200 шт.).

3) Ввиду того, что вследствие недостатка войск (невозможности поэтому открытого единовременного штурма деревни) выходы могут заниматься только путем постепенного захватывания, закрепления и обезвреживания их посредством забрасывания рогатками и подрывания, — способ этот потребует весьма значительного промежутка времени и траты взрывчатых веществ (на 2 каменоломни уже истрачено 4 000 пуд., и осталось только 3 000 пуд.), а также значительных жертв людьми, убыль которых ранеными и убитыми, по сведениям, достигает в настоящее время 20 человек в сутки.

4) При недостаточности охраны работ таковые легко могут быть уничтожены вылазками бандитов.

5) Ввиду того, что полученные мной сведения об объеме галлерей каменоломен могут оказаться недостаточно точными, необходимо командировать опытного инженерного офицера для выяснения на месте точного объема работ и возможности их осуществления, что также потребует некоторого времени, а следовательно, и новых потерь людьми.

Таким образом, предложенный способ (при возможности его осуществления) заменяет собой только часть общей работы по очищению каменоломен, именно — постепенное проникание внутрь подземных галлерей, сохраняя необходимость предварительной работы по занятию,

закреплению и заваливанию всех выходов и территории каменоломни (деревни), сопряженной с значительной затратой времени, взрывчатых веществ и с соответствующей потерей людьми. Между тем, предложение [1]) английского командования [2]) уничтожить каменоломни огнем своей крупной судовой артиллерии (13 дюйм.) дает возможность ликвидировать бандитов в каменоломнях без затраты значительного времени, крайне ценных для нас запасов взрывчатых веществ, наконец, без потерь людьми [3]).

Полагаю, что, с затратой нескольких сот снарядов крупных английских судовых орудий, деревня, находящаяся над Аджимушкайской каменоломней, будет сравнена с землей втечение нескольких часов, причем все (или большая часть) выходов, находящихся под каменными, кое-как сложенными, домами, будет засыпана и обезврежена; несомненно, что большая часть галлерей (по крайней мере, верхнего яруса) тоже будет разрушена и завалена.

Несомненно, что после такой бомбардировки территория каменоломен может быть немедленно и беспрепятственно занята войсками, случайно оставшиеся выходы закиданы рогатками и подорваны — уже без всяких жертв людьми.

Если существование бандитов в глубине каменоломни при этом не будет ликвидировано, последнее может быть [4]) очень легко выполнено путем предложенного инженером Лебединцевым способа заливания углекислотой разобщенных и закупоренных бомбардировкой глубоких галлерей, без проникания войск внутрь полуразрушенных галлерей, все же сопряженного с известными потерями в людях.

Перед бомбардировкой надо предложить детям и женщинам [5]) деревни очистить ее, отведя им помещения в городе [6]).

Не желающие покинуть деревню должны рассматриваться как принадлежащие к среде бандитов (большевиков) и подлежащие уничтожению со всем имуществом и домами.

В случае, если решение вопроса путем бомбардировки будет отклонено, необходимо командировать опытного инженерного офицера для детального выяснения на месте возможности и объема работ по спо-

---

[1]) Зачеркнуто: «по имеющимся сведениям».

[2]) Зачеркнуто: «предлагало».

[3]) Зачеркнуто: «для чего им даже были выбраны соответствующие позиции для судов в море; предложение это, будто бы, отклонено ввиду желания «обойтись своими средствами».

[4]) Зачеркнуто: «хотя».

[5]) Зачеркнуто: «жителям».

[6]) Зачеркнуто: «и обязавшись восстановить дома для тех из них, кто изъявит покорность и выйдет из деревни».

собу инженера Лебединцева. Для этой цели предлагает свои услуги начальник инженеров Севастопольской крепости генерал-майор Щеглов, недавно осматривавший каменоломни.

Начальник инженерных снабжений Вооруженных сил на юге России военный инженер полковник (подпись).

Ген. Романовскому.

Посылаю инструкцию, составленную инж. Лебединцевым для удушения большевиков в каменоломнях у Керчи.

16/V—19 г. Г.-л. Лукомский.

Инструкция для заливки углекислотой подземных каменоломен в Керчи.

1) Углекислота получается от обливания породы известняка пола и стен шахты разведенной, около 10%, серной, лучше — соляной кислотой.

2) Для указанной цели смесь серной или соляной кислоты с водой выливается в отверстия шахт, с принятием мер предосторожности против обжогов персонала брызгами кислоты. Особые предосторожности должно принимать при смешении с водой серной кислоты, так как вода, попавшая в крепкую кислоту, вскипает и разбрасывает брызги кислоты. Вливать кислоту должно в струю воды, напр вленную желобом в отверстие шахты, для получения приблизительно 10% раствора.

3) Разлагая известняк, кислота выделяет газ углекислоту, более тяжелый, чем воздух, способный растекаться, как жидкость, и, вытесняя воздух, собираться во впадинах подземелья.

4) Выбор колодцев должен быть производим с тем расчетом, чтобы, протекая по полу подземных ходов, углекислота опускалась.

5) Если спустя 2 часа после вливания кислоты зажженная в фонаре свеча, опущенная в колодец на глубину 2—3 сажен, продолжает потухать, т.-е. газ не опускается, или даже выливается через устье колодца в атмосферу, то дальнейшего прибавления кислоты делать не должно, так как это должно обозначать, что углекислота наполнила резервуар и что ходы сообщения из резервуара отсутствуют.

6) Если отверстие шахты находится в подвале дома или каким-либо способом закрытой яме или глубокой колдобине, не имеющей спуска газа, который может выделяться из отверстия шахты, то рабочих не следует помещать в уровне отверстия колодца, а непременно выше (около сажени) уровня того лотка, по которому газ еще мог бы выходя растекаться и распространяться в атмосферу.

7) Газ не ядовит, но, портя воздух, затрудняет дыхание; при содержании его в воздухе около 35—40% безусловно вызывает быстрое удушение.

8) Количество кислоты приблизительно исчисляется из расчета: 3 пуда серной или 1 пуд соляной кислоты на 30 куб. метров предполагаемого объема подземелья.

9) При неровности пола ходов (понижения и подъемы) не требуется заполнить всего объема подземелья, так как газ, скопившийся в понижениях, образует трудно проходимые, мертвые пространства.

Инж. А. Лебединцев.

15/V 1919 г.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. № 115. 51. 17. 21. 32.

В деревне Аджимушкайской наблюдалось движение пеших. В 17 часов миноносец № 22 пристрелялся по Аджимушкаю, в 21 час миноносец № 22 обстрелял Аджимушкай, корректируя стрельбу светящимися снарядами. В старом Карантине обнаружен в каменоломне грузовой автомобиль и склад зерна. Приняты меры к извлечению.—17 мая. 21½ час. Керчь. № 49.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаб гарнизона. № 116. 26. 18/5. 7. 34.

Ночь прошла спокойно. Миноносец № 22 обстреливал Аджимушкай в 23 часа 17 мая и в 4 часа 18 мая.—18 мая. Керчь. № 50.

Перевалов.

Телеграмма.

Екатеринодар — генквармглав. Копии: Великокняжеская — генквармкав. Ростов — генквармдобр. Новочеркасск — генквармдон. Пятигорск — оберкварм. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь—комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, Осваг—Кирпичникову.

Втечение дня неприятельские батареи открывали огонь по разным участкам нашей позиции, особенно по участку от Азовского моря до ст. Ак-Манай. По обнаружении одной батареи противника в районе Тулумчак, судовая артиллерия Азовского моря удачными попаданиями разогнала прислугу и привела батарею противника к молчанию. Судовой артиллерией Черного моря обстреляны окопы противника юж-

нее Кой-Асан. Английский миноносец обстрелял д. Аджимушкай, где наблюдалось движение людей. — Семь Колодезей. 18 мая. 22 часа. № 4775.

Полковник К о н о в а л о в.

Телеграмма.

Екатеринодар — генквармглав Копии: Великокняжеская — генвармкав. Ростов — генквармдобр. Новочеркасск — генквармдон. Пятигорск — оберквармм. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, Осваг — Кирпичникову.

Около 24 ч. разведчики противника со стороны д. Тулумчак направлялись к д. Ак-Манай, но наткнулись на наши фугасы и ушли обратно. В продолжение ночи английские миноносцы обстреливали д. Аджимушкай, где находились каменоломщики. Особенно сильный огонь был начат с 3 часов, продолжавшийся до 4 часов, после чего окружавшие деревню войска, перешли в атаку и с двух сторон ворвались в Аджимушкай. Противник несколько раз бросался в яростные контратаки, но был отбит с большими потерями и бежал в каменоломни. Нами взято 3 пулемета. Приступлено к производству взрывов каменоломен. — Семь Колодезей. 19 мая. 11 час. № 4779.

Полковник К о н о в а л о в.

Телеграмма.

Екатеринодар — генкварглав. Копии: Великокняжеская — генквармкав. Ростов — генквармдобр. Пятигорск — генквармдон. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь — комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, Осваг — Кирпичникову.

На фронте без перемен. Сегодня ночью из Карантинских каменоломен бежало 35 бандитов, которые засели в Оливинских каменоломнях, в 3 верстах западнее Карантинских. Все выходы из Оливинских каменоломен заняты, и бандиты осаждены. Захвачена раненая жена главковерха Аджимушкайских каменоломен Денисенко. В Карантинских каменоломнях найдено два пулеметных ствола и другое имущество. В Аджимушкайских каменоломнях занято 9 выходов, из которых 6 взорвано и завалено. Сильные ливни мешают инженерным работам. Противник оказывает упорное сопротивление. У нас потери убитыми и ранеными 80 человек. — Семь Колодезей. 19 мая. 22 часа 30 м. № 4792.

Полковник К о н о в а л о в.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керченского штаба гарнизона 144. 92. 19. 18/5.

С северной стороны Аджимушкая заняли и взорвали один выход, второго выхода не нашли. Считая задачу на севере законченной, очистили северный край деревни и оставили один эскадрон для блокады северной и восточной стороны. Южная группа усилена за счет северной. Начаты взрывы в южной группе. Идем от Брянского завода к церкви с востока на запад. Противник упорно сопротивляется. Сошлись на близкое расстояние. Наши потери убитыми и ранеными 80 человек. Будем закрепляться рубежами. Утром израсходовали 30 000 ружейных патронов. — 19 мая. 19 час. Керчь. № 57. Перевалов.

Разговор по прямому проводу [1]).

— В Аджимушкае противник оказывает упорное сопротивление. У нас убитых и раненых около шестидесяти человек. Наибольшее сопротивление встречается северо-восточнее Аджимушкая. Пока захвачено 6 больших входов. Противник стреляет очень редко, но метко. Раны преимущественно в голову и грудь. Сильный ливень задерживает саперную работу. Большинство материалов уже привезено в Аджимушкай. Грузовики застряли в пути. Сегодня ночью из Старого Карантина бежало 35 бандитов по неизвестному направлению. Для розыска высланы разъезды в район Чокракское озеро — Багерево и далее к югу — Александровск. Больше ничего.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 149. 46. 20/5. 7. 40.

В Аджимушкае ночью без происшествий. Из Оливенской скалы вышло одиннадцать человек. Все вышедшие задержаны. По их словам, в скале осталось 20 вооруженных бандитов, которые терпят сильную нужду в продовольствии и воде. Сегодня предположено взорвать скалу. — 20 мая. Керчь. № 60. Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. № 157. 51. 20. 20/5. 13. 44.

Сегодня ликвидирована Старо-карантинская группа. 37 бандитов во главе с Юшковым сдались в Оливской скале. Назначено след-

[1]) На подлиннике помета: «19/V.»

ствие. Суд завтра или после завтра. Много добычи. Найдена труба Цейса с треногой. Спускался с генералом Ходаковским в галлереи и решился произвести внутренние взрывы. — 20/5. Керчь. № 61.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 162. 25. 20/5. 18. 20.

Работа по ликвидации входов в Аджимушкае продолжается. День прошел спокойно. Вечером редкая перестрелка. Потери: ранено два. — 20 мая. Керчь. № 62.

Перевалов.

Телеграмма.

Екатеринодар—генкварглав. Копии: Великокняжеская—генквармкав. Ростов— генквармдобр. Новочеркасск—генквармдон. Пятигорск—оберкварм. Наштадив 4 и 5. Командиру 2 авиотряда.

Керчь—комкреп, дегенкраз, полк. Флорову, Осваг—Кирпичникову.

В 19 час. 30 м. судовой артиллерией Азовского моря рассеяна колонна противника в 30 конных, двигавшихся вдоль желдороги от Кой-Асан. Из Оливенской каменоломни (сводка 04792) вышло 11 человек, которые взяты в плен. По их словам, в каменоломне осталось 20 вооруженных бандитов, которые терпят сильную нужду в продовольствии и воде. Приступлено к взрыву скалы, где засели бандиты. В Аджимушкайских каменоломнях без перемен. — Семь Колодезей. 20 мая. № 4794.

Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копии: генквармдобр. Наштадив 4 и 5.

Керчь — комкреп, Осваг.

На фронте разведывательная деятельность. Партия разведчиков, высланная вдоль желдороги, при приближении к д. Кой-Асан была встречена со стороны последней огнем противника и возвратилась. Днем редкий артиллерийский огонь. Сегодня ликвидирована банда Оливенских каменоломен, причем взяты в плен сдавшиеся 37 бандитов во главе с Юшковым. Захвачена большая добыча, в том числе труба Цейса с треногой. — Семь Колодезей. 20 мая. 23 часа. № 4803.

Полковник Коновалов.

Телеграмма [1]).

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 168. Военная 23. 21/5. 10. 50.

В Аджимушкае втечение ночи противник переходил в атаку два раза на правой и один раз на левой. Атаки отбиты, потерь нет. С утра продвигаемся вперед. Вчера бронепоезд сошел с рельс. Начаты работы по поднятию. — 21 мая. Керчь. № 63.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 175. 52. 21. 21. 23.

В Оливских каменоломнях задержали еще два бандита. Взрывы в Аджимушкае от 7 часов до 19 часов. Прибыло два перебежчика и сообщили, что сегодня ночью Денисенко предполагает прорваться одной группой к Брянскому заводу, другой группой от церкви на запад. Меры приняты. — 21 мая. № 65.

Перевалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: генквармдобр. Наштадив 4 и 5.

Керчь — комкреп, дегенкраз, Осваг.

Втечение дня на фронте изредка артиллерия с обеих сторон открывала огонь. В д. Аджимушкай бандиты 3 раза пытались атаковать наши части, но все атаки отбиты. 18 мая крейсер «Кагул» и английский истребитель были отправлены командующим английской эскадрой в Феодосию с целью осмотреть гавань и амбары. На вызов представителей от местной власти прибыл командующий армией керченского фронта с помощником и другими лицами. После 20 минут безрезультатных разговоров командующий попросил дать полчаса времени для совещания. Спустя некоторое время командующий прислал ответ, что он без высшего командования не может разрешить осмотра. Передав записку командующему, что после этого соглашение о нейтральности Феодосии считается нарушенным и город в любое время может быть обстрелян судовой артиллерией, суда ушли из Феодосийской гавани. — Семь Колодезей. 21 мая. 22 ч. № 4809.

Полковник Коновалов.

---

[1]) На подлиннике помета: «Принять все меры к скорейшему подъему бронепоезда. Наложить взыскания на виновников схода с рельс».

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 176. 45. 22/5. 20.

В 22 часа и в 2 часа ночи бандиты сделали две вылазки против 2-го конного и сводного полков, но, благодаря громадной помощи и великолепному содействию друзей-англичан, бандиты шутя были загнаны обратно доблестным 2-м конным полком и кавказскими драгунами. — 22 мая. Керчь. № 65.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Керчь. Штаба гарнизона. 184. 51. 22/5. 20/50.

Противник пассивен. Редкая перестрелка, обстреливание района к востоку от церкви из миномета втечение дня. Произведено 30 взрывов и завалено 13 выходов. Сегодня подошли к выходам у церкви. Севернее церкви вышли из каменоломен жители—31, из них 11 мужчин. — 22 мая. Керчь.

Перевалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: генквармдобр. Наштадив 4 и 5.

Керчь — комкреп. Осваг.

На фронте без перемен. Ночью аджимушкайцы сделали две вылазки, но при содействии англичан легко были загнаны в каменоломни. Перебежчики сообщили, что каменоломщики предполагали двумя группами прорваться из каменоломен. Взрывы каменоломен продолжаются. — Семь Колодцев. 22 мая. 12 час. № 4818.

Полковник Коновалов.

Разговоры с Керчью по прямому проводу.

23/V.

Ген. Ходаковский. Кажется, в штабе очень беспокоятся, что делается у нас. Значительные части прорвавшихся из Аджимушкая бандитов и присоединившихся к ним местных бандитов уничтожены двумя эскадронами 2 конного Крымского полка при 2 горных орудиях. Часть бандитов разбежалась и скрывается в городе. Завтра будет продолжаться извлечение их из домов; главная масса отряда Барбовича продолжает вести осаду и подрывные работы в Аджимушкайских каменоломнях, где еще осталось 150 бандитов. Полагаю, что одними

убитыми потери противной стороны не менее 500 человек. Наши потери незначительны. Всякое сопротивление нами беспощадно карается. Еще просачивания бандитов из города на запад не наблюдалось.

К о н о в а л о в. [1])...

Телеграмма.

Семь Колодезей. Командарму.

Из Керчи. Штаба гарнизона. № 189.

Бандиты прорвались из каменоломен в город и присоединили к себе небольшую часть рабочих. Все рассеяны. Главная масса их уничтожена, остальные будут уничтожены. Денисенко ранен. Осада и взрыв Аджимушкая продолжаются. Сегодня взорвано 17 больших дыр, 9 мал. и засыпано 11 дыр. Район взрывов распространился до кладбища, что юго-восточнее церкви. Наши потери небольшие. Бандитов перебито около пятисот.— Мая 23. Керчь. № 92.

Х о д а к о в с к и й.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 186. 120. 23. 9. 36.

Ночью противник произвел 5 атак на отряд Барбовича. Атаки были отбиты, но в северном направлении отряду Денисенко удалось пройти незамеченным из линии обложения. Денисенко прошел между Булганаком и Катерлезом — в количестве 150 человек. Присоединил к себе городских бандитов. Произвел нападение на институт и сыскное отделение. В город бандиты проникли между вокзалом и собором. Сейчас занимают кладбище, южнее собора, и постройки на северных склонах Митридата. Мы ведем наступление на кладбище, выбив противника из центра. Другая группа противника ведет перестрелку с отрядом, охраняющим вокзал. Третья группа противника преследуется конницей из Аджимушкая к Катерлезу. В Аджимушкайских каменоломнях осталось около 150 бандитов при одном пулемете. Восточная часть Митридата занята нами. — 23 мая. Керчь. № 70.

П е р е в а л о в.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 188. 63. 23. 17. 10.

Противник сбит с Митридата и преследуется до полного уничтожения...[2]) Группа, напавшая на станцию, отброшена была на Катер-

[1]) Ответ Коновалова отсутствует.

[2]) Далее три слова неразборчиво.

лез и преследовалась эскадроном 2 конного полка. Много бандитов, повидимому, осталось в городе, так как кое-где раздаются одиночные выстрелы. Завтра необходимо произвести чистку города. Английские суда тоже стреляли по Митридату. — 23 мая. Керчь. № 85.

Перевалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: Ростов — генквармдобр. Наштадив 4 и 5. Керчь — Осваг.

На фронте без перемен. Ночью бандиты из Аджимушкайских каменоломен произвели 5 атак, но были отбиты. В северной части отряд в 150 человек, во главе с начальником Денисенко, прошел между Булганак и Катерлез и проник в районе вокзала в город, где к нему присоединились городские бандиты, после чего было произведено нападение на институт и сыскное отделение. К 8 час. бандитов удалось выбить из города, и они тремя группами сосредоточились на кладбище, что у южной окраины города. В районе восточнее вокзала и в Катерлез наши части ведут наступление с целью уничтожения банды. В каменоломнях осталось около 150 бандитов. — Семь Колодезей. 23 мая. 11 час. 30 м. № 4828.

Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 191. 46. 24. 8. 26.

После подавления восстания ночь прошла спокойно. Есть сведения, еще не проверенные, что Денисенко умер от ран. Жизнь в городе принимает обычный вид. Трупы еще не убраны. Приступлено к осмотру города. С утра производятся обыски. — 24 мая. Керчь. № 96.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 196. Военная. БС. 24/5. 19. 20.

Опрос бандитов и перебежчиков выяснил, что в ночь с 21 на 22 из Аджимушкайских каменоломен секретным выходом бежало 100 человек с Татариновым во главе. Пробравшись в город, Татаринов с своими помощниками организовал подготовку восстания и разработал план нападения на гарнизон и тыл полка Барбовича. На гарнизон были направлены две группы. Одна должна была захватить Соборную площадь и отступать Воронцовской улицей к штабу гарнизона. Другая группа должна была сосредоточиться в районе Широкий мол — фабрика Ме-

саксуди и наступать по Строгановской к штабу гарнизона, — у штаба соединившись, преследовать нас на крепость. Для прикрытия этой операции третья группа должна была напасть на штаб и тыл Барбовича в районе Карантин—богадельня. Но ночью с 22 на 23 вышел из Аджимушкая секретным выходом Денисенко со 150 человек бандитов и, присоединив дорогою мобилизованных сочувствующих, около 2 часов ночи соединившись с Татариновым, произвел нападение по разработанному плану. Стойкость обозных 2 конного полка в Карантине, стойкость офицеров команды генерала Михайлова на Строгановской, своевременно открывших пулеметный огонь, и особенно стойкость автчасти на Соборной площади, контр-разведки под управлением капитана Шиманского, доблесть интендантов под управлением полковника Хитрина, отличная защита телеграфа задержали бандитов, и мы успели подтянуть к семи часам резервы и в 8 часов перешли в наступление, поддерживая таковое огнем горной, полевой и судовой артиллерии. Разбитый на голову противник рассеялся по домам и садам пригородов. Темнота помешала ликвидировать восстание окончательно, и сегодня утром в пять часов были оцеплены районы, где поголовно все обыскивались. Вечером обыски закончились, и можно считать, что сегодня было задержано с оружием в руках не менее 100 человек, причем попались известные бандиты, но раненый Денисенко бежал. Жизнь в городе замерла. Трупы убраны. К сожалению, был убит лидер меньшевиков Людкевич, но у него было обнаружено красное знамя. — 24 мая. Керчь. № 105.

Перевалов.

Телеграмма.

Военная. Передать по всем адресам. Семь Колодцев. Генералу Чернавину. Копия: Екатеринодар. Полковнику Бучинскому.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 199. 274. 24/5. 21. 7.

Из обработанных сведений можно представить следующую картину Керченского восстания 23 мая. Часть аджимушкайских бандитов в ночь с 21 на 22 мая вышла темными тайными ходами из каменоломен под предводительством Татаринова в город и принялась агитировать среди рабочих за восстание. Другая часть, менее активная, до двухсот человек, осталась и остается в каменоломнях. Агитация имела средний успех, и к вечеру 22-го бандиты и мобилизованные рабочие — частью добровольно, частью насильно — вместе с новыми бандитами, под начальством Денисова вышедшими из каменоломен, насчитывали в своих рядах до шестисот—семисот человек, на три четверти вооруженных. Около 2 часов отряды Денисова и Татаринова, рассчитывая на беспечность добровольцев, произвели ряд нападений на отделение,

авточасть, интендантство, центральный телеграф, управление милиции, сыскное отделение и другие подобные учреждения. Нападения всюду были отбиты с большими потерями бандитов. Одновременно мелкие партии бандитов арестовывали отдельных офицеров на частных квартирах и некоторых расстреливали на месте, других увели с собой. К утру 23-го отбитые бандиты сосредоточились в двух группах на Митридате и у вокзала, имея целью наступать на город и оттеснить добровольцев частью к району севернее вокзала. Но и это наступление также было отбито, и к вечеру 23 мая восстание можно считать ликвидированным. Надлежит лишь учесть, что битые бандиты рассеялись по всему городу, и втечение ближайших дней можно ожидать отдельных выступлений по отдельным группам офицеров. Полное отсутствие гражданской стражи и милиции не дает возможности быстро извлечь рассеянных по городу бандитов, что создает на продолжительное время не вполне спокойную атмосферу в Керчи. — Керчь. 24 мая. № 982.

Полковник Махров.

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: Ростов — генквармдобр. Наштадив 4 и 5. Керчь — комкреп, дегенкраз, Осваг.

На фронте без перемен. По дополнительным сведениям, после вылазки 23 мая бандиты из Аджимушкая направились в г. Керчь с целью поднять восстание единомышленников. Примкнувших оказалось незначительное количество. С рассветом начались бои в городе, и бандиты, теснимые нашими частями, были разбиты на три группы, стали уходить из города, причем одна группа сосредоточилась на южной окраине у кладбища, другая направилась к вокзалу, где завязался бой с охранявшими вокзал частями, и третья, преследуемая конницей, отступала на Катерлез. Озлобленные частыми вооруженными нападениями на город и длительным упорным сопротивлением каменоломщиков, во время которых были понесены значительные потери, и чтобы не дать разрастись восстанию, части принялись за решительное подавление бандитов. Бой продолжался целый день, и к вечеру бандиты были окончательно разбиты, потеряв убитыми до 500 человек. Часть бандитов рассеялась в городе и попряталась. Сегодня с утра производятся обыски, и приняты меры к задержанию всех и к полному очищению города. Имеются сведения, что главарь бандитов Денисенко был ранен и скончался. Наши потери незначительны и выясняются. В каменоломнях осталось около 150 бандитов, и подрывные работы по ликвидации продолжаются. Ночь в Керчи прошла спокойно.— Семь Колодезей. 24 мая. 11 час. 30 м. № 4837. Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: Ростов — генквармдобр.

Керчь — комкреп, дегенкраз, Осваг.

Батареи противника обстреливали районы ст. Ак-Манай и д. Парпач. Нашей батареей рассеян разъезд противника, приблизившийся к д. Джанторы. Судовая артиллерия Черного моря зажгла д. Дал. Камыши. Начавшиеся с утра обыски районов Керчи, где попрятались бандиты, к вечеру закончились. Задержано с оружием около 100 человек. — Семь Колодезей. 24 мая. 21 ч. 30 м. № 4842.

Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Станция Семь Колодцев. Командарму.

Из Керчи. 8232. 6/6. 20. 15. Военная.

В ночь с 22 на 23 сего мая бандитами, в числе других учреждений, в 2 часа ночи было совершено нападение на вверенное мне управление. С начала нападения и до восьми часов утра чины управления в полном составе лично отбивали атаки бандитов. С восьми часов утра с улиц, прилегающих к зданию вверенного мне управления, выбил бандитов Крымский полк. Из служащих управления убито двое: чиновник Сергей Смирнов при защите главного входа в здание и доброволец Николай Засухин при защите прилегающего к помещению сада.—

№ 1427. Хитрин.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Командарму.

Из Керчи. 8246. БСЛ. 7/6. 9. 50. Принята 25/5.

Доношу, что сегодня с утра нормальная жизнь в городе восстанавливается. Принимаю меры к расклеиванию в городе и окрестных деревнях приказов — двух: начгарнизона и одного вашего. Принимаются меры к ликвидации бандитов, просочившихся в соседние деревни. Постановления съезда будут отпечатаны в ближайшие дни. — № 1388.

Кирпичников.

Почто-телеграмма.

Срочно. Секретно. Полковнику Махрову.

Доношу картину наступления большевиков на Керчь в ночь на 23 мая, как она рисуется по данным, имеющимся у меня к настоящему моменту. 22 мая бандиты Аджимушкайской каменоломни, согласно заранее разработанного плана, вышли из каменоломни приблизи-

тельно в 11 часов вечера и направились на город с северной стороны. Далее стали продвигаться по нескольким направлениям, имея общей задачей овладение Воронцовской улицей и прилегающими к ней кварталами к югу и западу (пассаж, к.-р., сыскное отделение, 1 участ., штаб гарнизона). Одним из первых, если не первым, со стороны войск Керчи стал работать пулемет к.-р., взявший под продольный огонь всю Воронцовскую улицу и этим сразу внесший расстройство в планы противника. Бандиты выставили пулеметы против пулемета к.-р. в Почтовом переулке. Пункт к.-р. с примкнувшими к нему отдельными воинскими чинами принимал в бою участие всю ночь и следующий день с начала и до конца сражения. Потери на пункте: убито 1 офицер и 1 солдат, ранено 2 офицера и 2 солдата. Около 7 часов бандиты начали медленно отступать в западном направлении на кладбище и гору Митридат и далее на Скосиев фонтан. Из каменоломен вышло всего около 180 человек, имея не менее 2 пулеметов; в каменоломнях осталось около 150 человек, из которых боеспособных не более 100 человек. Во время наступления большевики были незначительно поддержаны местным населением, из которого примкнуло не более 60—70 вооруженных человек. Отступление совершалось хотя и разрозненно, но начальники не теряли управления бандитами, указывая им пункты для сбора: Скосиев фонтан, в случае полной неудачи, на Булганак, и далее на каменоломни. В случае недопущения их на Булганак и др. на городскую (Старокарантинскую) скалу, где и сосредоточиваются, по всей вероятности, в настоящее время остатки бандитов. Необходимость участия в боевых действиях, затрудненность чисто агентурной разведки в боевой обстановке и перегруженность работой по разбору свыше сотни арестованных вызвали некоторое запоздание настоящей сводки, данные которой по частям доносились своевременно. — Керчь. 24 мая. 19 часов 21 минута. № 03. Наконтразведпункта Керчи подпоручик

Шиманский[1]).

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: Ростов — генквармдобр. Наштадив 4 и 5. Керчь — комкреп, дегенкраз, Осваг.

В ночь на 25 мая после обстрела д. Дал. Камыши судовой артиллерией Черного моря наши разведывательные части на рассвете вошли в деревню, где противника не оказалось, но были найдены и вывезены

---

[1]) На обороте помета: «Начальнику штаба. Считаю долгом довести до вашего сведения о доблестном поведении чинов контрразведки. Генерального штаба полковник Махров. 25 мая 1919 г. № 989. г. Керчь».

нами пулеметы с лентами, патронные двуколки с патронами и много заготовленного строительного материала. Продвинувшись еще к западу версты на 4 и не найдя противника, части возвратились. Одновременно были высланы разведывательные части из района Парпач и южнее, которые, по достижении меридиана Хирсиз-Шибань, возвратились. Подробности еще не получены. Из собранных и обработанных сведений представляется следующая картина керченского восстания: активная часть аджимушкайских бандитов в ночь с 21 на 22 мая вышла тайными ходами из каменоломен под предводительством Татаринова, проникла в город и принялась агитировать среди рабочих за восстание. Другая часть, менее активная, осталась в каменоломнях. Агитация имела средний успех, и к вечеру 22-го бандиты и мобилизованные рабочие — частью добровольно, частью насильно — вместе с новыми бандитами, во главе с Денисенко вышедшими из каменоломен, насчитывали в своих рядах до 600—700 человек, вооруженных на три четверти. Около 2-х часов в ночь на 23 мая отряды Денисенко и Татаринова произвели ряд нападений на интендантство, центральный телеграф, управление милиции, отделение контрразведки, авточасть, сыскное отделение и другие учреждения. Личными составами всех чинов управлений и учреждений нападения были отбиты, и помещения управлений были удержаны до подхода из района Аджимушкая резервов, которые начали теснить бандитов и частью уничтожили, частью рассеяли их. Есть потери среди чинов управлений. — Семь Колодезей. 25 мая. 11 ч. 45 м. № 4845.

За генквармкраз капитан Левицкий.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 208. 19. 26. 11. 6. 1.

Спокойно. Утром посланы разъезды на Кезы и Бабчик. — 26 мая, Керчь. № 117.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 214. 31. 26. 21. 3.

Разъезды, высланные в Бабчик и Кезы, противника не обнаружили. Втечение дня произведено 6 больших взрывов, 13 малых и засыпано 8 дыр. — 26 мая. Керчь. № 130.

Перевалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копии: Ростов — генквармглав. Наштадив 4 и 5. Керчь — компкреп, дегенкраз, Осваг.

На фронте спокойно. Рассеявшиеся после поражения в Керчи бандиты засели небольшими партиями в каменоломнях Оливийских, что севернее Ново-Александровки, в районе Кезы и Каралар. Приняты меры ликвидации этих каменоломен. — Семь Колодцев. 26 мая. 11 ч. 30 м. № 4851.

Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 218. 121. 27. 11. 51.

Ночь спокойная. Вчера отряд партизан разыскивал одиночных бандитов в районе Оливинских скал и задержал известного бандита Хахарова и брата Денисова. Отряд сегодня производит розыски в южном направлении и вышлет часть отряда для розыска бандитов в районе на запад от Чокракского озера. Сегодня от 9 до 10 часов по улицам города продефилировал в вольном боевом снаряжении английский десант. Отправленные 25 мая на катере в Культепе 20 казаков вчера вернулись и донесли, что бандитов в Культепе нет. Пока, по словам жителей, бандиты есть в окрестностях, и неизвестные лица спрашивали дорогу на Карантин. Сегодня в дозор на побережье от Еникале и до Чокрака выходит на два дня катер «Смелый». — 27 мая. Керчь. № 132.

Перевалов.

Телеграмма.

Семь Колодцев. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 229. 10. 27. 23. 15.

Днем спокойно. — 27 мая. Керчь. № 134.

Перевалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копия: Ростов — генквармдобр.

Керчь — комкреп, дегенкраз, Осваг.

В 3 часа разведчики красных пытались приблизиться к участку севернее ст. Ак-Манай, но были отбиты. На остальных участках фронта без перемен. В Аджимушкайских каменоломнях произведено 19 взрывов входов. — Семь Колодезей. 27 мая. 11 час. 20 м. № 4861.

Полковник Коновалов.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.
Из Керчи. Штаба гарнизона. 234. 12. 28. 8. 42.
Ночь прошла спокойно. — 28 мая. Керчь. № 135.

Перевалов.

Разговор с Керчью по прямому проводу.

28/V.

У аппарата полковник. [1]) Выяснено, что в Аджимушкае сидит в каменоломне не менее 100 бандитов, засыпано и взорвано 70 входов, обнаружено еще 35 больших входов, потребуется не менее четырех дней для ликвидации дыр. Генерал Чернавин посылает вам сводный Кавказский полк, четыре эскадрона, взвод полевой и взвод горной артиллерии. Относительно 2 конного полка — колебание: отправить его вам или же задержать здесь на 4 дня. Возможно ли прислать сюда саперные роты Дружинина и Егорова? Все.

Полк. Коновалов. Зачем вам саперные роты?

Ответ: Для ускорения работ по взрыванию, если заберете 2 конный полк.

Полк. Коновалов. По моему мнению, 2 конный полк должен быть отправлен своевременно, как указано ранее. Сапер вам прислать можно, но, конечно, не столько, сколько вы просите. Войск же у вас будет достаточно для истребления 100 человек каменоломщиков. Сейчас сделаю распоряжение о посылке вам сапер.

Полковник. — Частный вопрос: правда ли, что взята Лозовая?

Коновалов. — У нас таких сведений нет. Проявите больше энергии по ликвидации в Аджимушкае бандитов, устраните все ненормальности, вызывающие брожение умов в Керчи. Примите меры к установлению нормальной жизни и безопасности граждан города. Укажите населению, что, как только не будет опасности ограбления мирного населения бандитами, в городе будут сняты все ограничения, указанные ранее. Проявите вообще большую четкость для психологического воздействия на массы населения. Англоминоносцы пока оба оставляем у вас. Гвардия не уйдет, пока не будут ликвидированы каменоломни. Начиная с 30-го в Керчь с фронта будет прибывать личный конный состав гвардейской артиллерии. Примите меры к размещению. Они будут у вас до посадки на суда. Все.

---

[1]) Так в подлиннике.

Полковник. — Отправлять ли гвардейский взвод гвардейской артиллерии полевой?

Полковник Коновалов. — Полевой оставьте у себя до 31 мая, после какового дня отправьте на фронт Алибей. Все.

Полковник. — К сожалению, поступает масса жалоб на грабежи войск. Делаем все, что возможно, к обнаружению виновных. Командир 2 конного полка не останавливается в этом отношении ни перед чем. Все. До свидания.

Телеграмма.

Семь Колодезей. Полковнику Коновалову.

Из Керчи. Штаба гарнизона. 246. 10. 29/5. 8. 55.

Ночью спокойно. — 29 мая. Керчь. № 138.

Перевалов.

Телеграмма.

Генкварглав. Копии: Ростов — генквармдобр.

Керчь — комкреп, дегенкраз, Осваг.

На фронте редкая артиллерийская перестрелка. Сегодня около часу, проделав выход из Аджимушкайских каменоломен в тылу охранения, бандиты вышли и двумя группами пытались скрыться, но одна группа в 15 человек задержана западнее д. Джанкой на Брянском заводе, другая группа — около 40 человек с пулеметом — настигнута и обнаружена в районе Оссовы — Юраков Кут. Спустившиеся в галлереи солдаты нашли несколько здоровых и раненых человек. В другом месте сидит около 50 человек, где взрывы продолжаются. — Семь Колодезей. 30 мая. 22 ч. 30 м. № 4916.

Полковник Коновалов.

Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции.

В промежутке времени между двумя революциями (1905—1917), наполненном бесконечным количеством политических процессов, особое место занимает процесс Бейлиса, слушавшийся осенью 1913 г. в киевском окружном суде.

Этот процесс является одним из наиболее ярких проявлений той «погромной атмосферы», которой дышала Россия в годы реакции. На вопрос: «почему царила такая атмосфера?», «почему она могла царить?» — В. И. Ленин отвечал: «Только потому, что страна переживает на деле состояние плохо прикрытой гражданской войны... Вся политика правительства по отношению к евреям и другим, — извините за «правительственное» выражение, — «инородцам» сразу станет понятной, естественной, неизбежной, если взглянуть правде в лицо и признать несомненный факт, что страна переживает состояние плохо прикрытой гражданской войны. Правительство не управляет, а воюет. Если оно выбирает «истинно-русские» погромные средства для войны, то это потому, что других в его распоряжении нет. Всякий защищается, как может. Пуришкевич и его друзья не могут защищаться иначе, как «погромной» политикой, ибо другой в их распоряжении нет. Тут нечего вздыхать, тут нелепо отделываться словами о конституции или о праве или о системе управления, — тут дело кроется в интересах класса Пуришкевича и компании, в трудном положении этого класса. Либо «сосчитаться» решительно и не на словах только с этим классом, либо признать неизбежность и неустранимость «погромной» атмосферы во всей политике России. Либо мириться с этой политикой, либо поддержать народное, массовое и прежде всего пролетарское движение против нее. Либо, либо. Середины тут не может быть». [1])

В. И. Ленин здесь не только чрезвычайно ярко вскрыл классовую подоплеку политики царского правительства по «национальному вопросу», но и ребром ставил вопрос буржуазным партиям (к.-д., их сионистским подголоскам и проч.) об их отношении к этой политике. «Тут нечего вздыхать, тут нелепо отделываться словами о конституции или о праве или о системе управления...» — эти слова целиком и полностью следует отнести к сентиментальным вздохам кадетско-сионистских депутатов Госуд. Думы и публицистов в связи с делом Бейлиса и, вообще, погромной политикой самодержавия.

К вопросу об антисемитизме Ленин возвращался неоднократно в период, непосредственно примыкавший к моменту слушания дела Бейлиса. «Ни одна на-

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, 3 изд. т. XVII, стр. 323—324; 731.

циональность в России так не угнетена и не преследуема, как еврейская. Антисемитизм пускает все более глубокие корни среди имущих слоев. Еврейские рабочие стонут под двойным игом — и как рабочие, и как евреи. Гонения против евреев приняли за последние годы совершенно невероятные размеры. Достаточно вспомнить антиеврейские погромы и дело Бейлиса». [1])

В самые же дни процесса большевистская газета «За правду» писала: «Совершенно понятно, почему этот процесс привлек такое внимание: на скамью подсудимых посадили самого обыкновенного рабочего и сказали: ведь он людоед и кровопийца, потому что его религия предписывает ему пить младенческую человеческую кровь... Взрывом негодования было оно (дело Бейлиса) встречено во всем цивилизованным мире, и пролетариат России был в первых рядах тех, кто поднял свой голос в защиту попранной чести русского народа». [2])

Царское правительство пыталось разжечь национальную вражду в стране. Для того, чтобы «посеять темную, дикую, злобную ненависть к евреям, оно мобилизовало все силы: и школу, и печать, и парламентскую трибуну». К этому черному делу были привлечены «не только отбросы черносотенцев, но и реакционные профессора, ученые, журналисты, депутаты»... [3]). Все было «позволено для администрации и полиции для бесшабашной и бесстыдной травли евреев — все позволено вплоть до прикрытия и сокрытия преступлений» [4])...

Для обвинения Бейлиса из пыли средневековых легенд была вытащена легенда об убийстве евреями христианских детей для ритуальных целей. Путем подкупа, подлогов застращиваний был инсценирован процесс, который должен был содействовать развращению, отравлению сознания темных, забитых масс.

Благодаря тому, что после революции стали доступны изучению секретные архивы царской эпохи, открылась первая в истории возможность вскрыть эту организацию и инсценировку «ритуального» процесса, как орудия национальной политики царизма [5]).

В период самого процесса принято было думать, что власть, воспользовавшись случайным стечением улик, привлекла Бейлиса в качестве обвиняемого, пренебрегая отысканием действительных убийц мальчика Ющинского. Такое предположение теперь должно быть оставлено. План киевской прокуратуры сводился к такому «разделению труда»: на киевскую жандармскую полицию была возложена задача найти действительных убийц, а судебное ведомство получило задание инсценировать «ритуальный» процесс. Найти же действительных убийц надо было по двум причинам. Прежде всего, киевский прокурор Чаплинский все время боялся, что министерство юстиции по тем или иным причинам изменит свою точку зрения, откажется от постановки «ритуального» процесса и

[1]) «Путь правды», 1914 г. № 48. Собр. соч. т. XVII, стр. 291.

[2]) «За правду», 1913 г. №№ 1 и 22.

[3]) Там же, стр. 321—322.

[4]) Там же, стр. 323.

[5]) Автором настоящего предисловия закончено специальное исследование по архивным источникам о деле Бейлиса, которое в ближайшее время появится в печати. Публикуемые здесь документы представляют часть относящихся к этому процессу архивных материалов. (Архив Революции и Внешней Политики).

тогда придется предавать суду действительных убийц: значит, их надо было иметь наготове. С другой стороны, знать действительную картину убийства было полезно и для работы по инсценировке «ритуального» процесса. Для того, чтобы уйти в сторону от правды, полезно было эту правду знать.

Жандармская полиция свою задачу великолепно выполнила: действительных убийц обнаружила, допросила их с прямым обвинением в убийстве Ющинского и почти все время, вплоть до самого процесса, держала их под стражей. По данным жандармской полиции, убийство мальчика Ющинского было совершено участниками воровской шайки — Борисом Рудзинским, Петром Сингаевским, Иваном Латышевым и Верой Чеберяк.

В связи с этим надо внести и еще одну поправку в те представления, которые существовали в период самого процесса. Тогда считалось, что журналист Бразуль-Брушковский, при помощи Красовского, Караева и Махалина, произвел целое расследование и обнаружил действительных убийц, неизвестных ни власти, ни обществу. Такое представление неверно. Бразуль-Брушковский при помощи указанных выше лиц нашел пути к тому, чтобы предать гласности те материалы, которыми располагала жандармская полиция, но которые упорно скрывались в целях постановки «ритуального» процесса. Заслуга Бразуль-Брушковского и его сотрудников состоит в том, что при помощи печати на солнечный свет из тьмы жандармских канцелярий была извлечена правда о действительных убийцах Ющинского. Работами жандармской полиции в деле указанных розысков руководил подполковник Павел Иванов. Эту своеобразную роль жандармской полиции надо помнить при оценке печатаемых ниже документов. Чины жандармской полиции выполняли в процесе одно из специальных заданий в общем правительственном плане. Лучше чем кто-либо другой знали жандармы правду о деле, ибо они ее нашли, и на них же возложено было эту правду скрыть. Вот почему жандармский подполковник Иванов являлся основным правительственным лжесвидетелем на процессе. И если на него возлагались кем-либо надежды в том смысле,что он может разоблачить правительственную ложь и раскрыть правду, то это свидетельствует лишь о большой наивности ожидавших этого.

Архивные документы свидетельствуют о том, что о невиновности Бейлиса знали все органы власти, так или иначе соприкасавшиеся с процессом. Об этом знал министр юстиции И. Г. Щегловитов. Об этом знали министры внутренних дел А. А. Макаров и Н. А. Маклаков. Об этом знал синод. По докладам министра юстиции, министра внутренних дел и министра иностранных дел С. Д. Сазонова о процессе знал и процесс одобрял Николай II.

Во время самого слушания процесса в суде беспрерывно дежурили два чиновника департамента полиции — Венедикт Антонович Дьяченко и Павел Никанорович Любимов. Они были посланы в Киев директором департамента полиции С. П. Белецким, которому они и сообщали свои впечатления о процессе. Дьяченко каждую ночь посылал шифрованную телеграмму с сообщениями за истекший день. Иногда посылалось по две телеграммы в день. [1])

[1]) Телеграммы нумерованы, начиная с № 1 и кончая № 37, причем телеграмм за №№ 1, 11 и 23 нам разыскать не удалось. № 3 помечено письмо Дьяченко от

Второй чиновник — Любимов время от времени писал более обстоятельные донесения. Ниже публикуются в хронологическом порядке донесения обоих этих чиновников.

Все эти сообщения Дьяченко и Любимова докладывались министру внутренних дел Н. А. Маклакову. Если его не было в Петербурге, то сведения эти сообщались ему немедленно по телеграфу. Кроме того копии с сообщений Любимова и Дьяченко немедленно доставлялись лично министру юстиции И. Г. Щегловитову.

Для правильной оценки донесений Дьяченко и Любимова надо иметь в виду, что оба они, по всей вероятности, не были посвящены во все детали инсценировки процесса Бейлиса, но прекрасно, конечно, знали,что скрывают подлинных убийц и судят невинного человека по выдуманному обвинению. Вместе с тем они должны были делать вид, что верят в процесс, ибо такой вид делало высшее начальство. Поэтому уверенность в предстоящем оправдании Бейлиса и перемешивается в их донесениях с «надеждами» на его осуждение. Эти надежды и высказывались, вероятно, больше для того, чтобы сказать приятное начальству.

Еще до слушания дела киевское жандармское управление в сдержанных выражениях предупреждало свое начальство о том конфузе, который ожидает судебное ведомство: «Обвинение Бейлиса в убийстве Андрея Ющинского при недостаточности собранных против него улик и всеобщем интересе к этому делу, приобретшему почти европейскую известность, может повлечь за собой большие неприятности для чинов судебного ведомства и вполне справедливые нарекания на допущенную при производстве следствия поспешность заключений и даже односторонность».

Всеобщий интерес к делу с течением времени отнюдь не уменьшился, а «улик» против Бейлиса не прибавилось, и чиновникам департамента полиции, дежурившим на суде, не оставалось ничего другого, как постепенно отмечать, как рушится на суде постройка лжи, как процесс неминуемо идет к оправданию невинного человека.

Когда огласили обвинительный акт, чиновники должны были сообщить, что он произвел невыгодное для обвинения впечатление. Когда закончился допрос свидетелей, они сообщили, что улики против Бейлиса очень слабы. Когда закончилась экспертиза, они довели до сведения своего начальства, что и экспертиза ослабила обвинение и усилила защиту. Когда, наконец, стороны обменялись речами, то пришлось сообщить, что и прения также оставили более благоприятное впечатление для защиты. Это все собственные впечатления самих чиновников. Но у них были и помощники: для того, чтобы подслушивать разговоры присяжных заседателей между собой, к ним были приставлены переодетые в форму судейских курьеров два жандармских унтер-офицера. С их слов Белецкому телеграфировали, что присяжные заседатели между собой говорят:

---

24 сентября. Телеграмма от 27 сентября не имеет номера, но должна считаться № 5. Телеграмма от 30 сентября должна считаться № 9. 17 октября посланы две телеграммы, из них одна за № 26, другая без номера. Телеграмма от 24 октября имеет ошибочно № 31, должна считаться № 32. Телеграммы посылались в зашифрованном виде; телеграммы же за №№ 16 и 37 и вторая телеграмма от 17 октября без номера посланы были в незашифрованном виде.

«Як судить Бейлиса, колы разговоров о нем на суде нема?» Да и сам Дьяченко, будучи после революции 1917 г. допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, должен был признать, что «улики против Бейлиса были очень слабы или, лучше сказать, их совсем не было».

Но чиновники департамента полиции все же надеялись на то, что Бейлис будет осужден. Они даже иногда указывали, что «убеждены» в его виновности.

На что же они в действительности надеялись? Их донесения дают в этом отношении великолепный ответ. «Улики против Бейлиса очень слабы, но обвинение поставлено прилично, и серый состав присяжных может обвинить ввиду племенной вражды» — сообщал в одной из своих телеграмм Дьяченко. «Прокурор Виппер, видимо, человек опытный, так как сумел отвести из присяжных всю интеллигенцию» — дополнял другой чиновник Любимов. «Все светила литературы, медицины и науки на стороне успевшего обработать их еврейства, против стоит еще незатронутая еврейским просвещением душа простолюдинов» — прибавлял тот же чиновник Любимов.

Без улик, без доказательств должен был прокурор добиваться обвинения Бейлиса с одним лишь оружием «племенной вражды». И когда Виппер кончил свою последнюю речь, то в Петербург полетела торжествующая телеграмма: «Виппер, возражая по существу, разгорячился и, произнес несколько фраз, могущих разжечь племенную вражду».

Для этого разжигания национальной вражды и был поставлен весь процесс. «Як судить Бейлиса, колы разговоров об нем на суде нема?» — отвечала на это «душа простолюдинов» — присяжных заседателей.

Но и департамент полиции имел на это свой ответ. Когда выяснилось, что надеяться на осуждение Бейлиса невозможно, Любимов писал Белецкому, что наилучшим исходом будет, «если присяжные, признав в деле наличность ритуала, признают участие Бейлиса недоказанным. Кассировать дело в случае оправдания Бейлиса не представляется возможным, легенда же об употреблении крови получит официальное признание».

Так определена по существу и цель киевского процесса: укрепить официальной печатью государственного суда ритуальную легенду. Мы имеем, таким образом, прямое признание департамента полиции, что все обвинение еврейства в совершении ритуальных убийств в его представлении было ничем иным, как легендой.

А. С. Тагер.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 23 сентября 1913 г.

Настроение в Киеве приподнятое среди союзников и в кругах еврейской буржуазии, меры предупреждения беспорядков приняты. Замысловский, Виппер охраняются; наружное наблюдение за присяжными заседателями пока не провалено, осуществляется осторожно, но результатов не дает и дать не может; состав присяжных мало

интеллигентный, половина крестьян и мелких собственников. Подполковник Иванов категорично доложил, что Караев не оказывал ему агентурных услуг по делу Ющинского. — № 2.

Письмо Дьяченко Белецкому 24 сентября 1913 г.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Степан Петрович! В телеграмме своей за № 2 я не поместил следующие сведения: приехав в Киев и объехав всех должностных лиц, я от многих слышал нарекания, что в такой серьезный момент генерал-губернатор и губернатор отсутствуют и всем краем управляет вице-губернатор Б. Д. Кашкаров. Последний в связи с делом Бейлиса предвидит возможность погрома, хотя достоверных сведений никаких не имеется. На всякий случай я посоветовал ему, кроме вызванных им 150 конных стражников, просить военное начальство откомандировать в его распоряжение не менее 300 казаков, которых и держать в резерве. Кроме того, Кашкаров обещал мне вызвать представителей монархических организаций и настоятельно им рекомендовать воздержаться от всяких демонстраций, ибо таковые будут разогнаны мерами полиции. Со Скалоном я вошел в соглашение, чтобы площадь вокруг здания суда была свободна от народа, а также чтобы не было скопления народа во всех прилегающих улицах. В общем, совместными усилиями мы выработали меры, предупреждающие беспорядки. В Киеве левая партия и союзники сильно волнуются и враждуют друг с другом. Левая пресса сдерживается вице-губернатором налагаемыми штрафами, а правые газеты пока ведут себя корректно. Нельзя не видеть, что левые газеты сильно вооружают себя против союзников, помещая статьи вроде прилагаемой «Молитва Бейлиса» (за эту «молитву» газета конфискована). Кроме того, «случай во Владимирском соборе» доказывает, к каким недопустимым приемам прибегают евреи для своей реабилитации. По циркулирующим здесь слухам, союзники решили сжечь Бейлиса, независимо от оправдательного или обвинительного приговора.

По мнению судебной власти, процесс продлится недели три. Зало суда очень мало, и поэтому придется работать в тесноте и духоте. Заседания будут с 11 ч. дня до 12 час. ночи. Телеграммы вашему превосходительству я буду отправлять после 12 час. ночи, так как мне необходимо подвести итоги дня. Председатель суда Болдырев сильно волнуется, боясь политических выступлений со стороны адвокатов, в особенности В. А. Маклакова.

Теперь скажу несколько слов о наружном наблюдении за присяжными заседателями. По условиям места оно крайне опасно, так как

в случае провала левые поднимут сильный шум. Результатов оно решительно никаких не дает, так как факт подкупа наружным наблюдением установить невозможно. У кого именно заседатели бывают или кто к ним ходит, за отсутствием дворников и швейцаров, выяснить трудно. Врачи, напр., ездят по больным, принимают массу народа у себя на квартире, и филерам трудно, да и бесполезно, следить за ними. Я рекомендовал полковнику Шределю крайнюю осторожность, высказав свое мнение, что едва ли целесообразно вести наблюдение за врачами. Масса риска и расходов, а пользы нет. Сегодня приехал корреспондент «Вестника полиции» Любимов, которому я выхлопотал место в суде. Мы уговорились с ним, что он будет доносить вашему превосходительству о всех слухах, так как о них мне неудобно писать в телеграммах. Адрес мой; в виду дороговизны я переехал в меблированные комнаты Позднякова по Трехсвятительской ул., д. № 9.

Примите уверения в глубоком уважении и в искренней преданности вашего покорного слуги В. Дьяченко.

Донесение Любимова Белецкому 25 сентября 1913 г.

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Выехав, с разрешения вашего превосходительства, из Петербурга в Киев на дело Бейлиса 22 сего сентября, я прибыл в Киев в 3-м часу ночи 24-го. Опоздание на несколько часов произошло ввиду катастрофы на ст. Двинск перед самым проходом там нашего поезда. Впечатление от катастрофы было столь сильно, что с некоторыми пассажирами нашего поезда делались истерики даже тогда, когда наш поезд уже подъезжал к Киеву. Утром, по приезде в Киев, я явился с визитной карточкой В. А. Дьяченко к г. председателю окружного суда Ф. А. Болдыреву, который был так любезен, что поместил меня не на хоры, где собраны корреспонденты еврейских газет, а в зал за общий стол серьезной прессы, помещенный сзади защитников и рядом с местом, занимаемым Бейлисом. За этим столом помещено 7 человек— от «Нового времени» Г. В. Никаноров, корреспонденты «России», «Права», «Земщины» и два представителя Телеграфного агентства, дающие сведения — один внутри России, а другой за границу.

Разбор дела начался 25-го сентября, с сильным запозданием, вместо 10 часов в 2½ ч. часа дня, потому что два или три важных свидетеля, проживающие в Киеве, получив повестки, не явились. Розыск их был произведен мерами полиции, и все они, — некоторые, кажется, в очень нетрезвом состоянии, — были разысканы и доставлены в суд.

Состав суда, защиты, истцов и экспертов известны вашему превосходительству из газет, и поэтому считаю своим долгом сообщить только впечатление о некоторых из них. Председатель суда Ф. А. Болдырев, воплощенное беспристрастие, очень мягок, но не заметно, чтобы он склонялся на ту или другую сторону. Он разрешил Бейлису явиться в суд в штатском платье, что не могло не произвести лучшего впечатления на еврейские круги, и даже союзники не усматривают здесь попустительства. Заметно желание избежать даже мелких процессуальных нарушений; я видел выработанный план ведения дела, рассчитаны все мелочи и возможные уклонения. Когда я представлялся ему, он отдавал уже последние распоряжения — заготовить свечи в подсвечниках на случай, если погаснет электричество. По слухам, перед этим делом он даже принял специальный полный курс водолечения. Председатель подобрал также самый лучший и опытный состав членов, — докладчик Вигура, Юркевич, князь Жевахов— они зорко следят за ходом процесса и сразу же направляют внимание председателя на нужное обстоятельство. Состав секретарей, приставов и даже рассыльных подобран самый лучший, ввиду чего процедура привода к присяге 185 свидетелей (из 219 не явилось только 34— в том числе Мищук и Буржинский не разысканы, как значилось в деле, несмотря на все принятые меры) заняла только 3 часа, все было сделано без суеты и толково.

Характерно сделанное по предложению прокурора Виппера процессуальное отступление, поддержанное и сторонами. Свидетели, чтобы их не приглашать всех и завтра, были приведены к присяге ранее оглашения обвинительного акта. Сущность дела не меняется, а облегчение для свидетелей сделано большое, — по приводе к присяге их разбили на группы и объявили, когда и кто должен явиться. От этого отступления пострадают, а, может быть, кое-где и попадут впросак провинциальные газеты, выпустив на сутки раньше обвинительный акт или задержав уже набранный номер.

Прокурор Виппер, видимо, тщательно проштудировал все 10 громадных томов дела; быть может, найдутся у него и очень веские аргументы, но особенного впечатления на присяжных заседателей он, мне кажется, не произведет, — говорит слишком быстро, невнятно и без дикции. Хотя предполагают, что он разойдется. Пока он заметно волнуется и, по слухам, перед процессом не мог заснуть всю ночь. Но, видимо, человек опытный, так как сумел отвести из присяжных заседателей всю интеллигенцию, чем привел в заметное замешательство защитников. Я сижу сзади Карабчевского и Грузенберга, — рядом с Бейлисом, — и мне было видно, как переглянулись защитники, когда выяснился состав заседателей — все сплошь в свитках и косо-

воротках, кроме губернского секретаря Мельникова и еще двух или трех лиц. На скамьях для публики остались все интеллигенты и в числе их доктор, на которого, как на предполагаемого старшину, защита возлагала большие надежды. Состав присяжных приводит в замешательство защиту потому, что не втолковать им нужных аргументов. Остается надежда на обаяние, для чего и выписаны Карабчевский и Маклаков (причем, по слухам, последний дал Замысловскому слово в процессе не выступать. 25-го Маклакова еще не было, его ждут сегодня). Мое глубокое убеждение, а хотелось бы, чтобы оно было ошибочным, — что Бейлиса оправдают. Уж очень сомнителен старшина Мельников и еще 2—3, кажется «сознательных» присяжных заседателей, они смогут направить всех темных крестьян куда захотят. Я сужу по первому впечатлению, — возможно, что ошибаюсь.

Весь ход процесса будет зависеть от того, насколько воспримутся темной массой заседателей аргументы ксендза Пранайтиса, убежденного в наличности ритуальных убийств. Мне кажется, как ксендз, он умеет говорить и убедить крестьян; как ученый, защищавший диссертацию по этому вопросу, он даст опору суду и прокурору, но предугадать пока ничего нельзя. Я познакомился с Пранайтисом и вынес твердое убеждение как о человеке, глубоко знающем тот вопрос, о чем ему придется говорить. На суде он все время сидел с книгой и делал заметки карандашом. Это он штудировал Хвольсона, опровергавшего, как известно, в восьмидесятых годах ритуал у евреев. Пранайтис знает, что защита будет и может ссылаться на эту книгу, только на нее одну, и уже готов дать им опровержение. Против Пранайтиса защитой выставлены два светила русской науки — гебраисты профессора еврейского языка — СПБ университета Коковцов и СПБ духовной академии И. Г. Троицкий. У обоих из них я учился и знаю, что они глубокие и тоже единственные знатоки древне-еврейского языка и литературы, но не талмуда, каковым является только Лютостанский. С Иваном Гавриловичем Троицким еще в академии я говорил по этому вопросу, и, когда дело Бейлиса было назначено в первый раз, И. Г. Троицкий говорил, что его интересует, действительно ли в этом случае ритуал, так как в существование ритуалов он не верит. Его знания основаны на вере, и на суде, насколько я выяснил из вчерашних с ним разговоров, он будет говорить о том, что он не встречал ритуалов. Все будет, следовательно, зависеть от того, какие аргументы выставит ксендз Пранайтис, а у него они есть, и они сокрушительны для еврейства, а в этом может крыться гибель для него. Ведь евреи не остановятся ни перед чем. Это одни мои предположения, и я их высказываю только вашему превосходительству, так как умолчать не считаю

вправе; мне кажется, если что и начнется после обвинения Бейлиса, то начнется именно с Пранайтиса. Евреи всего мира зорко приглядываются к тому, что сейчас делается в Киеве, и не остановятся ни перед чем. Они задолго до суда обрабатывали общественное мнение путем печати; какой-то еврей выступал даже с амвона во Владимирском соборе, сочинили молитву, напечатанную в конфискованном номере «Последних новостей», которые я вместе с номером «Двуглавого орла» позволил себе представить вашему превосходительству. Еврейская интеллигенция решила носить траур, пока идет разбор дела; разбрасывали в политехникуме — и, вероятно, будут разбрасывать и еще — прокламации. Евреи усиленно собирают фотографии участников процесса, вообще предпринимают многое, не останавливаясь даже перед провокацией: якобы союзники хотят сжечь Бейлиса независимо от решения суда, и многое тому подобное. Быть может, евреи распространяют это не со злым умыслом, а просто с перепугу, но факт тот, что все слухи идут из еврейских кругов, а не из русских. Союзники держат себя не вызывающе и спокойно и ничего не предпримут, если не будут провоцированы самими же евреями. Я хорошо знаком с знаменитым студентом Голубевым и, не теряя его из виду, стараюсь быть в курсе дела и сейчас же ставлю в известность В. А. Дьяченко.

Жизнь в Киеве идет своим чередом, никто кроме евреев не нервничает — все только интересуются процессом, как интересовались бы и другим сенсационным делом. Администрацией приняты надлежащие меры к поддержанию порядка, но сделано это так умело, что совершенно не бросается в глаза. Около суда на углах всего 2—3 конных городовых да редкие посты пеших; публики на площади пока мало, сделано распоряжение не допускать ее скопления у окон суда. Если и будут какие-нибудь выступления, то, по моему глубокому убеждению, не сейчас, а когда уже наметится уклон дела. Если дело пойдет к обвинению Бейлиса, то процесс будут извнутри срывать защитники, а снаружи спаявшаяся пресса и добровольцы провокаторы, недостатка которых среди евреев не было, — но, мне кажется, не дойдет до этого, так как защита приложит все силы к тому, чтобы Бейлиса оправдать, и, кажется, что это будет так.

Это первые впечатления, доложить о которых вашему превосходительству я и считаю своим долгом. С завтрашнего дня начну каждый день присылать материалы для «Вестника полиции» и ставить ваше превосходительство в известность о всем, что мне удастся подметить характерного по делу Ющинского как в зале суда, так и в городе.

И. д. чиновника особых поручений П. Любимов.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 26 сентября 1913 г.

Сегодня судебное заседание вместо назначенных 10 часов утра началось в 2½ ч. дня, задержка произошла ввиду неявки свидетелей Выгранова, Шаховских; из них Выгранов скрылся, Шаховские были подвергнуты приводу. По открытии заседания выяснилось, что из вызванных 219 свидетелей не явилось 34, из 14 экспертов не явились три, защитники подсудимого энергично пытались сорвать процесс, настаивая на отложении дела за неявкой существенных свидетелей. Суд, согласно заключения прокурора, постановил дело слушать. Присяжными заседателями избраны 7 крестьян, 2 мещанина, 2 не имеющих чина, 1 губернский секретарь, телеграфный чиновник Мельников, избранный председателем присяжных. Вообще состав очень серый. Заседание закончилось поверкой экспертов, свидетелей, приводом их к присяге; инцидентов не было. В городе совершенно тихо, забастовок учебных заведений не было, порядок нигде не нарушался. Председатель суда Болдырев ведет заседание очень мягко. Защита представлена на суде гораздо сильнее обвинения. — № 4.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 27 сентября 1913 г.

Заседание началось чтением обвинительного акта, произведшего невыгодное для обвинения впечатление, говорили много о посторонних фактах, о Бейлисе сказано мало. Допрошенные 19 свидетелей опровергли версию убийства Ющинского матерью, дав хороший отзыв об их нравственных личных качествах; свидетели видели Ющинского утром 12-го марта шедшим в школу; высказывается мнение, что серый состав присяжных не может разрешить сложного вопроса о существовании ритуальных убийств, это скорее компетенция особой научной комиссии. Отношения между сторонами крайне обострились; постоянно спорят, пререкаются, возбуждают много различных ходатайств, просят о внесении в протокол отдельных выражений, что затемняет дело, удлиняет процесс, нервирует стороны, особенно Виппера. По агентуре, зажиточные евреи отправляют семьи из Киева, опасаясь погрома. День прошел нормально. Пока нет оснований ожидать беспорядков. [№ 5].

Телеграмма Дьяченко Белецкому 28 сентября 1913 г.

Допрошены десять свидетелей, удостоверивших полную непричастность к убийству Луки Приходько, дяди Федора Нежинского. Свидетели устанавливают, что сыскные чины — Мищук, Красовский,

другие — при розысках арестами заставляли свидетелей обвинять в убийстве Ющинского близких родных. Процесс производит странное впечатление: втечение трех дней Бейлисом никто не интересуется, выясняется невиновность посторонних в деле лиц, высказывают разочарование обвинительным актом; публика, репортеры предсказывают полный провал процесса; правая газета «Киевлянин» в конфискованном сегодня номере удивляется судебным властям, выступившим перед всем миром с таким убогим багажом, резко критикуя действия Чаплинского, предполагающего еврейский подкуп автора статьи — Шульгина.

Выяснилось, что свидетели читают газеты, стенограммы, являются в суд прекрасно осведомленными о деталях процесса, что делает изоляцию в суде бесцельной. Грузенберг обещает собрать против следователя Машкевича обвинительный материал, тождественный с делом Лыжина, Маклаков молчит. Зарудный нервирует прокурора, председателя. Инцидентов не было. В городе спокойно. — № 6.

Донесение Любимова Белецкому 28 сентября 1913 г.

Имею честь донести вашему превосходительству, что течение процесса идет нормальным порядком благодаря такту и опытности председателя, несмотря на то, что защитники, особенно Зарудный, все время ловят прокурора на каждом неосторожном слове и требуют всякий пустяк заносить в протокол. Это сильно нервирует прокурора, который каждую минуту пьет воду, нервно перебирает руками и все время меняет позы на кресле. Защита довела его до состояния почти полной невменяемости уже на 4-й день процесса, — что будет дальше, предсказать трудно. Страсти разгорелись уже теперь, когда разбирается одна из наиболее слабых версий убийства — родственниками Ющинского, когда Бейлиса еще совершенно не касаются, и защита почти все время молчит, поднимаясь только для того, чтобы зафиксировать то или другое неудачное слово прокурора. Прокурор теряет самообладание и начинает делать повышенным тоном возражения, позволяет себе кричать на свидетелей, не дает им говорить и, постоянно перебивая, ведет рассказ от лица свидетелей сам.

Защита просит присяжных заседателей обратить внимание на то, как прокурор «обрабатывает» свидетелей. Другой неприятной стороной процесса является то, что и прокурор, и гражданские истцы (особенно Замысловский), и защита почти все время говорят о тех незаконных действиях полиции, которые были допущены, когда Красовский и Мищук, стараясь утопить друг друга, выколачивали сознание из родственников Ющинского. На суде выяснилась полная непричастность

делу убийства родственников, — остался только осадок от полицейских бесчинств. Казалось, что судят сейчас не Луку Приходько, Веру Чеберяк и Бейлиса, а киевскую полицию. Я почти с стенографической точностью записал те места из показаний свидетелей, где говорится о приемах сыска, и, посылая их в редакцию, просил Оттона Генриховича Фрейнат или не печатать того, что на суде говорилось, или смягчить тон речей. Замолчать совсем не представляется возможным потому, что все показания против полиции уже в тот момент, когда пишутся эти строки, по телеграфу переданы во все места. Дав беспристрастный отзыв о действиях полиции на страницах полицейского журнала, я по окончании процесса, суммировав все обвинения, которые брошены в лицо киевской полиции, постараюсь найти смягчающие обстоятельства и изгладить неприятный осадок. «Вестнику полиции» придется, мне кажется, посвятить этому вопросу несколько больше внимания и привести почти полностью все предстоящие впереди показания Веры Чеберяк и Красовского. Надо, мне кажется, дать возможность и им высказаться полностью, а потом показать, что русская полиция в ее целом не может быть отождествляема ни с Мищуком, ни с Красовским, и раз навсегда, в лице своего официального органа, осуждает приемы незакономерного сыска. Нужно будет писать подробно потому, что защитник Бейлиса Маклаков, за спиной которого я сижу, по многим данным, не пройдет молчанием этого процесса в Думе, и, говоря, по своей специальности, о недостатках юстиции, не обойдет молчанием и той, по его словам, «русской бестолочи», которая ярко выступает в действиях полиции. Не имея возможности литературно обрабатывать показания свидетелей, так как процесс начинается в 10 часов утра, а оканчивается, с двумя перерывами на обед и на завтрак, нередко в 1-м часу ночи,— я, посылая материал в редакцию, просил переработать его по усмотрению О. Г. Фрейната, сверив с телеграммами в «Новом времени».

Большую сенсацию произвела статья в «Киевлянине», напечатанная членом Думы Шульгиным 27 сентября, отрицающим наличность состава ритуала в деле Бейлиса. Правые, выразив по обычаю подозрение в подкупленности Шульгина, послали в Петербург телеграммы о том, что «Киевлянин» не является выразителем мнения правых кругов Киева. Номер конфискован. Защитники платили за него по 3 рубля, а к вечеру он уже котировался по 15 рублей. Мною этот номер не представлен вашему превосходительству потому, что В. А. Дьяченко уже это сделал. По слухам, статья в «Киевлянине» не есть сочинение Шульгина, а была еще заготовлена самим Пихно и предназначалась появиться еще в то время, когда процесс был назначен впервые. Написана она Пихно по коммерческим соображениям:

у Пихно и теперешних его наследников, в числе коих находится и Шульгин, строится сахарный завод, и статья эта написана якобы с целью «подсахарить Бродского». Во всяком случае «Киевлянин», предчувствуя провал процесса, занял определенную позицию, и тираж его среди евреев сильно поднялся.

В городе тихо. Правые пустили слух, что в комнату присяжных заседателей попал один номер «Киевской мысли», но слух оказался неверным. Чаплинский сказал В. А. Дьяченко, что, если что-нибудь подобное случится, судебный пристав будет уволен в 24 часа. Евреи говорили, что в свидетельской комнате раздаются почаевские листки. Это тоже неправда. Хотя, быть может, евреи и сфабрикуют.

И. д. чиновника особых поручений П. Любимов.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 29 сентября 1913 г.

Допрошены 23 свидетеля. Выяснилось, что полиция приняла меры охраны трупа в пещере, некоторые следы преступления уничтожила. Версия убийства родными окончательно отпала. Свидетель Наконечный показывает в пользу обвинения Веры Чеберяк в убийстве, энергично защищая Бейлиса; Чеховская показала, что Вера Чеберяк в свидетельской комнате уговаривала свидетеля мальчика показывать против Бейлиса. Председатель в целях беспристрастия часто останавливает прокурора и адвокатов. Это сильно нервирует Виппера, который неосторожно поступает, дает обильную пищу нападкам адвокатов. Чаплинский недоволен председателем, стесняющим свободу обвинения. Полагаю, председатель прав, ибо Виппер горячится, часто нарушает процессуальные правила, публика удивляется. Прокурор на процессе нападает на полицию, адвокаты защищают, отношения между сторонами крайне обостренные. Много вызвано лишних свидетелей. В городе спокойно.—№ 7.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 30 сентября 1913 г.

Допрошено 14 свидетелей. Установлено: Красовский гримировал Приходько, предъявляя свидетелю Ященко, Шаховские дали противоречивые показания, не заслуживающие доверия. Спрошенный, почему показывает в пользу Бейлиса, Шаховский ответил: «Мне свет милей». В общем, существенных показаний не было. Передают, что корреспонденты телеграфировали в Петербург, что прокурор Виппер некорректно держит себя по отношению суда. Полагаю, сгущены краски. Виппер только нервничает, его иногда травит защита. Ве-

чернее заседание показало примирение председателя с Виппером, прекрасно знающим дело, энергично отстаивающим интересы обвинения. Простой народ к процессу относится равнодушно, обвиняя в продажности администрацию и судей. В городе спокойно. — № 8.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 30 сентября 1913 г.

Допрошен только свидетель Голубев, вполне подтвердивший свое показание, описанное в обвинительном акте. Суд выезжал осматривать место преступления, инцидентов не было. Виппер пока доволен ходом процесса. Голубев заявляет, что до конца процесса беспорядков не будет, далее не ручается. [№ 9].

Телеграмма Дьяченко Белецкому 2 октября 1913 г.

Допрошено 14, выяснено, что убийство совпало с наступлением еврейской пасхи и закладкой новой синагоги; выяснился состав обывателей завода Зайцева, порядок работ, деятельность Бейлиса, возможность убийства на заводе. Версия похищения Ющинского человеком с черной бородой не подтвердилась. Осмотр места преступления произвел на присяжных заседателей благоприятное обвинению впечатление. Сегодняшние допросы несколько укрепили обвинение. По слухам, евреи хотят сорвать дело, вызвав заболевания присяжных пищею; просил полковника Шределя усилить охрану двумя жандармами. Отношения между председателем и прокурорами установились дружелюбные; адвокаты недовольны председателем, хотят удалить с процесса. Зарудный постоянно раздражает заявлениями, просьбами. Вообще атмосфера сгущается, присяжные недружелюбно относятся к защите. В городе спокойно. — № 10.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 3 октября 1913 г.

Допрошено 6. Показаниями Полещука, семейства Чеберяк устанавливается, что 12 марта Ющинского схватил Бейлис с двумя евреями, потащил к печке; смерть Жени Чеберяк произошла после пирожных, данных Красовским, заставлявшим Полещука работать в пользу Бейлиса; Марголин в Харькове уговаривал Веру сознаться в убийстве за сорок тысяч; Бразуль тоже обещал подкупить свидетелей, что завод Зайцева был молитвенным сосредоточением евреев. Хотя показания семьи Чеберяк имеют спорную достоверность, шансы обвинения немного увеличиваются. Инцидентов на суде не было. Адвокаты, пользуясь мягкостью председателя, посторонними вопросами

затягивают процесс. Заметно утомление присяжных заседателей; сегодня доктор констатировал переутомление одного. Старшина писал жене, что утомился, просил беречь дочь, не пускать одну, — прокуратура полагает: боязнь мести евреев; охрана присяжных усилена двумя жандармами в курьерской форме; левые газеты сдерживаются губернатором штрафами. В городе спокойно. — № 12.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 4 октября 1913 г.

Допрошено 11. Шмаков с целью выиграть время отказался от допроса шести свидетелей. Перекрестными допросами значительно подорвано доверие к показаниям семейства Чеберяков. Сегодня установлено, что указанные Мищуком обрывки одежды, безусловно, не принадлежали Ющинскому. 12 марта у Бейлиса видели двух приезжих евреев. Розыски, добровольно производившиеся союзниками, убедили их в несомненности убийства Ющинского на заводе Зайцева. Публика не верит свидетелям обвинения — в большинстве типа Горького. Виппер получил несколько писем с неопределенными угрозами; перестал нервничать. В городе спокойно. — № 13.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 5 октября 1913 г.

Допрошены 6 несущественных свидетелей. Выясняется роль Файвеля Шнеерсона, знавшего Ющинского, обещавшего показать его отца. По мнению прокурора, защита намеренно затягивает процесс, желая его сорвать, ввиду ненадежности присяжных заседателей. Пользуясь неопытностью председателя, защитники бесконечными допросами, заявлениями делают процесс весьма утомительным; публика недовольна систематическим запаздыванием начала заседаний около часа позднее назначенного. Ночью разбросаны были прокламации рабочей партии с призывом к забастовке в виде протеста по делу Бейлиса; успеха не имели. В городе спокойно. — № 14.

Донесение Любимова Белецкому 5 октября 1913 г.

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Имею честь доложить вашему превосходительству, что по выяснившимся обстоятельствам окончание процесса ожидается не ранее 23—25 октября. Сегодня одиннадцатый день разбора, а не допрошено из 219 человек свидетелей еще 99. Будут свидетели вроде Красовского и Бразуль-Брушковского, которых суд будет допрашивать втечение

целого дня. Не менее 4—5 дней займет экспертиза, потом еще раз суд выедет на завод Зайцева. Речи сторон тоже займут не менее 3 дней. Одно резюме председателя будет продолжаться свыше 6 часов.

Несмотря на все старания защиты убедить присяжных в невиновности Бейлиса, тот или другой из заседателей по временам задают через председателя свидетелям такие серьезные вопросы, что защите приходится сомневаться в оправдательном приговоре. Видно, что присяжные, хотя и сплошь из крестьян, но уже достаточно усвоили суть дела. Один из присяжных втечение нескольких дней задавал вопросы о том, почему работавший на заводе шорник еврей, будучи уволен, оставил там свои инструменты. Оставленные им швайки отобраны при обыске полицией и приобщены в качестве вещественных доказательств. Другие швайки были найдены Мищуком. Но ни те, ни другие швайки не могли быть орудием убийства Ющинского, и теперь благодаря расспросам присяжного начинает разъясняться, что швайки на заводе были оставлены для того, чтобы сбить и запутать следственную власть. По циркулирующим в суде слухам 4 присяжных заседателя за Бейлиса и 8 — против него. Насколько это верно, сказать трудно; во всяком случае, пока, до речей защиты, предсказывать ничего не представляется возможным. Председатель умело направляет внимание присяжных на детали обвинения и незаметно, но неукоснительно наставляет на правильный путь запутавшихся свидетелей, выручая их от обстрела защитников. Отношения его с прокурором наладились; по крайней мере, прокурор на спокойное и дельное замечание председателя не отвечает резкостями. Защитников председатель нервирует, и они стараются теперь ловить уже не столько прокурора, сколько его самого. По слухам, среди защитников возникла даже мысль постараться найти способы заменить председателя суда другим лицом, так как при нем надежды нет на оправдательный приговор.

Разнеслись также слухи, что присяжных хотят отравить, но все это относится к области фантазии. Известно одно только, что защитники с разных сторон получают письменные и телеграфные приветствия. Грузенберг, кажется, получил приветствие от Московского земства. Маклаков получил букет цветов и, как он сам говорил, исключительно за свое молчание. Действительно, его или нет в зале суда или он открыто читает какой-то роман. Пока он говорил всего два или три раза. Один раз он просил предложить свидетелю, бывшему агенту сыскной полиции Полещуку вопрос, — чем он занимается, и ответ последнего, что он состоит на правительственной конспиративной службе, просил занести в протокол.

Полещук, служащий ныне где-то в жандармском управлении, произвел на суде не совсем благоприятное впечатление, во-первых,

потому, что всю вину сваливал на Красовского, в том числе, обвинял его в отравлении детей Веры Чеберяк, что едва ли правда, так как возможно, что их отравила и сама мать, а это, по отзыву компетентного лица, более чем возможно и, во-вторых, потому, что после предъявления Полещука нескольким свидетелям на другой день он явился в суд сбрив бороду, на что обратили внимание не только защитники, но и вся публика. А этот свидетель был один из немногих — достоверных со стороны обвинения.

В то время, когда защитники получают приветствия, Замысловский, Шмаков и Пранайтис получают ругательные письма, особых угроз пока им не предъявлялось. Пранайтис до 5-го октября получил три письма из России, Англии и Германии, фотографии с коих, снятые секретно с любезного разрешения Пранайтиса, при сем представлены. Особенно интересным представляется письмо из Англии (№ 3), повидимому, из масонской организации. В конверте оказались только два листика чистой почтовой бумаги, значение которых якобы таково: пусть Пранайтис сам себе напишет на них тот или иной ответ. Конверт запечатан двумя печатями из красного и черного сургуча. Рисунок на печати мне обещали разъяснить по приезде в Петербург; это печать не родового герба, а кажется, масонской организации «Жнецов», но это только предположения, разъяснить которые я смогу по приезде в Петербург.

Венедикт Антонович Дьяченко, зная, что я отправляю вашему превосходительству фотографии с писем Пранайтиса, просил меня препроводить вместе и письмо с газетной вырезкой, полученное Шмаковым, каковых писем Шмаков получает по несколько экземпляров.

И. д. чиновника особых поручений П. Любимов.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 6 октября 1913 г.

Допрошено 13 несущественных свидетелей. Версия о двух евреях, приехавших к Бейлису, поколеблена. Вышемирский, со слов мужа неразысканной Равич, показал, что последняя видела труп Ющинского, завернутый в ковер в квартире Чеберяк; перекрестными допросами выяснена лживость показаний; работы на заводе Зайцева начались после 12 марта. Виппер жалуется на упадок сил, безуспешно хлопочет об ускорении процесса. По серьезной агентуре, несколько тысяч чернорабочих и безработных подготовляют погром евреев; в принципе погром решен, только не назначено время, ведется погромная пропаганда с целью присоединения сочувствующих мелких домовладельцев. В городе наружно спокойно.— № 15.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 7 октября 1913 г.

Допрошено 14. Защита доказывала, что работы на заводе начались 4 марта. Свидетели установили начало больших работ после 12 марта. Значительная вывозка кирпича производилась с четвертого из нижней печи, откуда верхней печи не видно, где предполагается убийство. Свидетель Петров удостоверил подкуп Бразуля и Выгранова с целью устранить подозрение на Бейлиса и подтвердил показание о сорока тысячах, предложенных Чеберяк в Харькове. Акацатов удостоверил следы,—показывают труп Ющинского, принесен с завода Зайцева. Замысловский, вопреки мнению прокуроров, желает привода Караева. В городе спокойно.—№ 16.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 8 октября 1913 г.

Допрошен Бразуль-Брушковский, поддерживающий версию убийства Ющинского ворами в сообществе с Чеберяк; перекрестными вопросами поколеблена достоверность показания. Начат допрос Марголина, отрицавшего факт предложения Чеберяк сорока тысяч. Страсти улеглись, заседания идут нормально. Ввиду получения Пранайтисом угрожающих писем, просил полицеймейстера принять меры. Голубев мне заявил, что союзники беспорядков не устроят, по окончании дела отслужат панихиду на могиле, пошлют адрес государю с просьбой выселить евреев из Киева. В городе спокойно.—№ 17.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 9 октября 1913 г.

Допрошен один Красовский, энергично поддерживавший версию убийства Ющинского шайкой воров при соучастии и на квартире Чеберяк. Хотя перекрестными вопросами выяснены некоторые противоречия и логические несоответствия, все же показания Красовского имеют серьезное значение, могут поколебать обвинение, если указанные им свидетели подтвердят его показания. Сегодня Чаплинский получил письмо якобы от имени летучего боевого отряда эсеров, в котором в связи с делом Бейлиса Чаплинский, Шмаков, Замысловский приговорены к смерти безусловно, Виппер—в случае поддержки обвинения. Согласно моей просьбе полицеймейстер организовал охрану этих лиц. Письмо без партийной печати; повидимому, серьезного значения не имеет. В городе спокойно.—№ 18.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 10 октября 1913 г.

Закончен допрос Красовского, сестер Дьяконовых. Допросами последних значительно ослаблено впечатление показаний Красовского. Дьяконовы, главнейшие свидетельницы версии убийства

Ющинского шайкой воров, дали показания, мало заслуживающие доверия, сославшись на рассказ неизвестного в маске и на собственные сновидения. Дьяконовы, хотя признали кусок наволочки, найденный в кармане Ющинского, принадлежащим Чеберяковой, но до предъявления описали приметы наволочки неправильно. Красовский после допроса заявил, что в его квартире чинами полиции сейчас производится обыск, намекая на месть полиции; по моей просьбе произведенное расследование показало, что обыска не было, только полицейский надзиратель проверял по домовой книге жильцов дома, где живет Красовский. Среди простого народа усиливается интерес к исходу процесса. Говорят, что народ, подозревая подкуп, собирается бить евреев [1]) судей, если Бейлиса оправдают. — № 19.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 11 октября 1913 г.

Закончен допрос Дьяконовых. Выяснилось, что они состояли сотрудницами подполковника Иванова, получая за сведения на трамвай по пяти рублей. Допрошено шесть свидетелей. Центральной фигурой дня был Сергей Махалин, удостоверивший факт сознания ему Сингаевского в убийстве Ющинского, что легло в основание версии, выдвинутой Бразуль-Брушковским. Махалин в общем умело, логично доказывал, что Ющинский убит тремя ворами в квартире Чеберяк. Показания Махалина в связи с показаниями Красовского нанесли серьезный удар обвинению; перекрестный допрос был безрезультатен, только выяснилось революционное прошлое Махалина. Председатель Болдырев, прокуратура, Замысловский убеждены, что Махалин был сотрудником подполковника Иванова. Раздраженный Замысловский требует, чтобы Махалин был на суде разоблачен Ивановым в недобросовестном сотрудничестве, заявляет мне, что если дело провалится, он с думской кафедры будет обвинять охранное отделение в провале дела, подполковника Иванова в провокации, подкупе. Ходатайствую телеграфировать мне сведения о сотрудничестве Махалина, иначе затрудняюсь действовать. Сегодня получил сведения, что евреи скупают билеты для входа на процесс, предполагают освистать Пранайтиса во время экспертизы. Просил жандармское управление тщательно расследовать; принял по соглашению с председателем соответствующие меры. Председатель, прокуратура часто советуются со мной, просят распоряжений, вынужден проявлять активную деятельность. Не имея инструкций, затрудняюсь действовать, дабы не итти вразрез с желаниями министерства. На № 1200 докладываю: прокурор па-

[1]) Вероятно, пропущена буква «и». — (Прим. в подлиннике).

латы мне заявил, что нужда в приводе сосланного в Иркутскую губернию Бориса Андроникова Рудзинского теперь миновала. — № 20.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 12 октября 1913 г.

Оглашено показание неявившегося Караева и письмо Феофилактова, опорочивающее Караева. Допрошено пять второстепенных свидетелей. Малицкая, жившая под квартирой Чеберяк, удостоверила, что 12 марта слышала в квартире Чеберяк детский заглушенный крик, возню, топот взрослых. Замысловский успокоился. Не говоря Замысловскому о деятельности Махалина, удалось уговорить его отказаться от требования разоблачения подполковником Ивановым. По агентуре, среди студентов сильное брожение в связи с делом Бейлиса, подготовляется манифестация в день произнесения обвинительной речи. — № 21.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 13 октября 1913 г.

Закончен допрос надзирателя Кириченко, подтвердившего версию Бразуль-Брушковского. Допрошено 12 несущественных свидетелей. Сингаевский, не сознаваясь в убийстве, признал знакомство с Махалиным, подтвердил некоторые подробности его показаний. Рудзинский также не сознавался в убийстве. Среди публики идут разговоры о несомненном оправдании Бейлиса. Завтра предполагается допрос свидетелей закончить. На № 396 докладываю: в жандармском управлении имеются достоверные сведения, что Махалин, Красовский, Бразуль за розыск получали от евреев большие денежные вознаграждения. Эти сведения подполковником Ивановым будут оглашены на суде. Прокуратура и Замысловский вполне удовлетворены и сегодня благодарили меня за содействие, признавая, что разоблачение Махалина в сотрудничестве в охранном отделении вредно отразится на интересах розыска и вызовет нежелательные нарекания. Я по соглашению с полковником Шредель решил не разоблачать сотрудничества Махалина и пока держать это в тайне. Чаплинский и Кривенко передали мне слух: Александр Александрович Макаров и Игнатий Михайлович Золотарев все время были против постановки на суде дела Бейлиса, рекомендовали чинам полиции и жандармам не оказывать содействия судебному ведомству, почему Иванов будто бы умышленно своими агентами направлял следствие на ложный путь, вследствие чего принимаю все меры, чтобы не вышло конфликта. Сегодня «Двуглавый орел» перепечатал из «Казанского телеграфа» статью «Слышишь, русская земля» и выпустил летучки с призывом беспощадной борьбы

с евреями. Ввиду напряженной атмосферы среди населения Киева полковник Шредель вчера предупреждал Флоринского о нежелательности перепечатки, однако статья появилась, а конфискация летучек состоялась слишком поздно. Голубев, Розмитальский, Шмаков обещали мне принять все меры к успокоению союзников. Меры против возникновения беспорядков приняты. Охрана суда усилена. В городе спокойно. — № 22.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 14 октября 1913 г.

Центральной фигурой дня был подполковник Иванов, давший корректные, ценные для обвинения показания. Иванов удостоверил, что Бразуль, Махалин, Караев за розыски получали денежные вознаграждения. Его правдивые показания имеют серьезное значение для дела, поднимая шансы обвинения, развенчивая бескорыстие добровольных сыщиков. Замысловский, прокуратура очень довольны показаниями Иванова, заявили мне полное свое удовлетворение. Деятельность Махалина в охранном отделении не разоблачена, вопрос об Иванове признаю исчерпанным. Замысловский после допроса Иванова просил удостоверить вызов Иванова защитой. Грузенберг, надеявшийся, что Иванов даст показания в пользу защиты, заявил суду, что свидетелей защиты и обвинения нет, а есть свидетели честные и бесчестные. Председатель сделал Грузенбергу выговор, возбуждает дисциплинарное производство. Задетый Иванов доложил Шределю, который просил выписки протокола для донесения начальству; решено до окончания процесса вопрос об инциденте не поднимать. Допрос свидетелей закончен, вообще улики против Бейлиса очень слабы, но обвинение поставлено прилично; серый состав присяжных может обвинить ввиду племенной вражды. — № 24.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 14 октября 1913 г.

Сегодня оглашались протоколы осмотров вскрытия, инцидентов не было; ходатайствую разъяснить, следует ли мне каждодневно доносить о выводах экспертизы, прениях сторон. Ввиду нераспорядительности председателя процесс идет крайне медленно, все жалуются на утомление, четверо присяжных просятся домой. — № 25.

Донесение Любимова Белецкому 16 октября 1913 г.

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 14 сего октября окончен допрос всех свидетелей. Один из последних допраши-

вался жандармский подполковник Иванов, выдержанные и продуманные показания которого в значительной степени укрепили несколько пошатнувшееся положение обвинения. Чрезвычайно сильное впечатление на присяжных заседателей произвели слова подполковника Иванова о том, что все лица, усиленно сбивавшие следственную власть на сторону виновности в убийстве Ющинского воровской шайки, т.-е. Бразуль-Брушковский, Красовский, Махалин и др., работали по розыскам не бескорыстно и не за свой счет, а получая определенное вознаграждение, источник которого он, Иванов, в силу служебного долга, открыть не считает себя вправе.

При словах о получении денег все заседатели, как один человек, повернулись в сторону Красовского, который сидел крайне смущенным. Только за день перед этим Красовский показал на суде под присягой, что он работает по розыскам по делу Ющинского после увольнения со службы совершенно бескорыстно с единственной целью реабилитировать себя и доказать правильность своего предположения о виновности Веры Чеберяк. Показаниям и личности Красовского посвящен целый номер «Киевской мысли», — в этой газете он превозносится, как честная и светлая личность.

На суде с Красовским в конце дачи им показаний произошел следующий случай. После перерыва на завтрак Красовский заявил председателю, что он не может спокойно давать показаний, так как сейчас узнал, что в момент дачи им показаний к нему на квартиру явилась полиция и производит дознание, на какие средства он живет. Подобное заявление, оказавшееся ложным, было рассчитано на известный эффект, получалось впечатление, что полиция его преследует. По сообщению полицеймейстера на имя В. А. Дьяченко, никто из чинов полиции к Красовскому не являлся и никакого дознания не производил. Мне удалось узнать, что и являться к Красовскому было незачем, так как всем в Киеве известно, что за розыски по делу Ющинского Красовский получил солидную сумму, купил на эти деньги дом, записав его на имя своей тещи. Теща, недолюбливая Красовского, дом продала, а деньги взяла себе. Рассказывали, что она очень хотела быть вызванной на суд в качестве свидетельницы и хотела «расписать своего зятя». Живет Красовский, по слухам, тем, что «рвет зубы у арапов», т.-е. выслеживает в клубах крупных шулеров и, под угрозой разоблачений, требует себе значительную долю выигрыша; играет также, по слухам, и сам. Живет, во всяком случае, не бедно, так как, по слухам, за квартиру платит 1 800 рублей в год. Держит себя Красовский в суде независимо, чувствует себя если не героем, то за участь свою, видимо, не опасается: евреи прокормят. Но в глазах присяжных

заседателей показаниями подполковника Иванова он достаточно обрисован.

Прокурору и Замысловскому очень хотелось также провалить на суде и другого свидетеля из той же компании — Махалина, которому оба они задавали несколько раз вопрос, не состоял ли он сотрудником охранного отделения. Но Махалин, зная, что его подполковник Иванов не провалит по инструкции, твердо отвечал, что к охранному отделению никогда не принадлежал. Вообще показания подполковника Иванова были верхом совершенства; он дал веские и существенные данные для обвинения, не сказав ничего ненужного и слово «охранное отделение» ни разу не сорвалось с его уст. После показаний подполковника Иванова можно с уверенностью сказать, что все труды Красовского и компании освободить Бейлиса тем, что в дело будет впутана шайка воров с Верой Чеберяк во главе, пошли прахом.

Удастся ли оправдать Бейлиса, сказать пока не представляется возможным. По слухам, у защитников было продолжительное совещание на тему, что противопоставить версии о ритуале, и, кажется, они не смогли притти ни к чему определенному. Самый плохой исход для защитников будет, если присяжные, признав в деле Ющинского наличность ритуала, признают участие Бейлиса недоказанным. Кассировать дело в случае оправдания Бейлиса не представится возможным, легенда же об употреблении крови получит официальное признание. Для евреев же и их защитников сам Бейлис, так таковой, совершенно неинтересен, и за защиту только его одного не стали бы назначать Грузенбергу 30 000 рублей, а Карабчевскому 25 000 рублей и по 100 000 рублей каждому в случае полного оправдания евреев в кровавом навете.

Вид Ющинского, насколько можно представить по представляемой при сем фотографии, должен наводить на серьезные размышления. Означенный снимок получен Венедиктом Антоновичем, и он просил меня представить таковой вашему превосходительству для обозрения. Вместе с сим позволяю себе представить в подлиннике одну из рапортичек киевского полицеймейстера на имя В. А. Дьяченко от 11-го сего октября и летучий листок из конфискованной газеты «Двуглавый орел». Листок этот тоже был конфискован по распоряжению губернатора. Страсти, видимо, разгораются, можно ожидать эксцессов как с той, так и с другой стороны. Разнеслись слухи, что евреи усиленно скупают билеты, платя даже по 300 рублей, с целью устроить скандал ксендзу Пранайтису в день его выступления в суде, но траты их на приобретение билетов оказались напрасными: с 14-го октября билеты для публики заменены другими, и передача билетов от одного лица другому стала затруднительной, так как билеты те-

перь выданы одному определенному лицу, и в зал пускают очень ограниченное число лиц, ввиду чего контингент публики заметно о б р у с е л, — до этого же в зале заседаний присутствовали почти исключительно евреи, и притом каждый день появлялись все новые лица. Особенно отличались корреспонденты левых газет на хорах; там оказалось, при случайной проверке, что больше половины лиц не имело билетов.

В городе спокойно, кроме неудавшихся попыток устроить забастовку в знак сочувствия Бейлису, с одной стороны, и выражения пожеланий, чтобы Бейлис был осужден — с другой, никаких особых эксцессов не было. Патрули попрежнему разъезжают по городу, в особенности их много вблизи еврейских кварталов, что заметно успокаивает евреев. Я почти каждый день бываю на Подоле, и подметить какие-либо толки между русскими и беспокойство среди евреев пока не удалось. По имеющимся у полицеймейстера агентурным сведениям, в торговых еврейских кругах циркулируют слухи, что московские и лодзинские фирмы отказывают в высылке товаров в кредит киевским мелким торговцам впредь до окончания процесса Бейлиса.

16-го сего октября в суде давали показания эксперты-медики. Лучшие ответы на все 23 вопроса дал профессор Косоротов, который признал наличность прижизненности почти всех 47-ми ран, сильные страдания и в качестве цели предположил желание обескровить убитого. Профессор Павлов, наоборот, признал, что после первых ран Ющинский потерял сознание и не испытывал мучений, при нанесении ран преследовалась одна цель — убить, никакого желания выточить кровь не было. Профессор Кадьян согласился с Косоротовым только по 6—7 пунктам, по всем же остальным он примкнул к профессору Павлову. На присяжных заседателей, кажется, большое впечатление произвело заключение Косоротова, данное в простой и понятной форме. Павлов несколько рисовался и по делу Ющинского позволил себе сказать, что это «Вавилонская башня, крыть крышу на которой будет суд». Фразу эту левая печать, конечно, разнесет по всему миру. Экспертиза медиков еще не закончена и будет продолжаться завтра весь день. Процесс затягивается и, вероятно, окончится не раньше 25—26 октября.

Сегодня, во время перерыва, когда мы с Венедиктом Антоновичем стояли в коридоре, к нам подошел приеяжный поверенный Грузенберг и сказал, что ему передали, будто жандармский подполковник Иванов принял на свой счет сказанную им, Грузенбергом, при допросе Иванова фразу: «Есть свидетели честные и бесчестные». Присяжный поверенный Грузенберг просил Венедикта Антоновича передать подполковнику Иванову, что эта фраза не могла относиться к нему,

и он, Грузенберг, согласен даже дать нравственное удовлетворение Иванову, если он пришлет к нему на квартиру уполномоченное лицо; Грузенберг надеется, что, обменявшись письмами, инцидент будет улажен. Венедикт Антонович сказал, что, насколько он знает, подполковник Иванов этой фразы на свой счет не принимал. В действительности, как передавал мне Венедикт Антонович, Иванов был несколько обижен, но после разговоров с Венедиктом Антоновичем решил не придавать словам Грузенберга никакого значения.

И. д. чиновника особых поручений Любимов.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 17 октября 1913 г.

Допрошенные четыре эксперта профессора дали противоречивые заключения об обескровлении трупа, степени мучений. В общем— медицинская экспертиза не в пользу обвинения. Завтра передопрос экспертов. Прокуратура, суд возмущаются экспертизой профессора Павлова, явно пристрастной в пользу защиты. В городе порядок не нарушался. — № 26.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 17 октября 1913 г.

Профессор Косоротов сегодня сделал существенные возражения Кадьяну и Павлову, значительно поколебав их заключения. Прокуратура находит точки опоры, полагает, что обвинение окрепло. Присяжным, повидимому, трудно ориентироваться в противоречивых выводах экспертов. Вечернего заседания нет ввиду совещания экспертов-психиатров. В городе тихо. — Дьяченко.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 19 октября 1913 г.

Экспертиза Сикорского дала богатый материал обвинению, Бехтерев, Карпинский дали заключение в пользу защиты. Ввиду противоречивых выводов экспертов впечатление получилось неопределенное, хотя прокуратура находит, что выводы обвинительного акта подтвердились и шансы обвинения возросли. Публика считает обвинение пошатнувшимся. Многие возмущаются некорректным поведением профессора Павлова, резко защищающего интересы защиты, постоянно вращающегося в обществе евреев. Жандармы, охраняющие присяжных, передают, что присяжные между собою говорят: «Як судить Бейлиса, колы разговоров на суде о нем нема?». По агентуре, представители высших учебных заведений образовали коалиционный

совет, агитирующий за демонстративные выступления ко времени произнесения обвинительной речи; мелкая буржуазия попрежнему раздражена против евреев за их вторжение в расследование убийства. Виппер получил угрожающее письмо с китайской петлей, переданное мною полковнику Шределю.— № 27.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 20 октября 1913 г.

Сегодня суд огласил некоторые документы по богословским вопросам, поставил вопросы экспертам. При горячих протестах прокурора и гражданских истцов, суд согласно желанию защиты отказал в оглашении Саратовского процесса и других. По мнению раздраженных Чаплинского, Виппера и гражданских истцов, председатель нарушил существенные интересы обвинения. Создался конфликт. Болдырев мне сообщил, что суд отказал в оглашении присланных из Петербурга дел ввиду крайнего утомления присяжных, которые начинают дремать при чтении даже кратких документов. Экспертиза Сикорского, по сообщению жандармов, произвела на присяжных сильное впечатление, убедив их в существовании ритуальных убийств. Простой народ, читая экспертизу Сикорского, высказывает большую ненависть к евреям, угрожая погромом.— № 28.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 21 октября 1913 г.

Допрашивался Пранайтис, подтвердивший показания обвинительного акта. Экспертиза Пранайтиса продолжится завтра; в общем, экспертиза имеет ценное значение для обвинения. Виппер и гражданские истцы довольны. Конфликт прокуратуры и гражданских истцов с председателем улаживается, так как стороны широко пользуются предоставленным судом правом спрашивать экспертов по обстоятельствам Саратовского дела. Инцидентов в заседании не было. В городе спокойно.— № 29.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 22 октября 1913 г.

Перекрестный допрос Пранайтиса уменьшил силу доказательности аргументаций его экспертизы, обнаружив незнание текстов, недостаточное знакомство с еврейской литературой; ввиду диллетантских знаний и [не] находчивости экспертиза Пранайтиса имеет весьма малое значение. Допрошенные сегодня профессора Троицкий и Коковцов дали заключение, исключительно благоприятное для защиты, восхваляя догматы еврейской религии, не допуская даже воз-

можности совершения ими религиозных убийств. Присяжные заседатели, утомленные богословскими диспутами, публично просили председателя сократить экспертизу, но защита протестует. Виппер допускает возможность оправдательного приговора. Ночью двое неизвестных, выбив палкой стекла в окне дома еврея Зайцева, скрылись. Полицеймейстер усилил уличное наблюдение чинами полиции, предложил домовладельцам-евреям учредить ночное дежурство дворников. День прошел нормально. — № 30.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 22 октября 1913 г.

Допрошенный профессор Тихомиров также дал заключение, вполне благоприятное защите, исключив возможность убийства евреями с религиозной целью. Раввин Мазе произнес горячую речь в пользу еврейства. Полагаю, что экспертиза усилила защиту, ослабив обвинение. Завтра начнутся прения сторон. День прошел без инцидентов. В городе спокойно. — № 31.

Донесение Любимова Белецкому 23 октября 1913 г.

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Имею честь доложить вашему превосходительству, что продолжавшийся более недели допрос экспертов окончился в 1-м часу ночи на 23 сего октября, и с 1 часу дня должен начать свою речь прокурор. Когда приступлено было к допросу духовных экспертов, то получилось впечатление скомканности процесса. В то время, как эксперты медики и психиатры по нескольку часов говорили о сравнительно неважных вещах, — академик Коковцов должен был закончить всю свою речь о талмуде, каббале и ритуале втечение часа. Евреи комментировали это в свою пользу, говоря, что из Петербурга пришли директивы не настаивать на ритуале и скорее кончать процесс. В действительности же, как мне кажется, торопливость председателя объясняется чрезмерным переутомлением присяжных заседателей, так как было уже несколько случаев оказания медицинской помощи некоторым из них. Кроме этого, сокращены рамки экспертизы также и потому, что никто из присяжных заседателей не в силах уразуметь и десятой доли тонкостей научной экспертизы. Это сильно нервирует защитников, так как гастроли научных светил оказались почти бесполезными — не на такой состав присяжных рассчитывали евреи. Экспертиза Пранайтиса, к великому удовольствию евреев, также не произвела значительного впечатления. Провалу его много способствовали прокурор и Шмаков. Первый вообще не умел ставить вопросов и сильно волну-

ется, а последний заставил Пранайтиса или молчать или отвечать незнанием, потому что, выискав в библии сомнительные и, как ему казалось, кощунственные места, просил Пранайтиса эти места подтвердить. О. Пранайтис, как лицо духовное, не считал себя вправе подрывать авторитет библии, как книги священной, и поэтому молчал. Евреи выставили поэтому его, как эксперта несведущего и не могущего дать ответов на самые, казалось, простые вопросы. Хотя вся экспертиза, и медицинская и духовная, оказалась не в пользу обвинения, у присяжных заседателей, — я лично в том убежден,— уже составилось твердое представление о том, что убийство Ющинского носит все признаки ритуала. Защитники Бейлиса хорошо это знают и поэтому сильно нервничают, так как не уверены, удастся ли им сгладить впечатление. Подвел защитников и сам Бейлис, с которым сделалось дурно именно в тот самый момент, когда профессор Кадьян рисовал картину убийства Ющинского. Что Бейлис виновен в убийстве, я тоже лично убедился потому, что, не спуская с него глаз и следя за каждым движением его лица, я пришел к заключению, что так зорко вглядываться и чутко, временами, прислушиваться не может тот, кто к делу непричастен. Кроме того, вывожу свое заключение еще и из того, что защитники особенно настаивали на свидании с Бейлисом с глазу на глаз. Если бы Бейлис был абсолютно невиновен, то защита демонстративно бы отказалась от всяких с ним свиданий наедине, заявив, что им и Бейлису нечего скрывать. Этого адвокаты безусловно бы не пропустили и впечатление было бы громадным, они же, напротив, усиленно отстаивали свое право свиданий только с глазу на глаз, и это не могло не оставить известного осадка. О виновности Бейлиса можно еще судить и по той нервности, которую проявляет защита в особо опасные моменты. Грузенберг начинает выходить из себя и то и дело отдает распоряжения: «Маклаков, вставайте,—Карабчевский, говорите». Маклаков безропотно подчиняется, Карабчевский же иногда пробует протестовать, не выходя однако из повиновения. Все защитники стараются только об одном — набрать про запас как можно больше кассационных поводов. Эта тактика, чересчур бросающаяся в глаза, тоже говорит не в пользу Бейлиса, хотя о нем сейчас все позабыли. Идет сейчас не суд над безвестным дотоле евреем, а генеральное сражение между всемирным еврейством и русским правительством. Это ясно было для всех. Сейчас воочию ясно, как умеет организовать свои силы всесильное еврейство и как неприспособлена для серьезной борьбы с евреями русская власть. Тактика евреев сейчас развернулась во-всю,— видно стремление побить нас своим же собственным оружием, натравив «лучшую» часть русского общества на так называемые «отбросы». Все светила и адвокатуры, и литературы, медицины и науки — на

стороне уже успевшего обработать их еврейства, против стоит еще незатронутая еврейским просвещением душа простолюдинов. Они скажут свое неподкупное слово, и это слово будет судом божиим над еврейством. Я лично верю, что приговор будет не в пользу евреев.

И. д. чиновника особых поручений П. Любимов.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 24 октября 1913 г.

Сегодня целый день говорил Виппер. Вначале речь была сказана с большим подъемом, страстностью и произвела большое впечатление. Вечером ввиду утомления говорил менее убедительно; главный недостаток речи — очень кратко, бледно обрисована деятельность Бейлиса. По агентуре, кадеты-либералы по окончании процесса решили устроить защитникам многолюдный банкет в общественном собрании, возможно предполагать произнесение речей крайне оппозиционного характера. В городе спокойно. — № 31.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 25 октября 1913 г.

Замысловский произнес корректную, прекрасно обоснованную фактическим материалом речь, исправившую недочеты речи Виппера, произведшую большое впечатление на публику и присяжных, из которых некоторые прослезились. Даже левые, Грузенберг хвалят речь Замысловского, которая, полагаю, значительно подняла шансы обвинения. Вечером начал говорить бессистемно, скучно Шмаков. По агентуре, ввиду советов Короленко, оппозиционные партии решили воздержаться от всяких выступлений, выгодных для реакции, могущих окончиться побоищем и ослабить накопившиеся оппозиционные силы. Заметно, что евреи вновь ведут себя нахально. В городе спокойно. — № 33.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 26 октября 1913 г.

Шмаков закончил свою речь, очень дельную только в отношении ритуала. Маклаков произнес талантливую, красивую по форме, речь, обвиняя в убийстве воров в квартире Чеберяк. Вечером начал говорить Грузенберг с большим подъемом, доказывая убийство ворами. Речь красивая, но с передержками фактов. Грузенберг представил полиции три угрожающих письма. В целях беспристрастия рекомендовал полицеймейстеру охранять, что исполнено. Еврейское население продолжает не посещать увеселительные места. Банки и торговые фирмы работают слабее прошлого года, жалуясь на отсутствие прилива денег. В городе спокойно. На № 1295: сведения неверны.—№ 34.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 27 октября 1913 г.

Окончание речи Грузенберга не произвело большого впечатления ввиду явной пристрастности. Речь Зарудного, доказывавшего только отсутствие у евреев ритуальных убийств, была корректна и своей убежденностью произвела впечатление. Талантливая и блестящая по форме речь Карабчевского, обвинявшего в убийстве воров и Чеберячку, несомненно, своей горячностью произвела благоприятное для защиты впечатление, хотя прокуратура находит, что речь Карабчевского бедна по содержанию. Виппер, возражая по существу, разгорячился и произнес несколько фраз, могущих разжечь племенную вражду, сказав, между прочим, что евреи погубят Россию. Многие порицают Виппера. Завтра предполагают закончить дело. В понедельник утром предполагаю выехать. Порядок не нарушался. — № 35.

Телеграмма Дьяченко Белецкому 27 октября 1913 г.

В течение дня продолжались возражения сторон, оставившие впечатление, более благоприятное для защиты. Порядок нигде не нарушался. хотя настроение в городе напряженное. Многие евреи выезжают. Получены сведения, что из Гомеля выехала партия еврейской молодежи, вооруженная револьверами, для защиты евреев от погрома. Меры предупреждения беспорядков приняты. Предполагавшаяся завтра панихида на могиле Ющинского не состоится. Завтра днем приговор. — № 36.

Срочная телеграмма Дьяченко Белецкому 28 октября 1913 г.

Вердиктом признано, что убийство совершено на заводе Зайцева. Бейлис оправдан. — № 37.

Дьяченко.

Доклад Любимова Белецкому 21 ноября 1913 г.

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

С 24 сентября по 28 октября сего 1913 года в киевском окружном суде разбиралось дело об убийстве ученика Киево-софийского духовного училища Андрея Ющинского. В качестве обвиняемого был привлечен еврей, мещанин г. Василькова, Киевской губернии, Менахиль-Мендель Тевьев Бейлис, 39 лет, который обвинялся в том, что по предварительному соглашению с другими, не обнаруженными следствием лицами, с обдуманным заранее намерением, из побуждений религиозного изуверства, для обрядовых целей лишить жизни мальчика Андрея Ющинского, 12 лет, 12 марта 1911 года, в городе

Киеве, в расположенной по Верхне-юрковской улице усадьбе кирпичного завода Зайцева, схватил игравшего там с другими детьми названного Ющинского и увлек его в помещение завода, где затем сообщники его, Бейлиса, с ведома его и согласия, связали Ющинскому руки и, зажимая ему рот, умертвили его, нанеся ему колющим орудием 47 ран на голове, шее и туловище, причинив поранения мозговой вены, шейных вен и артерий, печени, правой почки, легких и сердца, каковые повреждения, сопровождаясь тяжкими и продолжительными страданиями, вызвали почти обескровление тела Ющинского, то-есть в преступлении, предусмотренном 13 и 2 пп. 1453 ст. уложения о наказаниях. Такова сущность обвинения.

В качестве свидетелей было вызвано 219 человек, из коих не явилось 35. В числе неявившихся был бывший начальник киевского сыскного отделения Мищук, не разысканный, как значилось в отзыве полиции, несмотря на все принятые меры. Между тем, Мищук совершенно открыто проживал в Петербурге и скрылся в Финляндию в тот момент, когда в газетах появились слухи, что он, как важный свидетель, должен быть доставлен приводом. По слухам, Мищук не пожелал явиться в суд потому, что опасался ареста для приведения над ним в исполнение вошедшего в законную силу приговора по обвинению его в подлоге вещественных доказательств по делу Ющинского. Приговором харьковской судебной палаты Мищук по этому делу осужден на один год в арестантские отделения. Насколько он виновен в подлоге, без ознакомления с самим делом сказать не представляется возможным. Оправдание его киевской судебной палатой дает основание предполагать, что слухи о том, что Мищук пал жертвой мести и провокации со стороны Красовского, имеют некоторую долю вероятия. Ни для кого из бывших служащих киевского охранного отделения не было секретом, что Мищук и Красовский не столько производили розыски по делу Ющинского, сколько сводили свои счеты, арестуя агентов друг друга, проваливая наблюдение, путая и запугивая свидетелей и т. п. Не явился в суд и другой важный свидетель, тоже чин полиции, сотрудник Красовского — Выгранов, как заявил судебный пристав, севший в почтовую карету утром в день открытия заседания и уехавший неизвестно куда, за что и был оштрафован судом в 100 рублей. Бегство Выгранова крайне знаменательно, и терять его из вида, в случае новых розысков по делу, не представляется возможным.

Кроме свидетелей, были вызваны тринадцать экспертов — представители судебной медицины, хирурги, психиатры, гебраисты и богословы. За версию ритуальности убийства говорили профессор Сикорский и курат Туркестанского края, магистр богословия Пранай-

тис. Против этой версии говорили лейб-хирург Павлов, профессор Кадьян, психиатры Бехтерев и Карпинский, гебраисты Троицкий, Коковцов, Тихомиров и московский казенный раввин Мазе.

Наиболее беспристрастные показания из экспертов защиты дали Кадьян и Коковцов. Показания же Бехтерева и Павлова были если не тенденциозны, то крайне непонятны. Бехтерев, например, заявил, что рубашка на Ющинском могла подняться сама от конвульсивных движений Ющинского, между тем последнего убивали, судя по потекам крови, в стоячем положении. Павлов пошел далее и заявил, что уколы, нанесенные Ющинскому, он считает забавными [1]) и малоболезненными. Коковцов и Троицкий не допускали возможности ритуала только потому, что никаких указаний в исследуемых ими книгах они не находили. Они по-своему правы, так как хорошо знают мертвый еврейский язык, но никогда не имели возможности встречаться с живым еврейским народом, в его темной массе, где всегда гнездились и ненависть к гоям и фанатизм. Лучшим знатоком этих масс является ксендз Пранайтис, литовец по происхождению, поляк по образованию, житель черты еврейской оседлости и человек по душе и складу ума более русский, чем Павлов, Бехтерев, Карабчевский, Красовский и другие столь же покорные слуги евреев. Кое-кто из них еще стыдится этой службы, но Карабчевский, краса и гордость русской адвокатуры, уже открыто, в публичном судебном заседании, во всеуслышание заявил, что он горд тем, что служит еврейству и впредь обязуется также служить. Маклаков был более осторожен, он отгородил себя от той заведомой лжи, которую призваны были распространять по указке невидимого еврейского перста на суде адвокаты, он осудил те приемы провокации и сыска, которыми его товарищи по защите, более бесталанные, чем он, уже искушенный опытом, вынуждены были не только пользоваться, но и защищать. Вот подлинные его слова, сказанные на суде: «Здесь, на этом процессе, обнаружилось много поучительного. Тут обнаружилось, как беспомощна наша власть, наша полиция, когда она начинает раскрывать такое сложное преступление. Вещь, действительно, странная: приходят к пещере. Каждый след нам дорог, и что же? Городовые расчищают вход в пещеру, чтобы туда было удобнее войти тучному приставу. В этом усмотрен план. Говорят, что это неспроста, что чуть ли не эти городовые действовали по какому-то обдуманному плану. Но, господа, ведь наши городовые взяты от сохи, они занимаются сыском только между прочим, у которых [2]) есть другие обязанности, — для них, конечно, удобство этого

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.

толстого пристава стояло на первом плане. Думать, что это было сделано умышленно, что их научили затереть следы, это — фантазия. Но было нечто другое, более возмутительное, чем беспомощность нашей полиции. Здесь вам рассказывали о первых приемах сыска в этом деле. Подозрение пало на Луку Приходько. Сыскная полиция вызывает Приходько и всех его родных и держит его с утра до вечера. Когда он защищается, грозят и требуют, чтобы он сознался. Когда другие его оправдывают, им говорят: «Вы подкуплены, вы за это ответите». Вот отвратительная, ужасная картина приемов нашего сыска! Когда я слушал этих свидетелей, я думал: «Да, это правда, это наша действительность, это наша матушка Русь». И так всегда поступают в сыскных отделениях. Я очень рад, что прокурор вознегодовал, что он запротоколил это место, что он возмущался насилием над личностью, над человеческим достоинством, над свободой. Я хотел бы только, чтобы это так не окончилось, чтобы он не забыл этого после процесса. Потому что ведь вы знаете, что в этом деле не впервые применяются такие приемы. Разве не всегда так поступают?.. Ведь, когда спрашивали одного из свидетелей: «Если вам грозили, если вас запугивали, почему вы не жаловались?» он отвечал: «Кому жаловаться? Пожалуешься околоточному, даст в ухо, и только». Вот что называется на обывательском языке: «ответственность должностных лиц по начальству». Эти приемы нашего сыска объясняются неуважением к человеку, а еще более высокомерностью. Вот когда на Луку Приходько улик не было, а было только подозрение, то сыскную полицию всякое малейшее данное против этого предположения приводит в негодование. Когда им говорят, что это не так, они говорят, что это ложь. Это простейшие приемы нашего сыска. Горе нам, что они существуют, и, слава богу, если этот процесс послужит нам в пользу, если он вызовет не только минутное негодование прокурора, но навсегда будут осуждены такие приемы. В этом деле была не только беспомощность и неумелость наших официальных расследований».

В стенограмме это место несколько смягчено, — в действительности Маклаков здесь говорил о грубости власти и горе-приемах. Эту часть речи, равно как и многое другое, можно восстановить только по стенографическим записям, хранящимся у Г. Г. Замысловского. Далее Маклаков, осуждая добровольный по сему делу сыск, сказал следующее: «Мы тут с прокурором во многом согласились. Да, эти сыщики-добровольцы появились с разных сторон, и, когда я видел их, то мне было и больно и обидно. Вот один из таких добровольных расследователей — репортер Барщевский, тот самый, который 22 марта явился к следователю и дал ему показание, что мать Ющинского в чем-то виновата, потому что она не плакала, когда явилась к ним

в редакцию. Когда я смотрел на Барщевского, мне было так же неприятно смотреть на него, как и прокурору... Я хотел показать только то дурное последствие этого частного розыска, все то зло, которое злополучному Бейлису, — может быть, из самых лучших намерений, — наделали Барщевский и Брушковский. Все это очень жаль. Если бы от меня зависело, я бы вырвал эту страницу из этого процесса... Но ведь это были только частные расследователи, они мешали, они сбивали власть. Посмотрите же, что делает полиция. Сначала ведет следствие Мищук, потом Красовский. Хороши ли они или нет, — я не знаю, — убежден, что плохи, потому что у нас хорошая сыскная полиция еще не образовалась и не воспиталась. Убежден, что они поступают теми же отвратительными способами, которые существуют...»

Так говорил Маклаков. Говорил, как всегда, красиво и убедительно, забывая лишь об одном, что — хорош лишь не подкупный пафос. Доля правды в его словах все же есть. Действительно, некоторые приемы сыска были не только противозаконными, они были прямо бесчестны, напр., подкрашивание Красовским Луки Приходько и возбуждение против матери убитого базарной толпы, не говоря уже об угрозах и держании впроголодь с утра до вечера втечение нескольких дней в сыскном. Хотя Грузенберг и Карабчевский и признали Красовского гениальным и честным сыщиком, хотя официальный полицейский орган и признал его и Мищука действовавшими в законных пределах, к словам защитника Бейлиса — Маклакова не прислушаться нельзя. Мы, полиция, не в праве упрекать выступавших на суде адвокатов в заведомой неправде. Пусть в квартире Веры Чеберяк не найдено ни капли крови, тем более, что эта квартира не только не сгорела, но даже на ее стенах не переменены обои, пусть ворам, собиравшимся у Чеберяк, не было никакого основания убивать Ющинского, нельзя не сознаться, что эта, хотя и безнадежная, но единственно правдоподобная из всех выдвигавшихся ранее версий обставлена с такой роскошью доказательств, что не позавидовать энергии еврейских дельцов нельзя. Умело подобраны свидетели: что одни видели, — Дьяконовы и Равич своими глазами видели труп убитого, — то другие слышали, — сиделица находящейся [?] винной лавки слышала, как происходило убийство, а парикмахер Швачко удостоверил и то, за что Ющинского убивали.

Было и в е щ е с т в е н н о е д о к а з а т е л ь с т в о — башмаки Ющинского оказались не на ком другом (хотя и по слухам), а на дочери именно Чеберяк. Против нее самой велась настолько серьезная облава, что она уцелела только потому, что сумела перехитрить всех сыщиков и темных еврейских дельцов вроде присяжного поверенного Марголина, не говоря уже о не совсем далеких Бразуле и Яблоновском.

Защитниками Бейлиса, преимущественно закулисными, сделано гораздо больше. Втечение двух лет они следственную власть упорно, всякими способами отводили от завода Зайцева, не останавливаясь даже перед ложными доносами. Стоило следственной власти энергичнее приняться за Бейлиса, как сейчас же на сцену выдвигался сначала Бразуль-Брушковский с новыми, якобы, доказательствами по делу. Пока рассматривалась какая-либо неправдоподобная версия, евреи не тратили даром выигранного времени. Когда Бразуль потерял кредит, приспособили Красовского. Это — добрый гений Бейлиса. Он скоро раскрыл убийство и, раскрыв, показал кому следует, что в его руках есть крупные козыри. Евреи это поняли, хорошо ему заплатили и, если бы не теща, Красовский, пользуясь доходами от купленного на нечестным трудом добытые деньги, мог бы считать себя свободным от еврейских обязательств. Но евреи даром денег не платят. Красовский попал в пожизненную кабалу, и после оправдания Бейлиса ему выпало на долю заметать последние следы — под предлогом собственной реабилитации доказывать виновность Веры Чеберяк.

Поощрять его работу в этом направлении, а тем более чинить ему препятствия едва ли будет целесообразно. Во всяком случае, его нельзя терять из вида. Во-первых, от него можно получить сведения о той роли, какую играла в доме Бейлиса Вера Чеберяк; во-вторых, можно узнать, за что именно платились ему самому евреями деньги и насколько он для них теперь страшен и нужен. А, в-третьих, рано или поздно, — его всетаки придется привлекать, если не по самому делу Ющинского, как Мищука, то за ранее совершенные другие служебные преступления. Есть основание предполагать, что самое помещение на заводе Зайцева сгорело, если не с согласия, то, во всяком случае, не без ведома Красовского.

Когда судебный следователь Фененко приехал осматривать завод Зайцева, то проводником его был Красовский. Он втечение довольно продолжительного времени водил его по всем закоулкам, но в конюшню, где, по предположениям, можно было еще натолкнуться на следы убийства, он следователя не завел. Эта самая конюшня и сгорела за 2—3 дня до того момента, когда она должна была подлежать специальному осмотру. Если удастся установить, что Красовский знал о предполагавшемся осмотре конюшни, то вопрос об его виновности не может подлежать ни малейшему сомнению.

Далее история с молитвенником. При обыске в квартире не то Дубовика, не то Шнеерсона был найден молитвенник, на котором имелось несколько фамилий. Евреи очень всполошились и приложили все усилия к тому, чтобы получить назад этот молитвенник, находившийся очень долгое время на квартире Красовского, что им и удалось.

Какая-то еврейская книга была возвращена судебным следователем Шнеерсону или Дубовику, как не имеющая отношения к делу. Но та ли самая книга была представлена судебному следователю Красовским, сказать утвердительно не представляется возможным.

Для характеристики Красовского важно упомянуть и о том, что в служебных своих докладах по делу Ющинского он допускал неправду. Одно он докладывал генерал-губернатору, а совершенно другое — наблюдавшему за ходом розысков прокурору. В одном случае он говорил, что убийство — безусловно ритуальное, а в другом — это отрицал. Во всяком случае, о роли Красовского не может быть двух мнений.

Совершенно непонятной является роль другого чина полиции, тоже производившего розыск по делу Ющинского — жандармского подполковника Иванова. Прежде всего показалось странным, что он был вызван в суд в качестве свидетеля не со стороны обвинения, а со стороны защиты. Жандарм и евреи — сочетание странное и чуть ли не единственное в летописях русского суда. Вызван был Иванов, кажется, с исключительной целью опорочить показания свидетеля обвинения арестанта Козаченки, нанятого Бейлисом передать письмо жене и отравить свидетелей Фонарщика и Лягушку. Защитники понимали, что Козаченко является опасным свидетелем, так как, явившись на суд, он мог передать весь разговор его с Бейлисом и этим погубить защиту. Нужно было, следовательно, доказать, что Козаченко выдавал жандармской полиции арестантов и, как занимающийся доносами и провокацией, доверия заслуживать не может.

Подполковник Иванов, к великому неудовольствию защитников, на суде начал говорить не то, что надо, за что и получил от присяжного поверенного Грузенберга тут же на суде брошенное ему в глаза обвинение в бесчестности. Что сказанные Грузенбергом по окончании допроса подполковника Иванова слова: «Есть свидетели честные, но есть и бесчестные», относились именно к подполковнику Иванову, сомнений ни у кого быть не может. Гражданский истец Замысловский просил суд обратить внимание на подобное недопустимое отношение защитников к свидетелю — чину жандармской полиции. Был ли поступок подполковника Иванова честным или бесчестным, судить не представляется возможным, но факт остается фактом. В открытом публичном заседании суда еврей адвокат позволил себе бросить по адресу чина жандармской полиции хотя и двусмысленную, но обидную фразу. Перед судом, кроме подполковника Иванова, продефилировали и его секретные сотрудники, сестры Дьяконовы, Махалин, Караев и (вероятно, тоже сотрудник) Швачко. Случилось как-то так, что все сотрудники жандармской полиции оказались на стороне Бей-

лиса. Выходило, что или евреи разыскали, обработали и приспособили для себя агентов жандармской полиции или же жандармская власть не знала, что из себя представляют те лица, которые давали ей сведения по делу Ющинского. Обвинять в недосмотре или попустительстве жандармскую власть тоже не имеет оснований, но факт и в данном случае остается фактом.

Хотя 28 октября суд над Бейлисом и кончился, но оправдательным приговором никто не доволен. Что Бейлис виновен, в этом ни у кого не может быть сомнений. Так как чувствуется какая-то неясность, недоделанность, общественное мнение долго успокоиться не сможет. К сожалению, этого нельзя сказать про полицию. Даже прокурор, и тот должен был сказать, что в этом деле издевательство полиции над обывателями прошло красной нитью. Я, — сказал прокурор, — не позволил бы так глумиться над собой, как глумились Мищук и Красовский над семьей убитого Ющинского, но русский обыватель, бедный простой народ привык к этому издевательству. Он только плачет и даже не клеймит своих мучителей. Член Думы Замысловский, которого никак нельзя заподозрить в желании уронить престиж русской власти, и тот должен был сказать на суде: «Мы имеем совершенно удостоверенный факт фальсификации, доказательство подлогов, совершенных полицией». Один начальник сыскной полиции — Мищук производил подлоги с вещественными доказательствами — с швайками и обрывками брюк, а другой (Красовский) ухитрился произвести подлог на живом человеке.

Указаниями на неправильность действий полиции полны речи не только прокурора и гражданских истцов, но и защитники не постеснялись воздать должное бесчестным поступкам чинов полиции. Общественная совесть не успокоится, пока отсюда, с полицейских верхов, не будут приняты должные меры. Все ждут, чтобы убийство было раскрыто, чтобы чины полиции, допустившие беззаконие, были наказаны. Если убийцы не будут найдены, сложится убеждение в полицейском бессилии. Если поступки Красовского и других не будут подлежать суду, сложится убеждение, что власть их признает правильными и молча одобряет. Возможно и худшее — боязнь и угодничество перед евреями.

Так или иначе, а останавливаться на полпути не представляется возможным. Нам, всей полиции, брошено столько обвинений, что не реагировать на них нельзя. Нужно, и вполне возможно, производить дальнейшие розыски по делу. Быть может, они и не приведут ровно ни к чему, но это вовсе не дает права ничего не делать. Потом, когда сотрутся и те немногие следы, какие имеются в настоящее время, не будет оправдания бездействию полиции. Более благоприятного вре-

мени для дальнейшего доследования, чем сейчас, ожидать и не представляется возможным. Все детали дела еще свежи в памяти, личности всех участников процесса достаточно освещены, свидетели еще живы и живут приблизительно в тех местах, где жили и в момент вызова в суд, из дела еще не пропали важные документы, внимание общества уже начинает притупляться, евреи достаточно раскрыли свои карты и еще не успели отдохнуть от непосильных трудов. К полиции еще не предъявлено категорического требования: или раскрыть убийство или публично признаться в собственном бессилии.

Процесс Бейлиса это полицейская Цусима, которую никогда не простят. Все это приходится помнить и действовать. Прежде всего необходимо внимательно перечитать дело, главным образом — в его неоглашенных частях. Там можно и неопытному чину полиции найти ценные, но почему-либо недостаточно обследованные данные, которые и смогут послужить руководящей нитью для розысков. Если смотреть на дело Ющинского, в смысле техники уголовного розыска, как на задачу со многими неизвестными, то мы увидим, что имеются полные и исчерпывающие ответы на все главнейшие вопросы. Всем известно, г д е, к о г д а и с к а к о ю ц е л ь ю с о в е р ш е н о у б и й с т в о. Известны даже и сами участники дела. Остается собрать несколько косвенных улик против двух-трех лиц — Дубовика, Шнеерсона, Чернобыльского и других. Неужели во всей русской полиции не найдется ни одного человека, который не смог бы этого сделать? Тем более, что делать придется не наспех и зная, что брать можно только тогда, если улики будут более или менее вескими, и если ничего не будет найдено, то в особую вину это поставлено не будет.

Необходимо опросить как можно скорее бабушку Ющинского, со смертью которой будет потеряно очень многое, чего восстановить не представляется возможным. Потерпевшие — всегда самые лучшие сыщики. Недаром семья Приходько вскоре после убийства Ющинского перебралась с Днепровской Слободки на Юрковец, где был найден труп. Сделано это было с целью розыска убийц. Не зря старые ноги бабушки принесли ее в лавку Файвеля Шнеерсона в тот момент, когда там он с жаром рассказывал какому-то неизвестному еврею об обстоятельствах убийства и замолк со словами «бабка» при входе ее в лавку. Это о н а говорила сыщикам: «Чего у нас шукаете на Слободке, не здесь убили Андрюшу, шукайте в Юрковце!» В семье Луки Приходько, в частности, от бабушки, можно получить массу ценных указаний, и нужно использовать этих несчастных людей как можно скорее. Нужно расспросить их для их же душевного спокойствия, дать им понять, что здесь в Петербурге их не забыли, помнят их, болеют их горем и идут им навстречу.

Промелькнул слух, — быть может, это, действительно, только слух, — что выносил труп Ющинского дядя его — Федор Чирков. Пусть это не даст никаких новых указаний, но не обследовать этого обстоятельства, не проследить за Чирковым, не разузнать от него, почему на него так говорят, тоже едва ли целесообразно. Нужно во что бы то ни стало привести в ясность, какую роль во всем деле играла Чеберяк и многое другое. В частности, необходимо собрать улики против Файвеля Шнеерсона и, если возможно, против его отца, Дубовика и Чернобыльского.

Наиболее вероятным кандидатом на скамью подсудимых является именно Файвель Шнеерсон и вот почему. На суде говорили, что видели Шнеерсона в Слободке следящим за Ющинским. Быть может, это и слухи, не больше, а, быть может, и удастся найти свидетелей, которые это подтвердят. Несомненно известно, что Шнеерсон был солдатом и служил на Дальнем Востоке, бывал в Слободке у Арендаря, куда заходил и Ющинский. Шнеерсон обещал показать Ющинскому его отца, — это тоже более или менее установлено. Известно и то, что дня за два Андрюша говорил, что «пойдет к добрым людям за порохом». На Юрковце у Ющинского никого из близких знакомых, кроме Жени Чеберяк, не было, но, выйдя из дома в день убийства в пальто, Ющинский к дому Чеберяк пришел уже без пальто. Возникает вопрос, зачем Андрюша пошел вместо училища именно на Юрковец и где он оставил пальто, раз установлено, что в квартиру Чеберяк он не входил. Ответ напрашивается сам собой. Андрюшу пригласил зайти именно в субботу Файвель Шнеерсон, обещав дать пороху, и вероятно сказав, что получил от отца письмо. Желая иметь гарантию, что Ющинский от него не скроется, Файвель предложил ему снять пальто; зная, что без пальто он никуда не уйдет, Шнеерсон, заперев на ключ свою комнату, пошел предупредить на завод, что можно начинать. Далее Шнеерсон предполагал, придя домой, сказать Ющинскому, что порох он забыл на заводе и, пойдя вместе, он передаст там ему баночку с порохом. Пока Шнеерсон ходил на завод [понимая], что другого такого благоприятного случая не дождаться, Бейлис решил спугнуть ребят, схватив вместе с Ющинским и Женю Чеберяк. Расчет на детскую психологию был верен. Если бы Бейлис схватил одного Андрюшу, Женя стал бы просить отпустить Андрюшу. Схватив же вместе с ними и Женю Чеберяк, Бейлис вполне правильно рассчитал: Женя, вырвавшись из рук, бросился наутек, что и требовалось по расчетам Бейлиса.

Наиболее веской против Шнеерсона уликой может послужить отпечаток на куртке Андрюши следа галоши фабрики «Колумб», т.-е такой, каких на заводе Зайцева никто не носил. Шнеерсон же и отли-

чался тем, что всегда одевался франтовато и по моде. Быть может, и не удастся установить, какие галоши носил Файвель, а вдруг полиции посчастливится опросом соседей установить, что Шнеерсон носил галоши, подметки на которых были стрелками? Если удастся это установить, то кроме чести полиции это ничего не сделает.

Необходимо еще раз внимательно рассмотреть и научно исследовать тетрадки и кушак Ющинского, — быть может, посчастливится найти еще одного немого, но неподкупного свидетеля — оттиск еврейского пальца. А эта улика — неопровержима. Так как предполагалось, что кровь, между прочим, могла пригодиться и для окропления открытой в марте 1911 года на территории Зайцева синагоги, необходимо внимательно осмотреть и стены ее. Если полиция сделает только это и хотя бы ровно ничего не найдет, она с чистой совестью может сказать, что было сделано все, что в ее человеческих силах: все вновь открывшиеся обстоятельства были немедленно и самым тщательным образом обследованы во всех деталях, ввиду чего ее нельзя обвинять ни в бездействии, ни в попустительстве. И если ничего не найдено,— не ее вина. А вдруг...[1])

И. д. чиновника особых поручений Любимов.

---

[1]) Так в подлиннике.

Из дневника Константина Романова.

1905 ГОД [1]).

11 ф е в р а л я. — Был в Царском в 12 ч. У государя был совет всех министров. Эти советы повторяются теперь довольно часто. У имп. Александры Федоровны был доклад секретаря. Меня приняла Минни [2]), и я провел у нее почти час. Она жестоко страдает нравственно при виде того, что творится на Руси. В самом деле, до чего мы дожили: царь и царицы у себя в Царском — точно в плену и не могли ехать в Москву отдать последний долг Сергею, погибшему таким страшным образом. Предосторожность обязывает их никуда не отлучаться из Царского. Минни говорила о дурных своих отношениях с покойным Плеве. При мне получила она письмо от имп. германского [3]). Перед завтраком рассказывал Аликс [4]) об Элле и московских днях. За завтраком, кроме

---

[1]) «Красный Архив», 1930 г., т. VI (43), стр. 92 — 115.

[2]) Мария Федоровна, вдова имп. Александра III.

[3]) К. Р. говорит о письме быв. германского императора Вильгельма II, которое последний написал Марии Федоровне 19 (6) февраля по поводу событий, происходивших в России. «Страшное известие из Москвы [убийство в. кн. Сергея Алекс. — *Н. Л.*] заставляет меня взять перо в руки. Как верный друг твоего любимого сына и его дома, я, естественно, слежу с неослабным вниманием за развитием событий в России, преимущественно за тем, что может пролить благоприятный или неблагоприятный свет на ее царствующий дом... Я известием из Москвы страшно испуган. Какой удар для вашего дома и для бедного Ники! Если мы в добрые дни — хорошие друзья, то в настоящее время я чувствую себя, как верный товарищ. При обозрении положения я себя естественно спросил: «Что здесь можно сделать?»... Ясно видно, что необходимо, чтобы государь лично сделал государственное дело, которым бы он мог приковать к себе внимание своего народа и наэлектризовать армию...» Вильгельм полагал необходимым, чтобы Николай издал «энергичный акт» о свободах. «Чтобы совершить такой государственный акт, ему нужно было бы из Кремля в Москве объявить России свою волю»... «Тогда бы эффект был поразительный... Кремль и Москва вместе со всей Россией легли бы к его ногам...»

«Ну, довольно! Будь здорова, милая кузина, не сердись на меня за это письмо и смотри на меня, как на твоего всегда верного и преданного кузена В и л ь г е л ь м а». (Особый отдел Центр. Ист. Архива, фонд № 1107).

[4]) Александра Федоровна — жена Николая Романова.

их величеств и их старших трех девочек, были Владимир, Алексей и Сандро, принимавшие участие в Совете министров.

По возвращении из Царского побывал у Михен [1]) и у Eugénie [2]), у которой застал Елену [3]).

Мама не заметила или не захотела подать вида, что не заметила моего отсутствия.

12 ф е в р а л я.— Утром из дома не выезжал, много было бумаг. Прочитал «Нов. время» за дни, проведенные в Москве. 7-го происходила в здешнем университете громадная сходка, на которую собралось более 3 000 человек; пришли студенты из других высших учебных заведений и курсистки. Изорвали портрет государя, выкидывали красный флаг, постановили забастовать до 1 сентября.

Теперь в «Нов. времени» одно за другим во множестве появляются письма профессоров, студентов и курсисток, протестующих против забастовок. Дай бог, чтобы это движение росло.

У т р о м 15 [ф е в р а л я]. — К чему пришли на Совете министров у государя — неизвестно; это содержится в тайне.

Забастовка продолжается и на многих заводах, и в большинстве высших учебных заведений, и на некоторых железных дорогах. Незаметно, чтобы против этого принимались какие-нибудь решительные меры, и особенно по отношению к высшим учебным заведениям. Власть как будто отсутствует, правительство медлит и выжидает, уподобляясь повару крыловской басни: а «кот Васька слушает да ест».

Из действующей армии есть известие, что нас оттеснили от Берсеневской сопки, и она осталась в руках японцев. Только одно утешительное явление: в «Нов. времени» все увеличивается список профессоров и учащихся, протестующих против школьной забастовки.

18 ф е в р а л я.— Вышел манифест [4]). На меня он произвел неопределенное впечатление. Говорится о призвании «благомыслящих людей всех сословий и состояний, каждого в своем звании и на своем месте, соединиться в дружном содействии словом и делом во святом и

---

[1]) Мария Павловна (старшая)—жена вел. князя Владимира Александровича.

[2]) Евгения Максимилиановна — жена принца Александра Петровича Ольденбургского.

[3]) Елена Георгиевна (Тинхен) — вдова герцога Альберта Саксен-Альтенбургского.

[4]) 18 февраля одновременно были опубликованы: манифест о борьбе с крамолой, указ Сенату о праве петиций и рескрипт на имя вновь назначенного министра внутренних дел А. Г. Булыгина о назначении комиссии под его председательством для выработки положений о законосовещательной Думе. До этого назначения Булыгин был в Москве помощником генерал-губернатора в. кн. Сергея Александровича.

великом подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении в земле крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней». Одновременно объявлено и о рассмотрении в Совете министров под председательством самого государя всех мнений, записок и предложений к усовершенствованию нашей жизни.

Вечером вышел и рескрипт министру вн. дел об учреждении под его председательством особого совещания из представителей разных сословий. Провел утро в Павловском училище.

Обещают крупные уличные беспорядки на 19-е число в Петербурге и в других местах. В Ялте, Ливадии тоже идут разгромы. Полагаю, что это только запугивают, а на деле ничего не будет.

22 февраля. — Начал получать ответные письма от академиков, которым писал свой циркуляр.[1]) По поводу отставки Бородина был у меня непременный секретарь Ольденбург, с которым у меня произошел пренеприятный разговор. Он, как мне показалось, пытался меня застращать тем, что и все остальные академики, получившие мой циркуляр, подадут в отставку и что к ним, пожалуй, присоединятся и те академики, которые не подписывали записки 342 ученых. Я возразил, что не могу и не желаю изменить своего взгляда. Расстались мы с Ольденбургом очень холодно и сухо.

23 февраля. — Продолжал получать письма от академиков. Маков, Веселовский, Шахматов, Ольденбург, Бекетов, Чернышев, Заленский, Радлов, Ляпунов, видимо, очень обижены моим циркуляром «с тяжкими обвинениями» и оправдываются, стараясь доказать, что, подписывая записку 342-х, они исполнили долг гражданина. Сперва я сильно волновался и тревожился этими письмами, но потом попривык.

24 февраля. — Опять тревожные вести с Дальнего Востока. Повидимому, японцы обошли наш правый фланг, нам снова надо отступать, и мы в опасном положении. Сердце щемит и ноет. Многие изверились в Куропаткина и порицают его за бездействие. Но интендантское и санитарное состояние армии превосходны, это уже громадная заслуга. Был на докладе у Сахарова; он давно уже, вернее с самого назначения Куропаткина в действующую армию, сильно против него восставал.

Митя уже заявил Владимиру о желании покинуть строевую службу. Бедный Владимир, по настоянию генерал-губернатора, вот уже несколько дней никуда не выходит из дому: его травят, ему угрожает опасность быть убитым, и из предосторожности он сидит дома.

Вчера приехал в Царское вел. герцог гессенский с женой; была встреча, почетный караул, но Владимира там не было. — Говорят, —

---

[1]) Так К. Р. называет свое возражение на «записку 342 ученых».

Митя слышал от Владимира, а тот от Трепова [1]),— в Петербург приехала из-за границы шайка революционеров-убийц, она-то и ловит Владимира. У меня собралась компания по сооружению памятника Пушкину. С Ольденбургом встретились как ни в чем не бывало. Кажется, можно надеяться, что все дело ограничится обменом моего циркуляра на оправдательные письма академиков.

25 февраля. — За завтраком С. Ф. Платонов рассказывал о настроениях в здешнем университете, к совету которого принадлежит. Особое совещание министров постановило принять меры по отношению к высшим учебным заведениям. Но министр финансов и народного просвещения сообщили о них подведомственным им заведениям совершенно различно. Профессор, служащий одновременно в институте путей сообщения и в университете, сообщил в совете последнего, что в институте получены такие-то распоряжения, тогда как в университет были посланы другие. Выходит скандал. — Академик Марков в университете показывал мой циркуляр, называя его прокламацией ввиду того, что в нем нет именного обращения.

26 февраля. — Какой-то злой рок тяготеет над бедной нашей родиной. Внутри смута, на Дальнем Востоке на войне неудачи. Вторую неделю идут бои у Мукдена; кажется, японцам удалось обойти наш правый фланг, наша армия отступает. Сахаров не скрывает своей враждебности к Куропаткину и злорадно его осуждает. Но есть голоса и за Куропаткина. Впрочем, от молодых офицеров, приезжавших из действующей армии, слышал, что и там вера в него подорвана. На многих тяжелое впечатление произвела ссора между ним и Гриппенбергом, отпросившимся сюда и допустившим в печать свои порицания Куропаткина [2]). Гриппенберга многие осуждают за нарушение дисциплины; но вот Драгомиров, вызванный государем из Конотопа сюда, печатно поддерживает Гриппенберга и, следовательно, косвенно осуждает Куропаткина. Где же правда? Я за многими другими прислушивался к голосу Драгомирова как к оракулу, а он, очевидно ослепленный давним нерасположением к Куропаткину, выгораживал в ущерб ему Гриппенберга.

1 марта. — Отчаянные вести из действующей армии: повидимому, мы понесли полное поражение, все наши армии, обойденные с правого фланга японцами, отступили, если не бежали, к Телину. Потери громадны. Еще новая беда обрушилась на бедную нашу Россию. Наказывает нас господь.

4 марта. — Утро дома. Слишком много времени берет газета, — но в нынешние тревожные для России дни невольно увлекаешься,

---

[1]) Трепов, Д. Ф., ген.-м., петербургский генерал-губернатор.
[2]) Так в подлиннике.

читая газеты. Наше отступление от Мукдена представляется бегством. По известиям из японских источников, неприятелю в Мукдене досталась огромная добыча: до 100 орудий, даже знамена, десятки тысяч пленных. Эти грозные вести мучительно волнуют, хотя, конечно, требуют еще подтверждения.— Богослужения, как утреннее, так и вечернее, отстоял с Татианой в нашей домовой церкви. — В «Нов. времени» напечатано о заседании Комитета министров (в котором и я участвовал), посвященном возбужденному мною вопросу о снятии запрета на печатание св. писания на малороссийском языке, положение Комитета утверждено государем 25 февраля. — Один малоросс, некто Крымский — профессор арабского языка в Лазаревском институте, прислал мне по этому поводу восторженное письмо, в котором говорит, что малороссы прозвали меня «равноапостольным князем».

5 м а р т а. — Перед началом заседания общего собрания Академии наук прочел с кафедры несколько, предложенных мне Павлом Егорычем, слов, в которых объяснил, что, признавая искренность побуждений академиков, подписавших записку 342-х, прошу предоставить и мне право держаться своих убеждений, — впрочем, что своим циркуляром не имел ввиду показать неуважение лично к кому-либо из академиков. Слова эти, повидимому, произвели хорошее впечатление; все академики встали и поклонились. Было прочитано непрем. секретарем прошение Бородина об отставке; Карпинский от имени конференции просил его взять ее назад, и он согласился.

15 м а р т а. — Совещание министров, в ведении которых состоят высшие учебные заведения, пришло к прискорбному и непонятному мне заключению, что занятия в этих заведениях не могут быть возобновлены до 1 сентября ввиду невозможности (?) оградить желающих учиться от насилий забастовщиков. Не знаю, что за тайна кроется в 1-м числе сентября и почему после этого числа возобновление ученья возможно.

17 м а р т а. — С 15 марта пошел 6-й год, что я управляю военно-учебными заведениями. — В консерватории была забастовка. Занятия идут только в научных классах, а в художественных мы не могли возобновить их с понедельника на 1-й неделе поста; надо было выяснить, кто хочет и кто не хочет учиться. Очевидно, существует анархистская агитация. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества собиралась 15-го числа и выслушала заявление 19 профессоров обязательных предметов консерватории, которые находят невозможным возобновление занятий до 1 сентября ввиду трудности оградить безопасность желающих учиться от насилий нежелающих. Несмотря на это заявление дирекция осталась при прежнем своем решении — возобновить занятия с 16 марта. 16-го часть учеников пришла

на уроки, а человек около 100 столпились на площади. Это были не взявшие билетов для посещения классов в консерватории, т.-е. забастовавшие. Их не впускали в здание. На площади было много полиции, но порядок не нарушался. 17-го же толпа учеников (все больше евреев), человек в 50—60, насильно ворвалась в консерваторию, разлила в коридорах и на лестнице какую-то вонючую химическую жидкость и пыталась заставить прекратить занятия, но была окружена полицией и препровождена в участки; на площади к ним присоединились еще ученики и ученицы, которых также взяли в полицию; всего было 100 человек. Занятия, хоть и с грехом пополам, но все же шли. Надеюсь, что мы вскоре справимся с забастовками.

19 м а р т а. — Опять сидел в дирекции Петербургского отделения Музыкального общества. Были там председатель дирекции Климченко и ее члены: кн. А. А. Оболенская (жена моего помощника, который тоже был), ст.-секретарь Танеев, Д. А. Философов, И. А. Персиани, граф Андрей Александрович Бобринский, директор консерватории Бернгард, инспектор Габель, священник и секретарь Тур. — Перед нашим заседанием только что окончилось заседание художественного совета, в который директор внес вопрос об исключении учащихся, произведших буйство и задержанных полицией. В совете поднялся шум, заявляли, что учащихся нельзя наказывать, и 18 профессоров подали директору записку, в которой указывают ему, что нравственный долг велит ему сложить обязанности директора ввиду несогласия его действий со взглядами совета. Ничего не добившись, Бернгарду пришлось закрыть заседание. Я думал, было, что мы очень скоро порешим с увольнением буйствовавших учащихся, да не тут-то было: мы проговорили с 10-ти до 2-го часа. Философов затянул заседание, заявив, что, прежде чем увольнять, надо точно определить виновность каждого. Но все-таки решили уволить всех 101 человека, предоставив инспектору исключить из этого числа тех, кто случайно и поневоле попали в толпу. Решили также уволить профессора Римского-Корсакова (главного коновода забастовки) за дерзкое, печатное выражение порицаний действиям дирекции и противодействие ее стараниям возобновить занятия.

25 м а р т а. — В конной гвардии на празднике мы с Мишей не были. Парада в высочайшем присутствии не назначалось.

О возможности выезда их величеств из Царского до сих пор не может быть и речи. Хотя на-днях сыскной полиции удалось изловить 12 революционеров с документами и складом взрывчатых веществ, опасность нападений на высокостоящих не устранена. Владимиру тоже нельзя показываться в местах, где его заранее ждут.

26 апреля. — Был вызван в Комитет министров по поводу ходатайства Академии наук о снятии с нее обязанности давать отзывы о книгах, признаваемых политически вредными. В заседании комитета суждения длились очень недолго, и постановили вновь обратиться к Академии с заявлением, что ее отзывы требуются лишь о научном значении книги, а отнюдь не о степени ее вреда в политическом смысле.

6 мая. — Объявлен высочайший указ Сенату о раздроблении министерства государственных имуществ и земледелия [1]). Этот важный, но едва ли нужный акт проведен не в законодательном порядке, а помимо Госуд. совета. Самодержавие само подрывает собственное значение, нарушая законность, вместо того, чтобы утверждать его.

Осташово.

18 мая. — После чаю поехал с Драшковским и Моласом на ту сторону реки по направлению к д. Игнашково, крестьяне которой, нуждаясь в выгоне для своего скота, стесненные моим владением, недавно приобретенным от мелкопоместного помещика Лукина, хотели бы купить земли у нас. Мы соглашаемся на эту сделку. Вернулись к обеду. А дома между тем были получены газеты с ужасной вестью о гибели большей части нашего флота. Рожественский ранен в самом начале боя и свезен на другой корабль, — мы еще не знаем, какой. Японцы будто бы взяли у нас в плен несколько судов, пленными мы потеряли не 3, так 2 тысячи человек.

Какой ужас, что за позор и сколько горя!

28 мая. — Боюсь читать газеты. Подробности боя в Корейском проливе ужасны. Что заставило Небогатова с несколькими судами сдаться японцам? Мы еще не знаем причин. Но русским — сдаваться, вместо того, чтобы погибать, и неслыханно и ужасно. В России одни кричат о необходимости кончить войну, другие настаивают на ее продолжении. Я принадлежу к последним. Говорят о близком созыве Земского собора или Государственной думы.

3 июня. — Говорят о мире. Президент республики Соединенных Штатов Рузевельт предложил правительству нашему и японскому свои услуги и посредничество для начатия переговоров о мире. Наше правительство, а равно и японское, согласились на предварительные переговоры представителей воюющих сторон. — Итак, мир возмо-

[1]) Министерство госуд. имуществ и земледелия было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия; части быв. министерства, ведавшие горным делом, были переданы в министерство финансов; этим же указом был создан Комитет по земельным делам под председательством управляющего Главным управлением землеустройства и земледелия.

жен. Я лично против него. Позорный мир, — а другого предвидеть трудно, — хуже войны.

15 и ю н я. — Читал в кабинете. Здесь мне дают «Русские ведомости» (газету, издаваемую в Москве). Хочу отказаться от этого чтения: слишком мне претит крайнее, ультра-красное направление газеты.

18 и ю н я. — Почти весь день читал. Кончил ужасный, подавляющий, местами бессмысленный, написанный вымученно-вычурным языком рассказ современного писателя, друга и последователя Максима Горького, Леонида Андреева. Прочел еще глупую статью Куприна «Памяти Чехова», в которой скончавшийся в прошлом году литератор выставляется «великим писателем», чуть не гением, обладавшим необыкновенно прекрасным слогом, и приводятся пошленькие подробности его домашнего быта, разные его далеко не остроумные словечки. — Прочел в том же 3-м томе сборника «Знание» «Дачников», сцены М. Горького. Не знай я, что им написаны эти «сцены», я бы принял их за произведение Чехова, так они напоминают своей несуразностью, расплывчатостью и выражением каких-то непонятных стремлений «Дядю Ваню», «Трех сестер» и «Вишневый сад». Получается впечатление какого-то бреда, чего-то неоправдываемого здравым смыслом. Стихи Бунина и Скитальца в том же сборнике тоже притянуты за волосы и решительно лишены поэзии.

21 и ю н я. — Что это творится в России? Какой-то развал, распаденне; точно одежда, затрещавшая, порвавшаяся по всем швам и расползающаяся. На броненосце Черноморского флота «Потемкин-Таврический» настоящий бунт, команда возмутилась, убила командира. Есть известие об артиллерийском поручике, который убил сказавшего ему дерзость пьяного и им связанного солдата. Когда же публика стала выражать ему негодование, он спасся в пустой вагон, вагон облили керосином и подожгли, и офицер сгорел. Одесса, Лодзь, Севастополь объявлены на военном положении. — Отовсюду приходят вести одна страшнее другой. — А здесь какая тишина! Утром купанье.

23 и ю н я.— Читаю один за другим книжки сборника «Знание», где печатаются повести и рассказы современных писателей, преимущественно последователей Чехова и М. Горького. Мне понравился описательной стороной и слогом рассказ Чирикова «На поруках», — «Еврен» Юшкевича не без таланта, но тенденциозно и неестественно.

Ужасны, невероятны известия из Одессы. Это — полная революция. Небывалый, позорный случай на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический», где команда взбунтовалась и убила командира, моего милого товарища Женю Голикова, и почти всех офицеров, тоже был бы невероятен, если б не был действительным происшествием.

Павловск.

17 августа. Сегодняшние газеты принесли известия о мире, до которого договорились уполномоченные России и Японии в Портсмуте. Мы уступили южную часть Сахалина, но не согласились на уплату ни копейки денег. Витте одержал значительную дипломатическую победу. И тем не менее нерадостен этот мир, увенчавший несчастную для нашего оружия войну. Мир не только не радует, но как будто даже пугает.

22 августа. — Оля приехала к нам ночевать и уже спала, когда я вернулся. Сегодня ей минуло 54 года. Она рассказала мне, что государь, посылая Витте в Америку для переговоров о мире с японскими уполномоченными, был настолько уверен в неприемлемости наших условий, что не допускал и мысли о возможности мира. Но когда Япония приняла наши условия, ничего более не оставалось, как заключить мир. Итак государь неожиданным образом попался, и теперь, по выражению Оли, видевшей его и имп. Александру Федоровну в Петергофе, они точно в воду опущены. — Наша действующая армия все увеличивается, становится значительно сильнее японской и готова к бою. Япония нуждается в деньгах, и теперь, когда военное счастье, наконец, могло бы нам улыбнуться, — вдруг мир! Правда, в Японии, судя по газетам, очень недовольны условиями, на которых он заключен, и это, пожалуй, показывает, что мир если не позорен для нас, то все же бесславен.

27 августа. — Говорил с Ниловым о недавно объявленных и высочайше утвержденных мерах относительно служащих сдавшейся японцам в Цусимском бою эскадры адмирала Небогатова: адмирал и командиры судов исключены из службы, остальные же офицеры преданы суду. Меня, да и не одного меня, смущает это решение: если суд приговорит офицеров к более тяжкому, чем исключение из службы, наказанию, то получится, что наиболее виновные пострадают меньше. Не осторожнее ли было бы всех отдать под суд?

2 сентября. — На Кавказе неблагополучно, в Баку сожжены нефтяные промыслы, на улицах стрельба и резня, убытки неисчислимы, в Тифлисе тоже побоище. В балтийских провинциях, в Польше, в Финляндии беспорядки, взрывы, убийства, грабеж. Власть точно устранилась. В обществе, в печати тревога, беспокойство. Наши неудачи на Востоке порождают слухи, обсуждение их причин. Сдача Порт-Артура после богатырской обороны вызывает обвинения Стесселя; казалось бы, лучше дождаться, к чему придет следственная комиссия под председательством ген. Роопа, а она еще не может высказаться, так как многие порт-артурцы еще не вернулись из плена.

Сдача Небогатова представляется совершенно непонятной и необъяснимой. — Чудесная днем теплая погода. — Побывал в здешней Мариинской учительской семинарии, знакомился с учениками. Гулял с женой поутру, а днем ездил с ней в Царское к Владимиру, Михен, Ники [1]) и Елене. — Был у нас одесский градоначальник К. Б. Нейгардт и рассказывал о майских ужасах, восстании на «Князе Потемкине-Таврическом» и пожаре в порту. За бездействие власти командующий войсками Одесского округа Коханов уволен по прошению (конечно, вынужденному) от службы и заменен командующим 2-й манчжурской армией Каульбарсом. — Оля приехала на ночь в Павловск.

10 сентября. — Высочайшим указом университетам даны новые уставы и советам их профессоров предоставлено право избирать из своей среды ректора и его помощника. Министерство просвещения, вероятно, не усмотрело того, что неминуемо должно было последовать, а именно, что и другие высшие учебные заведения потребуют себе того же. Так и случилось: высшие женские курсы и различные институты стали испрашивать автономии и себе, и правительство им уступает. Не лучше ли было бы предупредить их одновременно?

Возможно, что и в нашем женском педагогическом институте среди профессоров заговорят о праве избрания директора. Но наше учреждение стоит на совершенно особых основаниях, это почти частное дело, так как создалось по моему почину и на мои средства.

11 сентября. — С. Ф. Платонов тоже был. Он рассказал мне, что к нему от имени товарищей приходили проф. Гримм и еще двое и очень скромно заявили о желательности никак не автономии женского педагогического института, а о праве профессоров избирать по предметным группам из своей среды деканов, желательно им также, чтобы эти деканы во главе с директором составляли сенат; предложение Платонова, чтобы в этот сенат входила и начальница, они не отвергли. Итак дело обходится у нас пока мирно.

18 сентября. — Утром доклад Д. А. Философова, одного из директоров Петербургского отделения Музыкального общества. Петербургская консерватория, вернее — ее художественный совет, тоже захотела себе «автономии», дарованной указом 27 минувшего августа университетам, и требует ее немедленно. Это, конечно, не может быть уделано так скоро. Петербургская дирекция разъехалась, налицо только два директора — Климченко и Философов. Они выработали проект изменений устава консерватории.

---

[1]) Николай, принц греческий.

Мраморный дворец.

23 сентября. — У нас обедал граф С. Ю. Витте. Слышал от него, что государь принял его в шхерах очень милостиво и, пожаловав ему графское достоинство, сказал, что рад, что жена его будет графиней.

Рассказал еще Витте, что 14 лет назад Александр Алексеевич Абаза при назначении Куропаткина в Туркестан отозвался о нем как об умном и храбром генерале, который когда-нибудь сделается военным министром, а может быть и более, но после упадет в общественном мнении, потому что у него душа «штабного писаря».

28 сентября. — В газетах страшные вести: на Кавказе все не лучше, убийства продолжаются, подбрасывают разрывные бомбы, стреляют из домов и на улицах, армяне и татары друг друга режут. В Москве забастовки пекарей, водопроводчиков, слесарей, служителей трамваев и наборщиков, газеты не выходят. Повсеместно в высших учебных заведениях вместо занятий идут сходки и митинги с присутствием посторонней толпы, рабочих и женщин, с произнесением зажигательных политических речей.

В Таврическом дворце историческая выставка закрыта, и дворец начнут подготовлять к заседанию Государственной думы. Что-то увидим мы зимой? Без кровавых событий не обойдется.

29 сентября. — Вице-президент Никитин описал мне, что происходило в чрезвычайном общем собрании Академии наук 28-го числа; собрание было назначено ввиду требования академика Маркова по вопросу о поднесении Академией адреса А. Ф. Кони к 40-летнему юбилею. Адрес в красноречивых выражениях был написан непременным секретарем Ольденбургом и разослан академикам для подписания. Марков оспаривал правильность рассылки без общего собрания; потому его назначили. Сперва баллотировался вопрос о праздновании 40-летнего юбилея вообще, и его решили утвердительно большинством: +15—7. Марков пытался доказать, что почетные члены Академии (каковым состоит Кони), при тех способах, коими они прежде избирались, не могут считаться избранниками Академии. Он поставил в вину Кони, что тот не отказался от звания почетного академика по примеру Короленко и покойного Чехова после кассации выборов Горького[1]).

[1]) В других местах своего дневника К. Р. рассказывает историю избрания и исключения М. Горького. Так 6/III 1902 г. он рассказывает, что «на выставке Минни отвела меня в сторону и высказывала сетования по поводу избрания М. Горького; ей об этом с негодованием говорил градоначальник Клейгельс». Результатом возмущения правительственных кругов и его голосом было следующее письмо Николая II к министру народного просвещения П. С. Ванновскому, которое К. Р. тоже приводит в своем дневнике: «Слышу теперь письмо царя к Ван-

Тем не менее, поднесение адреса было решено большинством голосов: +16 — 6.

Ольденбург пишет мне, что, повидимому, в министерстве иностр. дел окончательно принято решение по отношению к Тибету: предать далай-ламу Англии и Китаю, и сокрушается таким решением после того, что в 1901 году далай-ламе было дано, за подписью государя, уверение в том, что Россия будет отстаивать Тибет. Теперь же министерство требует возвращения далай-ламы в Лхассу, обещая ему т о г д а содействие. Это горькая насмешка, потому что в Лхассе Россия теперь бессильна.

1 о к т я б р я. — Узнал через барона Буксгевдена, что в министерстве иностр. дел смотрят на возвращение далай-ламы в Лхассу как на необходимость, ибо Тибет без далай-ламы теряет значение для России. Официально поддержать его не решаются, а, как я узнал по секрету, ему дают конвой переодетых казаков из бурят для большей безопасности перезда из Урги в Лхассу.

2 о к т я б р я. — Утром встречали возвращавшегося из действующей армии прусского принца Фридриха-Леопольда. Владимир повез его к государю в Петергоф. У Владимира вид был весьма печальный и расстроенный. Вчера приехал его сын Кирилл, чтобы доложить государю о вступлении в брак вопреки его запрету.

Ректор Московского университета кн. Трубецкой скоропостижно умер здесь в Петербурге. Сегодня гроб отвезли в Москву. Большая толпа провожала и потом с красными флагами и революционными песнями прошла по Невскому и к университету. Прекрасные обстоятельства!

П е т е р б у р г — О р е н б у р г. В в а г о н е.

4 о к т я б р я. — Едем себе благополучно, приятно и весело; спутники все хорошие и милые люди. Как я радовался этой поездке!

новскому от 5 марта: «Петр Семенович. Известие о выборе Горького в Академию наук произвело на меня, как и на всех благомыслящих русских, прямо удручающее впечатление. Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании, понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание.

Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека, в теперешнее смутное время, Академия наук позволяет себе избрать в свою среду!

Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии. Н и к о л а й». (Дн. № 50, 9/III 1902 г.).

К. Р. принял активное участие в ликвидации избрания М. Горького в почетные академики.

И теперь наслаждаюсь ею. Но не могу не тревожиться, вспоминая о тяжелом положении России. Ведь надо признаться, что у нас идет полная революция. Правительство утратило еще с прошлого года всякое значение, власти нет, и общий развал все более и более расшатывает бедную Россию. — На-днях Николай Михайлович напугал мою жену, говоря, что всех нас — императорскую фамилию — скоро погонят прочь и что надо торопиться спасать детей и движимое имущество. Но я не могу и не хочу с ним согласиться и считаю ниже своего достоинства принятие таких мер предосторожности. Похороны кн. Трубецкого как в Петербурге, так и в Москве подали повод к уличным шествиям с красными флагами и революционными песнями. Надвигаются грозные события, но в чем будут они заключаться? Что еще нам грозит? — В Голутвине гулял на станции.

Оренбург.

8 октября. — Попечитель Оренбургского учебного округа Зайончковский, являясь мне, просил, чтобы я посетил заведенный ведомством министерства народного просвещения сад, куда он собрал бы всех учащихся в средних учебных заведениях — до 5 тысяч человек. Я ответил уклончиво, чтобы не обидеть попечителя, а про себя решил не соглашаться на предложение Зайончковского во избежание слишком возможных в наши беспокойные дни неприятностей. Хотя в Оренбурге не так тревожно, как в середине империи и на западе или на Кавказе, хотя здесь забастовок и прочих непорядков среди учащихся еще не наблюдалось, однако несомненно, что и сюда проникла агитационная пропаганда, и кто-нибудь из молодежи мог бы нанести мне оскорбление. А потому было и осторожнее и благоразумнее не давать повода каким-либо нежелательным проявлениям. А что мои опасения были не напрасны, доказывается письмом, полученным мною по городской почте, но без марки, за подписью «Союза средних учебных заведений». Письмо это было возмутительного, хамского содержания, с плоскими, пошлыми и гнусными по лживости бранными выражениями по адресу государя и моему; безымянные авторы уговаривали учащихся не повиноваться распоряжениям попечителя и не являться в сад, куда меня ожидали.

Ташкент.

16 октября. — Мне по несколько раз в день присылают агентские телеграммы; со всей России приходят тревожные, возмутительные известия о забастовках на железных дорогах, телеграфе, телефоне, фабриках, об отказе присяжных поверенных нести свои обязанности, о прекращении занятий не только в высших, но и в средних учебных заведениях, о сборищах и митингах с произнесением революционных

речей. Судя по телеграммам, жена волнуется. — В Ташкенте на железной дороге тоже забастовали, и я должен был отказаться от поездки в Самарканд, где я предполагал провести завтрашний день.

17 октября. — Забастовка на железной дороге принудила меня отложить на неопределенное время отъезд в Оренбург. Полагаем, что поезда вскоре возобновят движение, а пока что будем сидеть в Ташкенте. Он нравится мне все более. Вести из России одна тревожнее и хуже другой, везде возмущения, бунты, насилие революционеров над сторонниками монархического порядка, всеобщее бездействие законных властей становится обыденным явлением.

18 октября. — Телеграф принес высочайший манифест от вчерашнего числа: дарована свобода слова, совести, собраний, разрешено избрание в Государственную думу тех, на кого это право по манифесту 6 августа не распространялось. Граф Витте назначен председателем Совета министров. Законы будут считаться действительными лишь с одобрения Государственной думой.

Тяжелое впечатление произвела эта важная весть. Конец русскому самодержавию! Новые вольности — не проявление свободной воли державной власти, а лишь уступка, вырванная у этой власти насильно.

Утром ходил по классам. Из корпуса не отлучался.

19 октября. — По телеграммам из Петербурга, манифест вызвал там восторг и радостные уличные демонстрации с криками «ура» за царя свободного народа; в думе служили молебен, пили шампанское и послали государю телеграмму. Движение поездов восстановилось, бастовавшие рабочие все вернулись к работам. Мы здесь думали, что петербургское ликование откликнется и в Ташкенте прекращением забастовок, но нет: поезда все еще не ходят, магазины заперты, ученики отпущены из училищ и ходили толпами по улицам. Толпа ходила к тюрьмам и хотела освободить заключенных, но ее разогнали. Вечером получили телеграмму от директора 2 Оренбургского корпуса. Вот она: «Сегодня (18 октября) около 2 часов дня к корпусу подошла пятитысячная толпа с требованием вывести кадет для разъяснения им высочайшего манифеста 17 октября; путем личных моих переговоров с толпой удалось отклонить требование. Через полчаса корпус был окружен многочисленной толпой, предъявившей через делегатов категорическое требование в ознаменование издания манифеста прекратить занятия и уволить кадет под угрозой немедленно приступить к насильственному выводу детей из здания. На требование мое полиции и войск таковые не прибыли. Предоставленный своим силам, во избежание насилия над детьми и могущих быть несчастий при столкновении с враждебно настроенными к толпе кадетами, я приказал прекратить спокойно шед-

шие занятия и уволил кадет в отпуск, выговорив устранение маленьких кадет, неприкосновенность прочих и непривлечение их насильственным образом к участию в демонстрации. Через 3 часа кадеты в порядке собрались в корпусе и им разъяснено происшедшее втечение дня. Есть основание предвидеть повторение того же завтра и после завтра. Прошу указаний в. и. в. Генерал Григоров». — Вот и последствия возвещенной манифестом всем свободы! Телеграфировал в Оренбург Барабашу, прося принять меры для ограждения корпусов от вторжения уличной толпы, и Григорову, что нежелательно сдаваться на требования толпы.

19 октября. — Сегодня Самоцветов на мой запрос ответил телеграммой: «Счастлив, что могу пока только успокоить в. в. Вчера ранее четырех часов тысячная толпа остановилась и около Неплюевского корпуса, но вела себя сдержанно и даже благодушно; неуместных речей, настойчивых требований, а тем более насилий вовсе не было; меня просили разрешить кадетам выйти на улицу с музыкой, чтобы следовать за манифестантами; я вызвал на крыльцо часть старшей роты с музыкантами, которые сыграли марш, следовать же за толпой не разрешил. На вопрос, обращенный делегатом толпы к воспитанникам, не желают ли они следовать за ними, кадеты дружно и громко ответили: «Не желаем; мы хотим учиться». Поведение кадет в эти смутные дни вообще вызывает одно восхищение, но в отпуск однако они вчера не распускались, как того усиленно просил делегат. Сегодня же после утренних уроков, по выслушании высочайшего манифеста и молебствия, они уволены на пять часов к родителям. Сейчас у корпуса была новая толпа, по требованию которой был вынесен на крыльцо портрет государя императора, и музыкантами корпуса многократно исполнен народный гимн при неумолкаемых «ура» кадет с народом. Помоги господь и дальнейшему успокоению, в которое я верю! Ген.-лейт. Самоцветов».

Сегодня же получил из Синельникова такую телеграмму от неведомого мне человека: «Осмеливаюсь от лица всех товарищей принести сердечное поздравление с великим, светлым даром великому русскому народу. Ликуем за растущее поколение, за будущую свободную уже Россию. Учитель Антон Колесник»!!!?

20 октября. — В городе неспокойно; толпа ходила по улицам, хотела высвободить заключенных политических преступников. Высылались войска, из толпы в них стреляли, и пришлось по ней открыть огонь. Есть убитые и раненые. Получаю много агентских телеграмм, из всех мест России вести одна тревожнее другой. Распоряжения графа Витте дельны и тверды. — Сижу в Ташкенте, как в плену; не предвидится и конца железнодорожной забастовке. Но помимо этого мне здесь хорошо.

22 октября. — Забастовка железных дорог продолжается, и вот уже пятый день мы не можем выехать, сидя в Ташкенте, как в плену.

На поздравление Казанского юнкерского училища получил от его начальника полк. Геништа такой ответ: «Вчера юнкера вполне доказали преданность престолу и отечеству, принудив мятежников положить оружие, чем восстановили законный порядок в Казани». Только и осталось порядку, что в военно-учебных заведениях, а то везде развал, смута и неурядица.

23 октября. — Телеграммы все тревожнее: в Томске народ, стоящий за царя, столкнулся с мятежниками и, когда последние заперлись в одном доме, подожгли его, а спасавшиеся там все погибли. В Финляндии открытое восстание, генерал-губернатор — в руках делегатов революционной партии. Сейм, не разрешенный с месяц назад, объявлен на первые числа декабря.

24 октября. Судя по агентским телеграммам, Булыгин отчислен от должности министра вн. дел и пока никем не заменен. Стачки во многих местах продолжаются как на железных дорогах, так и в некоторых копях, на заводах; в учебных заведениях забастовки, а все высшие закрыты распоряжением правительства. Словом, манифест 17 октября еще не внес успокоения; даже, напротив, раздаются голоса, требующие новых уступок, хотят Учредительного собрания вместо Государственной думы, всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Время поистине смутное и беда больше той, что угрожала России в 1612 году. Ужели не найдется истинно русских людей, подобных Минину, Пожарскому, патриарху Гермогену, чтобы спасать отечество? Нельзя предвидеть, когда прекратится забастовка служащих на железной дороге, и мне можно будет выехать отсюда. Драшковский ездил в правление железной дороги, но не привез утешительных известий: ожидают сходки, на которой рабочие решат голосованием, продолжать ли забастовку или вернуться к работе.

26 октября. — Говорят, что забастовка скоро кончится и что в воскресение можно будет выехать в Оренбург, но ничего положительного еще неизвестно. Вчера с вечера и сегодня с утра побаливал правый висок; это маленькая мигрень.

С тех пор, как назначен председателем Совета министров гр. Витте, вышло уже несколько правительственных сообщений, и все они написаны умно и хорошо и дышат твердостью. Замечается как бы некоторое успокоение — если не на окраинах, то в коренных русских городах. Мои спутники и я держимся все за самодержавное правление и питаем надежду, что если в Государственную думу войдет много представителей крестьянства, то возможно еще возвращение к самодер-

жавному образу правления, за которое, несомненно, стоит наш простой народ. Это была бы еще неслыханная в истории контрреволюция, хочется верить, что она может осуществиться.

27 октября. — Забастовка, повидимому, прекращается; уже пришел поезд из Асхабада, а из Оренбурга еще нет. В городе настроение более спокойное, благоразумное.

Хотели, было, предпринять сегодня неудавшуюся 16-го числа ради забастовки поездку в Самарканд, но пришлось отказаться, так как правление железной дороги не вполне уверено в правильном движении поездов. Надеемся однако, что 30-го или даже 29-го можно будет выехать в Оренбург. Там рассчитываю остановиться во 2-м корпусе, а сколько пробудем, еще не знаю. Да и самый выезд отсюда еще не окончательно решен. Забастовка уже потеряла политический характер, но грозит принять экономический. Павел Егорович телеграфирует, что Никола [1]) надеется, что мне здесь удастся устроить его переселение из Ставрополя в Ташкент. Гейштор и Сахаров не только не встречают к этому препятствий, но даже сочувствуют возвращению Николы сюда, так как его ирригационные работы весьма благодетельны для края. Телеграфировал об этом шифром Павлу Егоровичу.

Вести о постепенном успокоении умов в России получают все больше правдоподобия. — Владимир уволен от должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

28 октября. — Николаша [2]) назначен на место Владимира, с оставлением в должности председателя Комитета государственной обороны. Создано министерство промышленности и торговли, и министром назначен Тимирязев. Глазов получил назначение помощником командующего войсками Московского округа; вот уж «из попов в диаконы»! В Кронштадте матросы произвели бунт, в пьяном виде похитили ружья, патроны, пулеметы, разгромили морское собрание и несколько домов. Высланы войска. Трепов уволен от должностей товарища министра внутр. дел и петербургского генерал-губернатора.

В вагоне. Перовск — Оренбург.

29 октября. — Митя телеграфировал из Павловска, советуя мне спешить возвращением и нигде не задерживаться ввиду ожидаемой новой забастовки, продолжительнее первой.

---

[1]) Николай Константинович, брат автора дневника, удаленный от двора после темной истории с пропажей фамильных драгоценностей и живший под опекой на юге России.

[2]) Николай Николаевич, вел. князь; в эпоху мировой войны верховный главнокомандующий.

Ст. Перовск.

30 октября. — В Джусалы бастующие и подвыпившие железнодорожники-служащие шумной толпой окружили одного из ехавших с нами чиновников, заявляя свои требования. Еще в Перовске бастующие машинисты и кондуктора предъявили Вяземскому записку, в которой в одиннадцати пунктах выражали свои требования. Между прочим, они хотят не только сохранить содержание за дни забастовки, но и получить еще единовременное пособие. Очевидно, что они действуют под влиянием политических агитаторов.

В вагоне. Челкар — Оренбург.

31 октября. — Перед отъездом из Ташкента прочли мы в агентских телеграммах о страшном матросском бунте в Кронштадте: будто бы из 22 тысяч возмутилось 14 и стали громить и грабить город. Еще год назад кто бы верить мог, что наш славный доблестный флот дошел до такого разложения?

Оренбург.

1 ноября. — Рано утром прибыли в Оренбург. Мне страстно хотелось пробыть здесь дня три. Но говорят, что вскоре опять ожидается новая железнодорожная забастовка, и благоразумие требовало спешить домой, чтобы опять не застрять в пути где-нибудь.

В городе спокойно. После красных флагов, революционных песней и насилий 18-го числа на другой же день устроилась большая патриотическая манифестация с иконами, портретами государя, национальными флагами и пением гимна.

Оренбург — Москва.

2 ноября. — Ехали беспрепятственно. О возобновлении забастовки не слышно. А жена и Митя телеграфировали из Павловска, что у них железные дороги уже бастуют; но не досказано, какие именно.

В вагоне. Москва — Петербург.

3 ноября. — Жена и Митя сообщили из Павловска, что там железные дороги снова начали бастовать. Мы же ехали беспрепятственно. Навстречу приходили газеты уже не такие старые, какие получались в Оренбурге. Мятеж охватывает всю Россию; если и наступает постепенно сравнительное успокоение, то все же время еще очень тревожно.

Москва — Петербург.

5 ноября. — Шли с опозданием. Можно было опасаться враждебных действий со стороны забастовщиков в Колпине, но мы проехали благополучно и добрались до Петербурга хотя без происшествий, но опоздали на $1^1/_2$ часа.

Про графа Витте здесь говорят, что он недостаточно тверд и решителен и в народных массах, возмущенных отложением «интеллигенции» от царя, склонен видеть «черную сотню», т.-е. чернь, якобы направленную правительством и его полицией на мятежников. Издали мне казалось, что действия Витте разумны и направлены к успокоению умов; здесь к графу Сергею Юльевичу относятся недоверчиво и опасливо. Посмотрим, оправдает ли он мои ожидания. Грустные вещи пришлось здесь услышать. О. Григорий Петров вполне подпал под охвативший многих разумных и хороших людей массовый психоз, пошатнулся, потерял равновесие, политиканствует, печатает статьи зажигательного и возмутительного характера. Суясь в печать, на разные сходки и митинги, разглагольствуя и предпочитая политику долгу священства, он написал Палиголику, что не имеет времени давать уроки закона божия моим детям.

Говорят, что Николаша, Петюша, Милица и Стана получили при дворе большое значение. Поехал в Павловск по царской ветке до Царского Села. На Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. бастуют, и, если поезда ходят, то под воинской охраной и не очень правильно. По царской же ветке установлено правильное движение, но не иначе, как по билетам, выдаваемым Треповым.

Павловск.

7 ноября.— Утром поезда ходили еще с военными командами вместо обыкновенной прислуги, а с полудня забастовка прекратилась, и восстановилось правильное движение. — В гл. управлении на приеме назначил быть С. Ф. Платонову и кн. Александру Д. Оболенскому. Первый сообщил печальную новость о необходимости закрыть институт ввиду стремления слушательниц устраивать в его стенах митинги с посторонними лицами и революционными речами. Второй говорил о том же явлении в консерваториях здешней и московской, что тоже вызовет их закрытие.

Болела голова. Вместе с Олей приняли кн. М. М. Андроникова. Любопытно было выслушать его рассказы о последних событиях. Он хорошо осведомлен. Перед 17-м октября Николаша был вызван в Петергоф, с ним советовались. Николаша виделся с представителем рабочих, неким Ушаковым, и пришел к убеждению, что надо поступиться самодержавием.

Гр. А. П. Игнатьев, И. Л. Горемыкин и министр двора Фредерикс убеждали государя не уступать. О. Б. Рихтер указывал на графа Витте, как на единственного человека, способного справиться с настоящим положением. 17-го утром были позваны к государю в Петергоф Николаша, Фредерикс и гр. Витте, который представил проект манифеста. Государь перекрестился и подписал его.

9 н о я б р я. — В город не ездил. Надо бы было в Академию, но появляться там сильно неохота по причине противоправительственного, если не прямо революционного, настроения многих академиков.

В городе — доклад у военного министра; он водворился в новом помещении, на Кирочной, 24. Слышал от него новости мало успокоительные; всюду требуют войск, а их нет в достаточном количестве. Внутри империи происходят аграрные беспорядки, громят, сжигают и уничтожают помещичьи усадьбы; войск нехватает, так как они требуются во многих местах. К тому же и на войска трудно вполне полагаться: и в них замечаются местами волнения.

11 н о я б р я. — Много трачу времени на чтение «Нов. времени». Меньшиков напечатал любопытную статью о действиях графа Витте, объясняя его кажущуюся нерешительность твердым решением выждать, чтобы все развивающееся революционное движение, ужаснув, наконец, благоразумные части общества, побудило их удушить революцию.

12 н о я б р я. — Пока я был в Ташкенте, Митя для большей безопасности выпросил, чтобы на время беспорядков ставили во дворец караул (унтер-офицерский) без часового у фронта.

Осмелился высказать государю мысль, давно подсказанную мне Павлом Егоровичем Кеппеном и запавшую мне в голову, а именно, чтобы в высочайших телеграммах воинским частям с поздравлением с их праздниками не было более слов «пью за ваше здоровье». Несомненно эти слова не способствуют уменьшению пьянства в войсках.

17 н о я б р я. — Утром читал «Нов. время». Бунт в Севастополе подавлен ценою многих жизней. По крайней мере, хотя в этом одном случае почувствовалась твердая власть.

Министерство внутренних дел утвердило изменения устава консерваторий, о которых они просили, желая получить некоторую автономию. Мне хочется избавиться от вице-председательства Общества [1]).

В Москве забастовали чиновники почтово-телеграфного ведомства. К вечеру забастовка перешла и в Петербург.

19 н о я б р я. — Вчера утром оставался в Мраморном. Почтальон газет не принес, вообще за весь день писем не получал ради забастовки. Пришлось послать человека купить «Нов. время» на улице.

У нас завтракали морской доктор А. Д. Рончевский и измайловец Рихтер. Между ними шел ожесточенный политический спор. Один, Рихтер, настаивал на необходимости прибегнуть к войскам для водворения в России порядка, другой находил, что надо опереться на союзы, стоящие за правовой порядок.

---

[1]) Так в подлиннике.

20 ноября. — Королева английская дважды телеграфировала ей [1]) по-датски, умоляя обождать отъездом или, по крайней мере, ехать на Берлин, и предупреждала, что им за границей виднее и положительно известно, что через Польшу ехать опасно. Но все распоряжения уже были сделаны, и Оля, хотя не без некоторой тревоги, все же решила ехать, как было предположено.

Мучительно наше время, время тревог и волнений, смуты и нестроения, недоразумений и боязливых ожиданий. У людей самых благомыслящих создалось мнение, что гр. Витте играет в руку революции, так как со времени его назначения первым министром вышло уже два манифеста, объявляющих новые положения, тогда как новые законы не выработаны. Этот детский прием как-то слишком странен в руках Витте, уже более 10 лет бывшего министром и, следовательно, имеющего надлежащий опыт. Умеренная печать — «Нов. время» — нападает на правительство за его бездействие и нерешительность. Ходит слух, будто Витте будет сменен А. Гучковым. 23-го ожидают больших беспорядков, резни на петербургских улицах и всеобщей забастовки. Забастовка почты и телеграфа во многих местах продолжается. Вчера во весь день я не мог получить «Нов. времени».

Петербург.

22 ноября. — Тамошний командующий войсками Сухомлинов написал мне, что, по имеющимся у него сведениям, в Киевском военном училище замечается волнение умов, которое не утихнет, если не будут устранены несколько офицеров; в числе их упомянут и баталионный командир Левитский. Надо узнать, в чем дело.

23 ноября. — Бедного Сахарова, бывшего военного министра, посланного теперь в Саратов для усмирения аграрных беспорядков, одна женщина убила тремя выстрелами из револьвера в доме саратовского губернатора. Забастовка почтово-телеграфных чиновников продолжается. Множество частных лиц, дам, барышень, офицеров и всяких служащих предложили почтамту свои услуги и исполняют дело бастующих. Павел Егорович строго порицает правительство графа Витте за его бездеятельное, нерешительное отношение к забастовкам. Вместо того, чтобы обратиться к Сенату для выяснения, как взглянет закон на бастующих, Витте, не через дипломатов, а при помощи финансовых агентов, справляется о законах для бастующих в иностранных государствах. По отношению к пресловутому якобы всероссийскому, а в действительности лишь самозванному съезду земских и городских деятелей в Москве та же нерешительность. Вместо того, чтобы запросить губернские земства, в самом ли деле съехавшиеся в

[1]) Т.-е. Ольге Константиновне, греческой королеве, гостившей в Петербурге.

Москве деятели являются представителями, уполномоченными земствами, Витте входит в тайные сношения с одним из заправил съезда известным Петрункевичем.

В обществе многие считают графа Витте изменником, играющим в руку революции.

Был на празднике в Николаевском корпусе, потом в Академии. Заезжал в женский педагогический институт. Занятий нет — все идут сходки; слушательницы разбились на два стана: правые хотят учиться, левые стремятся к устройству в институте митингов с посторонними лицами. Профессора тоже раздвоились.

Павловск.

24 ноября. — Министры военный и путей сообщения, а также сам гр. Витте с разных сторон получили телеграммы о том, будто бы в Кушке приговорен к смертной казни какой-то инженер и что приговор должен быть приведен в исполнение до ночи на 23-е, с угрозою, что, если казнь состоится, последует всеобщая забастовка железных дорог. Все это изложено в правительственном сообщении; как будто извиняются, что не имеют из Кушки никаких сообщений вследствие забастовки телеграфа, — известия же и угрозы посланы железнодорожными и телеграфными служащими.

Совет министров приказал приостановить исполнение приговора. Впечатление от правительственного сообщения самое печальное — опять бездействие власти, опять расшаркиваются перед революционерами, которые ликуют по случаю убийства Сахарова и требуют освобождения убийцы.

Царское Село.

26 ноября.—Парад георгиевским кавалерам, что никогда еще не случалось, состоялся в Царскосельском Большом дворце, так как государю опасно ездить в город, где он не был с 6 января, если не считать прибытия на императорскую станцию к похоронам генерал-адъютанта Гессе.

Павловск.

28 ноября. — Всюду распространившееся по России неповиновение старшим, предъявления различных прав, стачки и забастовки отразились и на нашей прислуге как дворцовой (только в Павловске), так и конюшенной (и в Павловске и в Мраморном). Короченцов случайно, через своего человека, узнал, что среди здешней прислуги ходит какой-то подписной лист, куда вносят свои имена служителя, требуя увеличения содержания. Короченцов собрал прислугу ранее чем она успела подать лист и заявил ей, что никакие требования, предъявляемые скопом, не будут выслушиваться. То же и на ко-

нюшне; началось в Мраморном, откуда приезжал конюх на здешний запасный двор, а старшие — в Мраморном; кучер мама Миронов и здесь мой конюх Заздравный, хотя сами не подписались на листе, но и не предупредили ни Павла Егоровича, ни Сашеньку.

После завтрака у Анчутиных с новым полоцким директором Ваулиным, который очень мне нравится, дома принимал одного из директоров Петербургского отделения Музыкального общества — Черемисинова и представителей художественного совета здешней консерватории и, вручив им разрешенные министерством вн. дел. временные правила автономии, объявил, что если и после исполнения этого желания совета и учащихся в консерватории будут допускаться митинги с посторонними лицами для обсуждения политических вопросов, то я буду вынужден не временно только, а совершенно закрыть консерваторию.

30 ноября. — Пошел снег, метель, что не помешало мне поутру гулять в Павловске. Тревожное настроение во всей России; тяжелый удушливый воздух, как перед грозой. Все ждут, когда же, наконец, будут объявлены выборы в обещанную Государственную думу; правила о выборах еще не утверждены, их пересматривают, и дума все откладывается, — а от нее ждут спасения. Но не грянет ли гром раньше, чем она соберется? И из какой тучи? Настанет ли восстание или предупредит его диктатура? Страшно. Все ждут чего-то.

Петербург.

1 декабря. — Приняли с женой нового министра финансов Шипова. Он смотрит мрачно на положение дел, опасаясь, что наши финансы не выдержат и придется приостановить размен кредитных билетов на золото, как его ни много.

Павловск.

3 декабря. — Удручающее впечатление сделало на меня известие, полученное «Нов. временем» по телефону из Москвы, о возмущении во 2-м гренадерском Ростовском полку. Зараза, как гангрена, все глубже и дальше разъедает Россию, не щадя и войск. Ужели и они не устоят под напором пропаганды?

Проведя день в Павловске, после обеда поехал в город, в дом гр. Сольского, в заседание Комитета финансов. Состав его несколько изменился; были новые члены — министр финансов И. П. Шипов и государственный контролер Д. А. Философов. Бывший министр финансов В. Н. Коковцов стал членом комитета. Присутствовали гр. Витте, П. А. Сабуров, П. Хр. Шванебах, Иващенков и Ф. Г. Тернер, а также Малешевский и директор Государственного банка Тимашев. Шипов

изложил состояние финансов: они выдержали несчастную войну. Она причинила, конечно, ослабление, но положение в августе было не слишком тяжелое. Доходы и по заключении мира поступали — даже в большем количестве, чем год назад, а именно на 92 миллиона. Расход по ликвидации войны — от 800 миллионов до 1 миллиарда. Ради начавшейся в октябре смуты доходы перестали поступать. Началась паника среди капиталистов, они стали сбывать деньги за границу. Витте заявил, что тоже перевел туда свои деньги, но в русских ценностях, тогда как некоторые, даже высокопоставленные люди (напр., живущий в Париже флигель-адъютант кн. Алексей Орлов и ст.-секретарь А. С. Танеев) продали за бесценок свои русские бумаги на весьма значительные суммы и купили иностранные; по их примеру многие стали делать то же. За один месяц из банков в Петербурге и Москве выбрали 60 миллионов. Денег в банки дают все меньше. Фонды падают.

Коковцов предложил издать правительственное сообщение, в котором «пригвоздить к позорному столбу» русских людей, позволивших себе из личных расчетов и опасений поселить панику. Витте заявил, что если удастся в 3 ближайшие месяца побороть революцию, финансы, может быть, выдержат; если же смута будет продолжаться, придется остановить размен кредитных билетов на золото. Это будет апогеем наших бедствий. Он предложил, чтобы Коковцов и Шванебах от имени Комитета финансов вместе с Шиповым следили постоянно за ходом дел, чтобы придумать средство для отстранения беды и не упустить момента, если действительно придется остановить размен. Гр. Витте рассказал, что днем арестовано 200 человек главнейших заправил революционеров [1]).

6 д е к а б р я. — В балтийских губерниях полное восстание. Туда посылается под начальством свиты е. в. ген.-майора Орлова отряд из л.-гв. 2-го стрелкового баталиона (которым командует Петя Дельсаль), лейб-улан и гвардейской конной батареи.

8 д е к а б р я. — Революционеры сбросили маску и открыто призывают к восстанию. В Москве они издали «манифест» и объявили всеобщую забастовку. Там их, должно быть, боятся — торговля прекратилась, на многих железных дорогах не работают, электричество погасло, конки не ходят. Дубасов объявил Москву в положении чрезвычайной охраны. В Петербурге всеобщая забастовка не удается, жизнь течет почти как обыкновенно, только местами тухло электричество, и некоторые лишь заводы прекратили работу. Не близко ли к развязке?

---

[1]) Речь идет об аресте Испол. Комитета Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

9 декабря. — Занятия в институте, названные профессором Форстеном «академическим интермеццо», идут правильно. Человек 10 гимназистов приходили в институт «снять» гимназисток, но им это не удалось. Ходит слух, будто А. Гучков заменит графа Витте. Железные дороги петербургского узла не примыкают к забастовке и работают вполне правильно. Вообще в Петербурге забастовка удается только на некоторых заводах; торговля же продолжается, электричество горит.

10 декабря. — Несмотря на объявленное мятежниками вооруженное восстание, в Петербурге на улицах совсем спокойно, и замечается большое движение.

11 декабря. — Читаешь газеты с жадностью. В Москве вооруженная борьба, баррикады, действуют — со стороны мятежников боевые дружины, со стороны правительства — войска. До 5 000 убитых и раненых. Мне кажется, войскам следовало бы действовать решительнее, тогда бы и неизбежное кровопролитие окончилось скорее.

Не близко ли к развязке?

13 декабря. — В Москве войска упорно бьются с мятежниками, которые то здесь, то там строят баррикады; их стараются уничтожить пулеметами и артиллерией. На многих железных дорогах прекращено движение, забастовки замечаются на многих заводах, даже в Петербурге, где сравнительно гораздо спокойнее. Но и у нас кое-где насильственно принуждают конки приостанавливать движение, опрокидывают вагоны. Есть случаи столкновений с полицией и войсками, есть раненые и даже убитые.

Вышли новые правила о выборах в Государственную думу.

15 декабря. — В Москве спокойствие еще не окончательно наступило, но, повидимому, войска уже имеют перевес над мятежниками.

17 декабря. — В Москве беспорядки прекратились, но в прибалтийских губерниях и по многим местностям России ужасы не ослабевают.

19 декабря. — Завтракал у Анчутиных, а в 2 был в Академии. Согласился на созвание чрезвычайного общего собрания, чтобы обсудить, устраивать ли 29-го обычное торжественное собрание. Это было надо ввиду заявления акад. Маркова, что едва ли удобно не отменять «торжественного» собрания ввиду московских событий. Марков выражался не резко, но в его словах мне слышался такой смысл: уместны ли торжества, когда льется кровь борцов за свободу? Конечно, по понятиям Маркова, кровь солдат, наших защитников и усмирителей мятежа, не стоит того, чтобы ее оплакивать. Только Марков да Ляпунов и были за отмену заседания 29-го числа, первый — по уже изложенной причине, а второй — во избежание беспорядков, которые

могли бы возникнуть, так как вход в Академию бесплатный и без билетов, и могли бы легко проникнуть лица, склонные к устройству скандалов. Но значительное большинство стояло за то, чтобы торжественное заседание было как всегда.

Обед у преображенцев на Кирочной. Впервые был там новый главнокомандующий. Николаша просил меня, чтобы, в случае возникновения восстания в Петербурге, можно было рассчитывать на мои военные училища, и ждет от меня сведений о числе штыков и шашек. Конечно, я согласен.

20 д е к а б р я. — В Москве положение дел улучшается. С Сибирью и Кавказом телеграфное сношение прервано. Войска из Манчжурии прибывают крайне медленно; их мало, почему трудно рассчитывать на скорое повсеместное подавление мятежа.

В Петербурге тихо.

Ц а р с к о е С е л о.

27 д е к а б р я. — Слышал от государя, что кавказский наместник граф Воронцов-Дашков не на шутку болен и просил об увольнении. Теперь телеграф и почта и железнодорожное сообщение на Кавказе в руках мятежников, и оттуда уже несколько времени нет известий. Государь говорил мне, что на Сибирской железной дороге, восточнее Омска, царит полная анархия; там орудуют стачечники и примкнувшие к ним железнодорожные баталионы. Отсюда посылается усмиривший восстание в Севастополе ген. Меллер-Закомельский с военным отрядом, и ему поручено пробиваться на восток навстречу отряду, движущемуся с востока, и восстановить порядок.

(Окончание следует)

Из записной книжки архивиста.

Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну.

Опубликованные ранее [1]) материалы по вопросу о русских солдатах, находившихся во Франции в период мировой войны, с очевидностью доказывают наличие торгашеской сделки, по инициативе французского правительства совершенной правительством Николая Романова в декабре 1915 г. В мае 1916 г. она была закреплена и поставлена на практическую базу соглашения, в котором самое деятельное участие приняли два «социалиста» Альбер Тома и Вивиани, специально приезжавшие в Петроград и удостоившиеся «высочайшего завтрака».

Даже наших прожженных дипломатов и «защитников престола и отечества» — генералов коробило от того неприкрытого цинизма, с которым представители «демократической» Франции предлагали за 400 000 русских солдат, кроме всего прочего, — как обещанного, так и уже присланного, — добавить лишних 150 000 ружей. Тем не менее они пошли на сделку. Печатаемые ниже документы отражают ряд моментов в этой эпопее посылки русских солдат во Францию для участия в борьбе с немцами и их союзниками на Западном и других фронтах империалистической войны.

Как известно, период участия русских солдат в мировой войне на Западном фронте после свержения царизма закончился расформированием французскими властями русских «особых полков» во Франции и на Балканах, разгоном солдатских организаций (комитетов и судов), заключением в тюрьмы и ссылкой на острова и в Сев. Африку всех не желавших принимать дальнейшего участия в мировой бойне.

Эта расправа тесно переплеталась с наглой ложью, примером которой является публикуемая ниже телеграмма официального агентства «T. S. F.», напечатанная в газете французского командования в Салониках «L'indepéndant» от 22 июня 1918 г., где развязно заверялось, «что ни один русский солдат не был принужден или силой использован не только как солдат, но и как рабочий», и это говорилось в то время, когда бывшие победители Флорины и Монастыря сидели за проволочными заграждениями, водяными рвами и стеной (буквально) пулеметов, перенося многодневные голодовки и т. п., за то, что отказались продолжать мировую войну и не вступали в добровольческие легионы, которые уже тогда формировались для переброски на фронт против страны Советов.

Публикуемые нами документы воспроизводятся с подлинников, хранящихся в Моск. Центр. Военно-Историческом Архиве, Архиве Революции и Внешней Политики, а также в архиве Общества бывших солдат, находившихся во Франции и на Балканах.

А. Ковалев.

[1]) Сборник секретных документов из архива быв. МИД, изд. НКИД, 1917 г., «Красный Архив,» тт. XV и XXVIII и др.

Всеподданнейшая докладная записка военного министра от 5 декабря 1915 г. [1])

Прибывший из Франции сенатор П. Думер заявил ходатайство французского правительства о высылке от нас во Францию укомплектований из запасных батальонов, в количестве всего около ..... [2]) тысяч нижних чинов, с отправлением их через Архангельск ежемесячными эшелонами по 40 тыс. примерно в эшелоне.

Ваше императорское величество изволили признать на личном моем о сем докладе 24-го ноября цифру в 300 000 для нас неприемлемой.

Начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил мне, что французское правительство, возбуждая этот вопрос, совершенно, повидимому, не учитывает его нравственной стороны. Рассматривая человека, как предмет исключительно материальной части, не принимает во внимание того отрицательного впечатления, которое несомненно произведет на широкие круги населения России подобная трактовка человеческого материала.

Однако, чтобы обеспечить за собою в будущем получение нами из Франции заказанных предметов боевого снабжения, начальник штаба верх. главнокомандующего полагал бы возможным, в качестве крайней уступки, осуществить пожелание французского правительства в несколько иной форме, путем посылки во Францию бригады пехоты в составе двух полков, во главе с командиром бригады, имея последнего, командиров полков и ротных командиров, а также лиц административно-хозяйственного персонала из состава русской армии, с тем чтобы этот командный состав послужил бы кадром для укомплектования впоследствии бригады офицерами французской службы.

По возвращении из ставки г-н П. Думер представил мне записку, которая, излагая общие принципы отправления на французский фронт ежемесячно по 40 тыс. нижних чинов и признавая осуществление настоящей меры в зимние месяцы крайне затруднительным, предлагает ограничиться опытом в границах, определенных соображениями генерала-от-инф. Алексеева.

При этом г-н П. Думер заявляет, что вслед за вводом в боевую линию французской армии бригады русской пехоты представится возможным судить о будущем сотрудничестве русских войск с французскими в более широком масштабе.

Испрашивается: в случае, если вашему императорскому величеству благоугодно будет соизволить на предложенное, на кого полагалось бы возложить командование бригадой, направляемой во Францию?

Генерал-от-инф. Поливанов.

Скрепил: генерал-от-инф. Беляев.

5 декабря 1915 г.

Копия шифрованной телеграммы военного агента во Франции Игнатьева от 29/30 июня 1916 г.

Сенатору Гарину.

Предварительные переговоры с французским правительством идут туго. Финансовая конференция в Париже не состоялась, переносится в Лондон, куда выезжаем сегодня. Предупреждаю, что может представиться необходимость поставить в связь финансовые переговоры с вопросом дальнейшей посылки на-

[1]) На копии, с которой здесь воспроизводится документ, имеются следующие пометы: «На подлин. собств. его величества рукою написано: «Я посоветуюсь с генералом Алексеевым. Готовить бригаду можно». 6-го декабря 1915 г. Генерал Поливанов». — «Верно. — Нач. отд. по устройству и службе войск ГУГШ. Генерал Каменский».

[2]) Пропуск в копии.

ших войск во Францию. Министр финансов предполагает получить итальянские лиры путем банковой операции, почему в Петрограде ничего предпринимать не надо. Телеграфирую по соглашению с министром Барком. Беляев объезжает фронты. Михельсон № 682. Игнатьев.

Верно. Прапорщик Колесников.

Письмо ген. Дитерихса ген. Алексееву от 24 июля 1916 г. [1])

11/24 июля 1916 года. Тулон.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Васильевич.

Относительно своей бригады могу дать лишь краткий очерк организации, так как до места еще не добрался, а застрял с починкой руля в Тулоне, куда вовсе не должен был попадать.

В пределах Франции от Бреста до Марселя, по железной дороге, перевозка была сплошным триумфом, но это все внешняя, так сказать, картинная сторона дела, которую так любят французы и в чем они, кажется, склонны видеть сущность дела. Явилась и обратная сторона медали.

Прежде всего разговор с президентом поразил меня его хорошей осведомленностью в военном положении и малой глубиной суждений, пожалуй даже легкомысленного свойства, политических обстоятельств. [2]) Он горячо отстаивал, что одно наше появление в Салониках способно совершенно перевернуть направление Болгарии и может привести к скорой развязке вопроса на балканском театре. Осторожно я пытался говорить ему, что до нанесения Болгарии сильного удара трудно рассчитывать на возможность перемены направления в Болгарии, но он стоял на своей мечте, и горько мне будет, когда он разочаруется...

[1]) Письмо публикуется в извлечениях.

[2]) Так в подлиннике.

Другая сторона медали выяснилась при посадке нас на вспомогательный военный крейсер в Марселе: во-первых, он оказался неисправным, и мы принуждены были свернуть в Тулон.

Затем оказалось, что по каким-то причинам французский военный корабль проявил к нам гораздо меньше любезности, чем вся остальная Франция: хлеб солдатам дали гнилой; еды, что кот наплакал; воды так мало, что втечение дня ее не дают, чтобы помыть руки; офицерам кроме пива и вина — никакого питья, и это — при сильной жаре! По этому поводу приходится мне высказать капитану судна несколько кислых слов...

Секретная телеграмма посланника в Афинах Демидова в министерство ин. дел от 21 (8) ноября 1916 г. № 754.

Телеграфирую в Салоники:

Благоволите доставлять миссии по телеграфу периодичные, по возможности, точные сведения о действиях наших войск на македонском фронте. Сведения эти мне нужны для официальных сообщений здешней печати, совершенно умалчивающей о причастности русских к операциям союзников и приписывающей вследствие этого их успехи почти ..[1]) французскому и итальянскому содействию.

Демидов.

Шифрованная телеграмма посла в Париже Извольского в министерство ин. дел от 12 декабря 1916 г. № 626.

Березников просит сообщить Красному кресту следующее: в этой телеграмме генерал Дитерихс уведомляет: вторая салоникская бригада все больше нуждается во вьючном санитарном транспорте. От командира IV полка,

[1]) Пропуск в подлиннике.

находящегося временно в Париже, знаю, что перевозка раненых в горной местности происходит в невообразимо тяжелых, удручающе действующих на здоровых солдат условиях, с причинением жестоких страданий и подчас новых увечий и с запозданием до двух суток вывоза раненых с места боя. Другая бригада в тех же тяжелых условиях. Ввиду трудности быстро организовать вьючные транспорты, прошу согласия на заказ ста специальных ручных повозок системы Пюизе, премированных Красным крестом, кажется, в двенадцатом году, что обойдется около 92 000 франков, т. е. значительно дешевле вьючных транспортов.

Заказы меньше ста штук не принимаются, а так как на полк требуется по 20, то в Салоники было бы послано 80, и 20 роздано русским отрядам на французском фронте.

Извольский.

Рапорт военного агента в Греции ген. Муханова от 1 апреля 1917 г. № 21 [1]).

В конце февраля наш генеральный консул в Со́луни в письме посланнику обрисовал взаимные отношения наших и французов там весьма обостренными и грозящими в будущем осложнениями. По просьбе посланника я съездил в Салоники, чтобы выяснить положение на месте. Побывав там, я посетил фронт наших бригад. Отношения между нашими и французами, действительно, недостаточно дружелюбны...

Интендантские и хозяйственные чины, с своей стороны, говорят, что французы не только недостаточно предупредительны к нашим войскам, как к гостям, но даже несправедливы, с общей товарищеской точки зрения, удовлетворяя прежде всего свои войска, а наши — поскольку хватает, да и то «прижимисто», и не всегда без известных настояний с нашей стороны. В Салониках в госпиталях жалуются на недостаточно внимательный уход за нашими ранеными и больными.

Шифрованная телеграмма ген. Занкевича из Парижа от 21 апреля 1917 г.

Прошу передать копии военмину и наштаверху.

Среди офицеров и солдат наших войск во Франции много желающих продолжать службу на французском фронте. Считая оставление части русских войск, которые явились бы как бы русским знаменем, на французском фронте явлением желательным по причинам политического характера, я предварительно доклада о сем Временному правительству вошел в сношение с французскими военными властями, которые передали этот вопрос на окончательное разрешение генерала Петэна. Сегодня я имел продолжительный разговор об этом с генералом Петэном. На мое предложение оставить здесь бригаду в составе двух — четырех батальонов из желающих и при этом лучших солдат и офицеров, причем я гарантирую полный порядок в этой бригаде, Петэн категорически заявил, что он, к большому своему сожалению, ни в коем случае не может согласиться на оставление на французском фронте частей с комитетами. Тогда я спросил Петэна, не найдет ли он это возможным при условии некоторого сужения функций комитета. На это Петэн ответил следующее: «Как вам известно, факт введения комитетов в вашей армии вызвал у нас ряд случаев тяжелого нарушения дисциплины на почве требования подобных же комитетов. В настоящее время мы справились с этим явлением. Появление на фронте ваших войск с комитетами в какой бы то ни было форме грозит возобновлением упомянутых выше случаев тяжкого нарушения дисциплины, что я не могу допустить. В отношении вашей части в полном порядке опаснее для нас плохо дисцип-

[1]) Публикуется в извлечениях.

линированных частей [1]). Я могу согласиться на оставление вашей части на французском фронте лишь при полном упразднении комитетов, т. е. при возвращении к прежней дисциплине.

Если бы ваше правительство согласилось на это, я все же просил бы не соединять сразу батальоны в бригады, а оставить предварительно на 2—3 месяца в составе французских полков, так как я опасаюсь, что переход к прежней дисциплине может в первое время вызвать трения даже среди заведомо согласившихся на это солдат. Я могу предложить также желающим русским офицерам и солдатам на общих основаниях перейти на французскую службу, а именно в Первый иностранный легион, который покрыл себя неувядаемой славой».

Сильно сомневаясь в приемлемости условий генерала Петэна, доношу вышеизложенное на разрешение правительства, прося не оставить меня срочным по сему ответом. Прошу также срочно сообщить мне, может ли быть допущен переход на французскую службу желающих офицеров и солдат. Париж. Четверг. № 1106.

Заикевич.
Бобриков.

Шифрованная телеграмма ген. Дитерихса на имя генерал-квартирмейстера из Салоник от 7/10 мая 1917 г.

Для ГУГШ. 26 апреля, после четырехдневной подготовки, французская восточная армия, итальянцы, моя бригада атаковали противника на высотах Селеп-Козпланины. На бригаду было возложено обеспечить справа главную атаку французской дивизии. В 6 ч. 30 м. утра, после шаблонного получасового артиллерийского огня, все дивизии должны были штурмовать одновременно; противник был исключительно немцы. Наши французы вследствие полного непонимания горной войны были остановлены и вернулись в свои окопы. Через полчаса по начале штурма бригада штурмовала пятью батальонами и овладела укреплениями высоты Дабица, к северу деревни Макаво, взяв сто девять [1]) живых немцев, четыре офицера, три траншейных орудия. Выдвинутость и изолированное положение бригады позволило немцам сосредоточить на ней перекрестный огонь всей своей артиллерией; войска держались геройски и лишь к 21-му часу, под давлением огня, были вынуждены очистить взятую высоту. Из трех тысяч штыков, участвовавших в операции, бригада потеряла 1 300 убитых, раненых, контуженных, без вести пропавших. Особенно тяжела потеря десяти ротных командиров из двенадцати выбывших офицеров. Поведение обоих полков заслужило общее восхищение высшего французского начальства. Особенно искусно действовал четвертый полк, которому принадлежит честь взятия Дабицы. Прошу скорейшей присылки укомплектований, если возможно — несколько боевых офицеров. Прошу выслать до 1 500 георгиевских медалей, крестов, преимущественно четвертой и третьей степеней. Французы ввиду своих неуспехов совершенно умалчивают в своих сообщениях о действиях наших войск. — № 9.

Дитерихс.

Шифрованная телеграмма ген. Артамонова оген-квар из Салоник от 30 июня 1917 г.

Узнав от генерала Сарайля о его намерении выдвинуть недели через две нашу 2-ю особую дивизию снова на фронт, я доложил генералу, что, по имеющимся у меня сведениям о настроении бригад, такое распоряжение ныне может вызвать не только неудовольствие, но даже беспорядки и от-

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Точно по расшифровке. — (Примечание в подлиннике.)

каз итти на позицию, ибо предоставленный для отдыха срок не считается достаточным вообще по сравнению с отдыхом, коим пользуются здесь другие контингенты, а в частности недостаточен для полков второй бригады, привлеченных к участию в экспедиции в Старую Грецию, причем побывавший в Афинах 3-й полк только что присоединился к дивизии в Кисаровичи, совершив походным порядком 10-дневный переход от Салоник, и отдыха почти не имел. Я не скрыл от генерала неудовольствие наших солдат французами, ввиду проявленных ими здесь за время революции и бездействия на русском фронте нервности, нетерпения и нанесенных нашим чинам оскорблений. К нашим победам в Галиции некоторые пока еще относятся с недоверием. Надеюсь [1]), что достаточный отдых и продолжение успехов на русском фронте внесут успокоение и здесь. Не сомневаюсь, что несколько слов обращения нашего правительства или военного министра ко второй особой дивизии, являясь знаком внимания к заброшенной в чужую среду русской части, сильно способствовали бы восстановлению ее духа и боевой способности. Желательно также обратить тыл [2]) генерала Сарайля на необходимость учитывать особенности русских революционных войск. — № 1065.

Артамонов.

Секретное отношение центр. военно-почтово-телеграфного контрольного бюро в министерство ин. дел от 8 августа 1917 г. № 70.

В министерство иностранных дел.

Из препровождаемых при сем в качестве образца пяти (девяти) [2]) писем усматривается, что русские солдаты, сражающиеся на французском фронте, постоянно жалуются на свое крайне тягостное с моральной точки зрения положение, проистекающее, главным образом, от враждебного к ним отношения французов.

В частности, обращают на себя особенное внимание содержащиеся почти в каждом письме жалобы на небрежное, а подчас и грубое отношение французского медицинского персонала к нашим раненым.

Считаю долгом довести о вышеизложенном до сведения и на зависящее распоряжение министра иностранных дел.

Начальник бюро подполковник Елагин.

Шифрованная телеграмма ген. Каменского ген. Артамонову в Салоники от 18 сентября 1917 г.

№ 643. ГУГШ полагает, что генералу Сарайлю не предоставлено право утверждать штаты частей русской армии. № 3753. 18/IX 1917 г.

Каменский.

Приложение к § 1 приказа № 1 по 2-й особой пехотной дивизии от 13 января 1918 г.

№ 1.

Выдержки из утвержденного французским правительством положения о русских контингентах на территории Франции:

Весь контингент русских войск поступает в полное иждивение французского правительства как в отношении удовлетворения денежными окладами, так и в отношении прочих, установленных во французской армии, выдач.

Русский командный состав ответственен перед французским командным составом в отношении порядка и дисциплины. Французский командный состав обеспечивает общую дис-

[1]) Пропущена одна группа; точно по расшифровке. — (Примечание в подлиннике.)

[2]) Так в подлиннике.

циплину и порядок всеми средствами, которыми располагает.

Войсковые комитеты и дисциплинарные суды упраздняются. Для общего командования и административного управления русскими чинами будет утверждена русская база под командой генерала русской службы и французской службы начальника штаба и интенданта. Нормы содержания, довольствия и всех прочих отпусков для русских контингентов приравниваются к таковым же во французских войсках.

Русские контингенты будут использованы:

1) как боевая часть на французском фронте (из чинов первой категории, если будет возможно организовать добровольческие части);

2) как военные рабочие в тылу армии;

3) не пожелавшие же нести боевой службы или работать в тылу армии будут распоряжением французского правительства отправлены в Северную Африку.

Французская администрация обеспечивает русских жалованьем, довольствием, содержанием и всеми необходимыми принадлежностями. Так как русский контингент будет состоять на полном иждивении французского правительства, то французская администрация контролирует все отпуска и требует все существующие отчеты.

На русский командный состав возлагается исполнение административных распоряжений и истребование жалованья, довольствия, снаряжения и всего прочего и распределение их.

Размер денежного содержания, отпуск продуктов, отопления и освещения и прочих видов довольствия в тех размерах, какой установлен для французских частей, с прибавкой особого содержания, вызванного дороговизной. Это особое содержание не выдается только не работающим. Расклад денежного довольствия указан в приложении № 2.

Состоящие во 2-й категории могут быть: 1) употребляемы как рабочая сила на разные работы, на нужды в в армии, в тылу.

2) К этой категории относятся непривлеченные временно к работам, находящиеся на излечении в госпиталях и все освобожденные от работ. Для отнесенных ко 2-й категории устанавливается такой же режим, какой установлен для военнообязанных французских рабочих, находящихся на излечении в госпиталях, и получают все положенное содержание. Они находятся на одинаковых условиях с французскими военными равного с ними чина или звания в том же госпитале. По усмотрению командира роты, эти солдаты продолжают получать особое содержание ввиду дороговизны жизни.

Командир бригады генерал-майор
Беляев.

С подлинным верно. Старший офицер штаба капитан Антоновский.

Г. Флорина (Македония). 18 января ст. ст. 1918 г.

Протест группы русских, находящихся в 8-й роте «бис» (дисциплинарной, русских принужденных рабочих) [1]).

Главнокомандующему салоникским фронтом генералу Франше д'Эспере.

Счастливый случай дал нам газету «L'indepéndant» от 22 июня сего 1918 г., издающуюся в гор. Салоники (Греция) и, несомненно, цензурованную высшим французским командованием, в которой помещена статья «Тенденциозные неточности», содержащая буквально следующие утверждения: ни один русский не был силой ни зачислен, ни удержан в качестве сражающегося или рабочего. Французское правительство

[1]) Заголовок подлинника.

предоставило каждому русскому поступить по своему желанию [1]).

Мы случай называем счастливым потому, что он окончательно открывает нам глаза на весь произвол, совершаемый над нами.

Мы себе не можем представить, чтобы ни один высший чин французского главного штаба на салоникском фронте не знал о нашем действительном положении. Ведь тот же генерал Гамбетта кем-нибудь да был назначен на пост командующего русскими войсками после расформирования, и от кого-нибудь же получили приказание силой заставить выйти 3-ю категорию на работы.

Силой, именно грубой силой оружия, примененного против безоружных и изнуренных не добровольными, а насильственными голодовками людей, добилось «доблестное» и «благородное» французское командование двоякой цели: во-первых, выделения более слабых в 1 и 2-ю категории, и, во-вторых, выхода на работы 3-й категории.

Да, грубой силой! С какой поразительной раболепностью налетела африканская кавалерия, под командой французских офицеров, на 3-й батальон 3-го полка около ст. Вертикоп! На обезоруженных сыпались удары воинственных победителей не только плоской шашкой: для вящей убедительности пустили кровь, свидетелем чего английский госпиталь, принявший не одного из тех, кому французское правительство, как пишет газета, предоставило право поступать по своему желанию. Да, грубой силой! Разве иначе можно назвать голодовки, следовавшие немедленно за отказом от работ? Да какие голодовки! Только бесчеловечность может придумать такие меры. Ни кусочка пищи, ни капли воды! Недостаточно этого; хочешь оправляться — оправляйся около палатки или в самой палатке, если французские власти были настолько любезны и разрешали вообще строить палатки. А голодовки по 5 и 6 дней подряд? Да, грубой силой! Как назвать способ, когда непокорный кладется, голый и связанный, на один бок и принужден так лежать на сырой земле или стоять связанным тоже часами?

Может быть, у вас не называется грубой силой, когда вызывают человека, не желающего работать, предлагают снять очки (какое джентльменство!), и начинается по всем правилам бокса «убеждение» его на «добровольное соглашение»? Если человек — устойчивый и после перерыва отвечает на вопрос: «Будешь работать?» — «Нет», то следует продолжение, и не удивительно, что несчастный, ослабев, соглашается выйти на работу. Но не слишком ли развязно будет назвать такую

---

[1]) Даем ниже в переводе текст статьи «Тенденциозные неточности», напечатанной в газете «L'indepéndant» от 22 июня 1918 г.

«Париж. 21/VI 1918 г. T.S.F. Тенденциозные сообщения, вероятно, испирированные немцами, гласят, что русским солдатам, мобилизованным во Франции до революции, было отказано в свободном возвращении в Россию.

Не первый раз распространяются и опровергаются тенденциозные сообщения. Можно и должно противопоставить им безусловное и категорическое опровержение. Это ложь, что сражающиеся во Франции русские просили отправить их на родину после заключения мира. Ни один русский не был записан или удержан силой в качестве рабочего.

Французское правительство предоставило каждому русскому свободу поступить по своему желанию. Те, кто захотел остаться в рядах сражающихся, были распределены по различным батальонам, составляющим вместе русский легион. Те, кто захотел работать, используются во Франции в качестве рабочих добровольцев».

работу добровольной? Да, грубой силой! И любой русский 3-й категории доставит вам обильный следственный материал по поводу способов воздействия на наши желания, начиная метки картинками ударов прикладом или стеком и кончая возмутительными преступлениями вроде расстрела старшего унтер-офицера 8-го полка тов. Полякова и многочисленных ранений других, из которых не один умер в госпитале за свои убеждения.

Да, грубой силой, и в сочетании с поразительным гражданским мужеством! Разве это не гражданское мужество говорить нам перед разбивкой на категории высокопарными словами о том, что мы свободные и никто нас не хочет принуждать и каждый может поступить по своему личному желанию? Отдавать приказ, в котором нет ни звука о принудительных работах, а самому втайне приготовлять меч, который должен принудить непокорных! Разве это не гражданское мужество внушить сенегальцам, что рота, которую они будут охранять, состоит из «бошей» (немцев), переодетых в русскую форму? Разве это не гражданское мужество громогласно объявлять посредством радиотелеграфа заведомую ложь, приписывая правдивые утверждения немецкому внушению?

Не в первый раз нам встречаться с такой бесстыдной обработкой общественного мнения, но надо уважать себя, чтобы дойти до такой степени «благородства».

Да, горький для 3-й категории французский плен, тем более, что это исходит от французов, от которых мы этого никак не ожидали, — будет тем дольше вспоминаться, чем дольше нас будут принуждать работать. Несмотря на то, неоднократно мы слыхали бесцеремонные уверения из уст французских офицеров, что мы не пленные и нас не рассматривают как таковых. Конечно, мы не пленные, если нас держат так предупредительно, под стражей часовых с заряженными винтовками, и громогласно объявляют, что всякий, кто перейдет запретную линию, получит меткую пулю!

Какие мы пленные, когда немцы и болгары, находящиеся в руках французов, судятся по законам, утвержденным Международной конференцией, и пользуются, хотя изредка, контролем своих и иностранных комиссий, а мы, русские, по средневековому обычаю, судимся по «закону» наших поработителей, загнавших нас из боязни света и общения в глухие уголки и без того глухой Македонии!

Нам известна не одна жертва из нашей среды от французского штыка, пули или голода. Пусть они будут не последними [1]), но каждый удар топора или кирки рабочего 3-й категории увеличивают ваш позор!

Кто будет сочувствовать вам при продолжении этого постыдного насилия над обезоруженными?

Не вечно же будет продолжаться война и не можете же вы уничтожить 15 000 человек, чтобы скрыть ваше преступление!

Мы опять не будем работать, и мы требуем оставить нас в покое и принять все меры к нашему скорейшему отправлению на родину.

Уже шесть месяцев, как вы совершаете над нами насилие, и мы требуем отправки на основании самых элементарных международных прав человека.

Мы этого требуем потому, что в нас тлеет еще искра надежды, что в вас проснется чувство французов-освободителей, а не поработителей, каковыми вы являетесь сейчас.

Об одном обстоятельстве, единственно светлом, мы считаем долгом упомянуть. Это о нашей признательности тем чутким братским сердцам, бывшим, правда, почти исключительно под синей шинелью солдата, которые по

---

[1]) Так в подлиннике.

возможности облегчали нашу долю посильной помощью, часто прямым неисполнением имевшихся приказаний.

Радостно и тепло становилось на душе, когда тайком от офицеров, сквозь проволоку или дверь, просовывалась рука с хлебом, или часовой на посту, заметив убегающих, отвертывался, чтобы не видеть то, что он не должен был бы допустить. И мы не забудем наших сторожей, невиновных в наших несчастьях и помогавших, где и чем только было возможно. Но голос солдата пока беззвучен, нами играют отдельные лица, и мы требуем от вашей совести освободить нас и отправить на родину.

14/27 июня 1918 г. Бабчор (высота 2065). Македония (Новая Греция) [1].

Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г.

Публикуемые ниже документы из личного архива б. российского посла в Париже А. И. Нелидова являются дополнением к уже известным читателю публикациям Центрархива [1]).

Крупная политическая и историческая ценность новых документов заключается в том, что они ставят еще с большей ясностью и категоричностью, чем опубликованный до сих пор материал, вопрос о полной финансовой, а следовательно, и политической зависимости русского империализма от доброй воли его французского нанимателя. Эти взаимоотношения — слуги и хозяина — нашли себе яркое отражение в письме агента российского министерства финансов А. Г. Рафаловича на имя посла в Париже А. И. Нелидова от 26 (13) марта 1906 г., передающем содержание его беседы с французским министром финансов во вновь образовавшемся кабинете Сарриена, Пуанкаре. При всем своем «благоприятном отношении» к русскому займу, Пуанкаре твердо заявил, что одним из условий для него является «вполне удовлетворительное» завершение марокканского дела, причем он не ссылался на противодействие французского общественного мнения, как он это сделал в беседе с Нелидовым 18 (5) марта [2]).

При чтении этого письма не следует забывать, что радикал-социалист Пуанкаре в 1906 г. относился несколько иначе к императорской России, чем в годы, когда он возглавлял французский кабинет министров и был президентом. Недаром он входил в состав радикального кабинета Бриссона, появление которого у власти в июне 1898 г. вызвало сильную тревогу в Петербурге. Но здесь, конечно, дело не в личных симпатиях и антипатиях Пуанкаре, а в том презрительном отношении, которое проявилось французскими политическими кругами к императорской России, начиная с 1898 г. и особенно после ее дальневосточных неудач. В 1906 г. русско-французский союз был подвергнут испытанию с его практической стороны. В Париже, повидимому, сильно колебались, стоит ли вообще субсидировать императорскую Россию, не надежнее ли искать

[1]) Этот протест, за подписями всех солдат 4-х групп 8-й роты В (около 500 чел.), был вручен 2 июля н. с. 1918 г. капитану Барер, командиру роты сенегалов, охранявших русских солдат. Кроме того, протест, отпечатанный на шапирографе, был распространен в долине, где находились рабочие батальоны. Одновременно была объявлена голодовка протеста, и вся рота не вышла на работу.

[1]) Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 г. М., 1926 г., — «Россия и Алжезирасская конференция» («Красный Архив», т. XLI—XLII).

[2]) «Красный Архив», т. XLI—XLII, стр. 44.

нового союзника в лице Англии. В Петербурге это ясно сознавали и сильно тревожились. В ход был пущен весь государственный аппарат, начиная с самого Николая II. В этом отношении весьма характерной представляется телеграмма Витте, переданная Рафаловичем Нелидову 12 февраля (30 января) 1906 г. и содержащая в себе перечень услуг, оказанных Россией Франции (посещение Витте Вильгельма II в Роминтене, два личных письма Николая II Вильгельму и т. д.).

Но французский наниматель попрежнему не верил и отказывал в деньгах. А до какой степени последние были нужны, свидетельствует публикуемая ниже телеграмма Витте на имя Рафаловича от 29 (16) марта 1906 г. с признанием, что «почти чудо, что удалось продержаться до сих пор». Французская буржуазия вняла мольбе самодержавия и дала ему возможность, удушив первую революцию, продержаться еще некоторое время.

Текст публикуемых документов подготовил к печати Ф. В. Кельин.

Письма Рафаловича послу в Париже Нелидову [1]).

1.

12 февраля (30 января) 1906 г.

Г. посол. *Секретно.*

Вот копия политической части того, что я должен был сообщить Рувье: Рувье знает, что сделано графом [2]) в интересах Франции, чтобы помочь ей выйти из алжезирасских затруднений. Он знает это из сообщений, которые граф велел передать ему через французского посла в Берлине. Граф провел один день с Вильгельмом в Роминтене. Он объяснил всю ту тревогу, все те опасения, которые порождает марокканское дело. После продолжительной беседы с германским монархом он добился того, что последний отдал распоряжение по телеграфу Бюлову покончить с вопросом о конференции. Без этого вмешательства дело тянулось бы еще месяцы.

В настоящее время, по приказанию графа Кассини, даны определенные инструкции итти рука об руку с Францией, поддерживать ее. Его императорское величество дважды писал Вильгельму, что он заинтересован в спокойном и наивозможно скором завершении алжезирасского дела. Вильгельм в ответ написал, что он совершенно не понимает, откуда идут все эти росказни, все эти нелепые слухи, и что он сделает все возможное, чтобы дело закончилось спокойно. Он напомнил, что он дал слово во время беседы в Биорке не причинять никакого вреда Франции, пока она будет другом и союзницей России.

Таким образом, Россия сделала все от нее зависящее, чтобы обеспечить Франции приемлемый для нее исход. В телеграмме, полученной мною вчера, мне сообщалось, что телеграмма, дающая отчет о свидании с Рувье (чтобы объяснить связь между Аджезирасом и финансовой операцией, — ваше превосходительство эту телеграмму знает), дошла по назначению. «Мы сделали и сделаем все, что возможно».

Этой ночью я получил новую телеграмму: «Сообщите Рувье, что гг. Бомпар и Нелидов поставлены в известность о всех наших переговорах, преследующих цель направить конференцию на правильный путь. Они передают все эти данные Рувье. По моему впечатлению, немцы под нашим влиянием начинают склоняться к благоприятному решению, но необходимо, чтобы обе стороны проявили желание уступить».

Эту последнюю телеграмму я не замедлю передать г. Рувье.

Я отправляюсь в Лондон, где проведу два или три дня под предлогом свидания с моей сестрой О'Бриен.

Я вчера обедал вдвоем с Рошем, б. министром торговли, депутатом, кото-

[1]) Перевод с французского.

[2]) Витте.

рый меня несколько ободрил относительно торгового договора. Повидимому, Рувье намерен энергично вмешаться в это дело, и есть надежда провести договор.

С глубоким уважением
А. Рафалович.

2.

Понедельник, 26(13) марта 1906 г.

Г. посол.

У меня была продолжительная беседа с г. Пуанкаре, который был очень любезен.

Он сказал мне, что его отношение весьма благоприятно при двух оговорках:

1. Что марокккское дело окончится вполне удовлетворительно. Если это не случится, французское правительство не сможет оказать содействия кредитной операции во Франции.

2. Что будет доказана абсолютная конституционность займа. Я ему сообщил в ответ на этот вопрос вполне определенные данные, вытекающие из имеющего появиться указа о комитете финансов, который должен заниматься кредитными операциями, касающимися чрезвычайных расходов 1905 и 1906 гг., равно как и данные об узаконении от 8 марта, определяющем бюджетные функции обеих русских палат. Он сказал, что он пустит русский заем ранее французского. Однако, чтобы дать ему все возможные объяснения, я протелеграфировал графу Витте.

Новый министр [1]) доставит нам некоторые хлопоты вследствие своего желания (вполне для него законного) оградить интересы держателей, но я полагаю, что следует отнестись с доверием к его лояльности.

Искренно преданный вам
А. Рафалович.

К тому же я записал под диктовку министра вопросы, поставленные им и переданные графу В[итте].

[1]) Т. е. Пуанкаре.

3 [1].

29(16) марта 1906 г.

Г. посол.

По распоряжению графа Витте, имею честь сообщить вашему превосходительству телеграмму, полученную мною этой ночью:

«Ваша беседа с министром финансов наводит меня на мысль, что французское правительство ведет какую-то игру в деле займа.

Наш бюджет на 1906 г. и сопровождавший его отчет министра финансов ясно свидетельствуют о том, что для покрытия дефицита 1905 и 1906 гг. мы нуждаемся приблизительно в 680 милл. рублей. Сверх того, все знают, что нам нужно покрыть наши краткосрочные обязательства во Франции и Германии.

Только республиканский министр может сомневаться в суверенном праве монарха заключать заем. Впрочем, если Коковцов приедет в Париж, он осветит этот вопрос.

Если марокккские дела находятся в благоприятном для Франции положении, то это только благодаря России. Теперь уже несомненно, что из-за Марокко войны не будет и что Алжезирасская конференция может затянуться, но придет к благополучному концу.

Таким образом, отсутствие готовности со стороны французского правительства покончить дело с займом, по-моему, является признаком злой воли. Дело не может так тянуться. Пусть нам скажут откровенно.

[1]) На полях помета А. Рафаловича: «В ответ на телеграмму от 26 марта, дающую отчет о свидании с г. Пуанкаре: отношение, — сказал он, — весьма благоприятное, при двойной оговорке: а) что марокккское дело закончится вполне удовлетворительно, б) что будет доказана полная конституционность займа. На каких законодательных актах основываются суммы от 600 до 700 милл. рублей? Каково будет законное применение средств, реализованных займом?»

Я полагаю, что надо считаться с неотложными потребностями создавшегося положения.

Россия, у которой казна пуста, стоит перед лицом подавленной, но все еще угрожающей революции, накануне утраты выгод от всех усилий, затраченных ею с 1884 по 1903 г. для консолидации ее финансов и денежной системы, и снова находится перед угрозой принудительного курса со всеми его бедственными последствиями, если только она немедленно не отыщет капиталов, необходимых, чтобы вывести ее из состояния нерешительности и неустойчивости, в которое ее ввергли 18 месяцев войны и около года внутренней смуты.

Во имя прочности самого русского государственного здания и чтобы не скомпрометировать положение России в качестве великой державы, необходимо быстрое решение. Почти чудо, что удалось продержаться до настоящего времени. Напряженность положения не может тянуться долее без риска вызвать неслыханные затруднения. Алжезирасское дело, несомненно, улажено, за исключением чисто формального подписания протокола.

Российское правительство только сдержало свои союзные обязательства и выполнило обещания, данные председателю французского совета председателем российского совета министров».

При таком положении вещей абсолютно необходимо, чтобы лицо, которому будет поручено графом Витте и министром финансов ведение переговоров с банками и банкирами в Париже, Лондоне и т. д. было бы в состоянии уже теперь открыть переговоры и установить предварительные основы операции.

«Es ist Gefahr im Verzug». Промедление опасно и — по многим причинам. Мы уже упустили различные возможности в 1905 г. Было бы прискорбно, если бы то же случилось и в этом году.

Прошу ваше превосходительство простить ту видимую горячность, с которой я выступаю в защиту наших финансов, но это потому, что я не только знаю умственный склад наших государственных людей в С.-Петербурге, но и в особенности те тяжелые условия, в которых мы находимся.

Нужно обладать большей широтой взгляда, чем это позволяет подозревать слишком узкий формализм, проявляющийся во внешнем, чисто протокольном завершении Алжезираса. Избавьте, господин посол, наших французских друзей, лояльность которых представляется несомненной, от позорной роли (l'odieux) сыграть в руку худшим врагам императорского правительства путем дальнейшей отсрочки начала подготовительных финансовых работ.

Ваш преданный слуга
А. Рафалович.

4.

Письмо Нелидова Пуанкаре [1]).

29(16) марта 1906 г.
Весьма срочно.

Лично.

Мой дорогой министр.

Я тщетно пытался с сегодняшнего утра получить свидание с вашим превосходительством, но не добившись этого, вижу себя вынужденным изложить вам в письменной форме то, о чем я хотел переговорить с вами лично.

Речь идет, как вы и сами можете понять, о нашем займе. Дело не терпит отлагательств. Для г. Нецлина крайне необходимо получить возможность войти в сношения со здешними и заграничными банками, чтобы пущенное в благоприятную минуту в ход дело могло пройти до выборов [2]).

То, о чем я хочу вас попросить, — это снять запрет и уполномочить г. Нецлина начать переговоры и двинуть

[1]) Перевод с французского. Воспроизводится с отпуска.

[2]) Подчеркнуто в подлиннике.

дело. Условия, поставленные французским правительством для этой операции, были нами выполнены со всей точностью. Марокккское дело оканчивается в Алжезирасе к полному удовлетворению Франции, и это — главным образом благодаря крайне активной помощи, оказанной ей Россией. Если может еще существовать какое-нибудь сомнение насчет некоторых редакционных деталей, то они будут незамедлительно устранены, гораздо раньше, чем будет объявлена эмиссия займа. Крайне необходимо, чтобы г. Нецлин был уполномочен вести переговоры и действовать у ж е с з а в т р а ш н е г о д н я.

Что касается сомнений, которые были у вас по поводу конституционной законности операции, то, я надеюсь, объяснения г. Рафаловича их устранили. Все наши финансовые операции производились и производятся до созыва Думы императорским указом. Дума может контролировать финансовое положение только с 1907 г. Настоящий же заем должен служить для ликвидации 1905 и 1906 годов.

Итак я настоятельно прошу ваше превосходительство немедленно довести до сведения г. Нецлина о вашем разрешении приступить к переговорам. Всякий потерянный день в условиях, в которых мы находимся, может иметь самые роковые последствия для нашего финансового положения, для нашего кредита и — отраженным образом для интересов французских держателей русских бумаг.

[Н е л и д о в.]

5.

П и с ь м о П у а н к а р е Н е л и д о в у. [1])

29(16) марта 1906 г.

Г. посол.

Я узнал, вернувшись из сената, что ваше превосходительство желали меня видеть. Я тотчас велел протелефонировать вам, что я нахожусь в вашем распоряжении, и крайне сожалею, что вследствие недоразумения это сообщение не могло быть передано вашему превосходительству.

Я назначу свидание г. Нецлину на завтра. Но, согласно сведениям, полученным мною сегодня утром от г. министра иностранных дел, в Алжезирасе остается еще разрешить ряд довольно важных вопросов, которые касаются не одной только редакции договоров, и я не мог взять на себя ответственности, до заседания совета министров, имеющего состояться в субботу утром [2]), на разрешение начать здесь переговоры, о которых говорит ваше превосходительство.

Я твердо надеюсь, что в субботу благожелательное содействие России произведет окончательный эффект и что мы будем в состоянии выразить правительству вашего превосходительства чувства действительной симпатии, в которых я уже вас заверил.

Примите, господин посол, выражение моего глубокого к вам уважения.

Р. П у а н к а р е.

Из истории «идеологической» борьбы самодержавия с революционным движением в армии.

В эпоху революции 1905 г. царское правительство увидело, что удержать армию в повиновении одними репрессивными мерами нельзя. Выросшее политическое сознание солдатских масс требовало со стороны командующих классов новых методов воздействия, чтобы сохранить в руках самодержавия армию. Поэтому военное министер-

[1]) Перевод с французского.

[2]) 31(18)марта.

ство решило перейти к мерам «просветительным», одной из форм которых, как это видно из печатаемых ниже документов, должны были явиться беседы с нижними чинами «для того, чтоб объяснить им сущность революционных учений, их разрушительную тенденциозность и неприменимость в общей массе населения». В качестве «просветителей» намечались офицеры, которых однако, в свою очередь, нужно было подготовить так, чтобы они умели «основательными доводами опровергать утопичность и лживость социалистических учений». Для соответствующей обработки офицеров решено было пригласить выдающихся профессоров, «сильных и талантливых людей, которые в состоянии были бы не только изложить своим слушателям эти знания, но и разъяснить им всякое возникшее недоразумение, с тем чтобы у слушателей не было и тени сомнения о недомолвках или сокрытии чего-либо».

В публикуемых ниже документах, извлеченных из фонда военного министерства, хранящегося в Моск. Военно-Историч. Архиве, приводится перечень лиц, которых предположено было привлечь для этой цели, а также программа курса «общего учения о праве и государстве». Пункты программы были так средактированы, что предопределяли направление изложения курса в духе, желательном для военного министерства. Так, например, в этой программе мы находим такие вопросы: «Война, как один из видов борьбы за существование и следствие международного соперничества. Отличие права от справедливости. Психология толпы. Ложь антимилитаризма» и т. п. Инициатива организации этих курсов исходила от главного начальника военно-учебных заведений вел. князя Константина Романова. Она получила полное одобрение со стороны военного министерства. Военный министр нашел, что эта идея требует немедленного осуществления: «ввиду новизны дела и необходимости сразу поставить его вполне прочно, согласен на расход в этом году в 20 000 рублей. Прошу внести предложение в военный совет об отпуске денег».

Состоялись ли эти беседы и курсы, из имеющихся в нашем распоряжении материалов не видно. Однако характерно, что, например, в проект изменения программы обучения солдат, составленной в штабе XIV корпуса в 1907 г. и рассмотренной «Комитетом по образованию войск», не решились включить «беседы о социалистических учениях» [1]). Политическое просвещение армии осталось в руках, главным образом, фельдфебелей с их своеобразным представлением о «внутреннем враге».

После революции 1905 г. только жандармские офицеры продолжали серьезно изучать «территорию, где оперирует внутренний враг, и самого врага, т.-е. организацию и историю постепенного развития революционных партий и групп, для того, чтобы знать цели революции, средства, которыми подпольный мир борется, чтобы привыкнуть смотреть на революционеров привычным взглядом и ощущать этот «подпольный», «неведомый» для обывателя мир так, как если бы каждый офицер был между ними. Знать врага, все его тайники — значит получить возможность и уверенность обнаружить его, когда это понадобится» [2]).

Охранка создала даже свою литературу по истории революционного движения и социалистических учений.

Во всяком случае, публикуемый ниже материал представляет несомнен-

---

[1]) Моск. Военно-Истор. Архив. Дело главного штаба, 1907 г., № 55, «Об изменении программы и расписания занятий с молодыми солдатами».

[2]) См. статью А. А. Сергеева «Жандармы-историки», «Голос минувшего», 1917 г., т. IX, стр. 368.

ный интерес, отображая, с одной стороны, испуг царского правительства перед ростом социалистической пропаганды в армии, с другой стороны— показывая его программу идеологической борьбы с революционным движением, а также те группы буржуазных ученых, которых оно хотело использовать для этой борьбы.

Текст публикуемых документов сообщил Л. Э. Кричман.

В военный совет [1]).

Копия.

Ввиду появления в войсках пропаганды крайних политических партий и возникших вследствие этого волнений в некоторых войсковых частях, военный министр, находя недостаточным ограничиться одними полицейскими мерами борьбы против этой пропаганды, в письме на мое имя, от 1 июня сего года № 984, указал, что наиболее действительным средством для такой борьбы будут беседы офицеров с нижними чинами, имеющие целью объяснение сущности революционных учений, их разрушительной тенденциозности и неприменимости в общей массе населения.

В этих целях военный министр признает желательным дать пажам и юнкерам военных и юнкерских училищ, как будущим офицерам, соответствующую подготовку, дабы они могли вполне сознательно разбираться в вопросах социальной и политической жизни государства, для чего и ознакамливать их во время пребывания в заведениях с учением революционеров, дабы они могли своим знанием и основательными доводами опровергать утопичность и лживость вновь явленных учений.

Вследствие вышеизложенных указаний мною намечен ряд мероприятий, из которых некоторые для проведения в жизнь военно-учебных заведений требуют постепенности и более или менее значительного времени, а другие должны быть осуществлены неотлагательно.

К последним следует отнести ознакомление в наступающем учебном году выпускных пажей и юнкеров с определенным кругом недостающих им положительных знаний, уясняющих историческую необходимость основ нашего государственного строя, а также сведений о различных лжеучениях, с разъяснением их несостоятельности.

Вопрос о сообщении этих сведений подвергнут был обсуждению в комиссии под моим председательством из представителей военных и юнкерских училищ, из знатоков современного солдата — в лице командира 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Иванова и некоторых офицеров, известных своею близостью к нижним чинам, и из представителей наук, охватывающих сферу революционных идей, а также знакомых с ходовой литературой и приемами пропаганды.

Означенная комиссия пришла к заключению, что на юнкеров могут произвести должное впечатление и воздействовать в желательном направлении только истинные знания, изложенные авторитетно и с глубокой правдивостью, не допускающей у слушателей и тени сомнения о недомолвках или сокрытии чего-либо. Для этого к сообщениям должны быть привлечены сильные и талантливые люди определенных научно-обоснованных убеждений, кото-

[1]) На публикуемой копии штамп главного управления военно-учебных заведений, дата — 12 августа 1906 г. и исходящий номер — 392, а также помета: «На подлинном рукою его императорского высочества написано: «Секретно и весьма спешно». На левом поле: «Об отпуске денежных сумм на организацию в пажеском е. и. в. корпусе, военных и юнкерских училищах сообщений для ознакомления выпускных пажей и юнкеров с основами государственной жизни и с главнейшими из распространяемых ныне социалистических учений».

рые в состоянии были бы не только изложить своим слушателям намеченный круг знаний, но и разъяснить им всякое возникшее недоразумение или сомнение.

Сообщения эти предположено организовать в пажеском его императорского величества корпусе и в каждом из военных и юнкерских училищ в виде временных курсов, втечение от 1 до $1^1/_2$ месяцев, осенью, когда пажи и юнкера еще не будут обременены вечерними репетициями, и затем весною, после экзаменов, не более 2 вечерних лекций в неделю, продолжительностью около 2 часов каждая.

Общее содержание сообщений изложено в выработанной комиссией программе, при сем прилагаемой, на которую однако же следует смотреть как на примерную, приблизительно уясняющую, в чем они должны заключаться, подробности же и порядок изложения их должны быть предоставлены избранным лекторам, от склада убеждений и талантливости которых всецело будет зависеть успех всего дела.

В последнем заседании комиссии при участии, кроме других лиц, профессоров Сергеевича, Платонова, Гурлянда и Берендтса, а также бывшего начальника Александровской военно-юридической академии генерал-лейтенанта Платонова и генерал-майора Бородкина, намечен был перечень вполне компетентных лиц, которые по своим научным и политическим воззрениям могли бы с большою пользою для дела выполнить в военных и юнкерских училищах эту задачу.

Всем этим лицам (список которых прилагается) предположено предложить принять на себя ведение означенных сообщений.

Справка.

I.

Для выполнения прилагаемой примерной программы потребуется от 8 до 10 двухчасовых сообщений. Весною эти сообщения предположено повторить с целью большого уяснения и дополнения содержания их на основании данных, которые успеют обнаружиться втечение учебного года.

Кроме того, в целях установления необходимого единства взглядов личного состава офицеров и других служащих в заведениях лиц, признается необходимым, чтобы лектор, ранее чем приступит к занятиям с юнкерами посвятил 2—3 вечера беседам на те же темы с гг. служащими в училищах.

Сообщения будут состоять из лекций и бесед с выпускными пажами и юнкерами, для которых посещение их должно быть обязательным. Обязательно же присутствуют на них и все офицеры строевого состава заведений и преподаватели законоведения.

II.

Принимая во внимание, 1) что приглашаемые для сообщений лица принадлежат к весьма ограниченному кругу наших выдающихся ученых сил и что предстоящее им совершенно новое дело, оторвав их от обычных занятий, потребует от них большого умственного и нравственного напряжения и 2) что некоторым из них придется совершить переезд в пункты расположения военно-учебных заведений, признавалось бы справедливым определить гонорар за каждое двухчасовое сообщение с беседою примерно до 100 руб. Таким образом, на организацию осенних сообщений потребуется к отпуску:

а) на 6 заведений, подведомственных главному управлению военно-учебных заведений (пажеский его императорского величества корпус, 4 пехотных и Николаевское кавалерийское училище), за 2 сообщения офицерам и за 8—10 сообщений юнкерам примерно... 6 000 руб.

б) на 11 училищ, подведомственных главному штабу (Елисаветградское ка-

валерийское и 10 юнкерских училищ)... 11 000 руб. и в) на специальные военные училища военного ведомства (2 артиллерийских и 1 инженеров)... 3 000 руб.

а всего до 20 000 руб.

III.

Приведенные соображения были изложены военному министру, и на представленном по этому вопросу докладе его превосходительством положена, между прочим, следующая резолюция: «Ввиду новизны дела и необходимости сразу поставить его вполне прочно, согласен на расход в этом году в 20 000 руб. Прошу внести предложение в военный совет об отпуске денег».

Закон.

С.В.П., кн. I (изд. 2), ст. 82, п. 6: «Военный совет разрешает требование сверхсметных ассигнований, не подлежащих разрешению Государственного совета».

Мнение.

Я полагал бы:

1) Для подготовки выпускных пажей пажеского его императорского величества корпуса и выпускных юнкеров военных и юнкерских училищ, как будущих офицеров, к борьбе с проникающими в войска лживыми противогосударственными учениями организовать осенью текущего года ряд сообщений для ознакомления пажей и юнкеров с здравыми понятиями об основах государственной жизни и с главнейшими из распространяемых ныне социалистических учений, с правдивым и обстоятельным их разъяснением, и

2) Для покрытия вызываемого этою мерою расхода ассигновать главному управлению военно-учебных заведений из запасного кредита военного министерства 20 000 руб. с причислением к ст. 6 § 2 расходной сметы сего управления 1906 г.

Мнение это, на основании С.В.П. 1869 г., кн. I (изд. 2), ст. 82, п. 6, представляю на усмотрение военного совета.

Приложение: Программа и список.

Главный начальник военно-учебных заведений, генерал-адъютант Константин.

Скрепил: начальник отделения полковник Гриневич.

С подлинным верно: начальник отделения полковник Гриневич.

Сверял: столоначальник полковник Цуккерман.

Программа курса общего учения о праве и государстве для старших классов военных училищ.

Что такое право? Отличие права от нравственности. Отличие права от справедливости. Право положительное и естественное.

Вопрос о происхождении права. Что такое борьба за право?

Что такое государство? Зачем нужно государство и почему нельзя обходиться без государства? Какие бывают государства?

Что такое власть? Виды власти. Что такое закон? О чувстве законности.

Что такое общество, в чем выражается роль и сила общества в государстве? Что такое личность? Взаимоотношения государства, общества и личности.

Краткий очерк главнейших этапов исторического развития государственной жизни на Западе и в России.

Что такое гражданственность? Что такое гражданская свобода?

Общественное мнение и его роль. Психология толпы. Общественные организации, их виды и значение.

Что такое общественная борьба за существование?

Что такое экономический строй? Что такое финансовый строй? История

социальных учений и выяснение того, как в этом направлении работала человеческая мысль.

Война как один из видов борьбы за существование и следствие международного соперничества. Ее экономическое и социальное значение. Международный арбитраж и ложь антимилитаризма как учения. Почему политика должна быть национальна? Что такое космополитизм? Должна ли армия участвовать в политической жизни страны? Роль армии в государстве. В чем истинный долг военного? Социальное значение вооруженных сил. Армия как учебно-воспитательная организация.

Ознакомление с русской действительностью, разбор тех о ней представлений, которые проводятся в сознание масс с целью возбуждения таковых против законной власти, и оценка переживаемого политического момента в связи со всем изложенным.

Перечень

лиц, которых предполагается пригласить для занятий с юнкерами.

1. Проф. Дерюжинский.
2. » Храбро-Василевский.
3. » Сергеевич.
4. » Гурлянд.
5. » Берендтс.
6. » Ивановский.
7. » Филиппов.
8. » Кассо.
9. » Пихно.
10. » Удинцов.
11. » Эйхельман.
12. » Иловайский (финансист).
13. » Остроумов.
14. » Алексеенко.
15. » Мигулин.
16. » Загоскин.
17. » Мокринский.
18. » Вязигин.
19. Прив.-доц. Цызырев.
20. » » барон Мейендорф.
21. Прис. пов. Плевако.
22. Ген.-майор Бородкин.
23. Ген.-майор Казначеев.
24. » » Римский-Корсаков.
25. Полковник Шинкаренко.
26. Член государственного совета Н. Д. Сергиевский.

Письмо рабочего П. А. Алексеева.

Печатаемое ниже письмо знаменитого рабочего-революционера 70-х гг. Петра Алексеевича Алексеева извлечено из дела о насильственной смерти П. А. Алексеева, после которой происходили поиски его убийц [1]). Как попало сюда это письмо, выясняется из надписи на внешнем конверте: «Образец почерка письма Петра Алексеева, адресованного на имя административно-ссыльного Ивана Тимофеевича Смирнова, в г. Якутск, в 1881 году». На внутреннем конверте написано рукой Алексеева: «В г. Якутск, в канцелярию г. губернатора Якутской области, для передачи административно-ссыльному Ивану Тимофеевичу Смирнову».

Адресат письма, Иван Тимофеевич Смирнов (1850—1896) [2]), был близким другом Алексеева. По происхождению крестьянин Тверской губ., с ранних лет — рабочий-ткач в Петербурге, он был одним из первых рабочих, познакомившихся в начале 70-х гг. с пропагандистами. В начале еле грамотный, он усердно учился под руководством «студентов», и вскоре уже сам явился пропагандистом и первым организатором рабочих на фабрике Торнтона. После разгрома петербургских чайковцев, а потом кружка Дьякова и Сирякова уцелевший Смирнов перебрался в Москву и работал здесь на одном заводе под чужим именем. В августе 1875 г. он был арестован по делу о пропаганде среди рабочих Бого-

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, фонд деп. полиции, III делопр., 1891 г., № 956.

[2]) См. о нем статью Р. Кленовой в журнале «Каторга и ссылка» 1930, № 7.

родско-Глуховской мануфактуры и нижних чинов л.-г. Московского полка. По делу 50-ти выслан административно в Повенец. Оттуда в 1877 г. бежал и опять принялся в Москве за революционную работу. Арестованный в конце 1878 г., он в 1880 г. был выслан в Енисейскую губернию.

Письмо Алексеева не дошло по назначению. Это объясняется, конечно, кроме всего, самым его содержанием, а затем — и неверным адресом. Алексеев писал в Якутск, а Смирнов был выслан, как сказано, в Енисейскую губ. и поселен в селе Ирбай.

Это письмо Алексеева было, без сомнения, не единственным его письмом к Смирнову в Якутск. До сих пор было известно 4 его письма к Н. Ф. Цвиленеву, писанных несколько позже [1]). В первом из них, от 8 февраля 1882 г., П. А. Алексеев пишет, между прочим: «Ивану Тимофеевичу не пишу теперь, потому надоело, наконец, страстно надоело писать бесполезные, пустые письма, а тем более, что на них нет ответа. Этим, кажется, закончится моя попытка завести с кем бы то ни было правильную переписку. Впрочем, скажи, если будешь писать Ивану, что я крайне недоволен им за его упорство не отвечать на письма. Я, кажется, не заслуживаю того». И. Т. Смирнов не заслуживал этих упреков, так как письма Алексеева до него не доходили. На письма, адресованные ему в Повенец, он, как видно из печатаемого письма, отвечал.

Новое письмо Алексеева представляет прежде всего психологический интерес. Настроение его — это настроение человека, сознательно избравшего дорогу революции и мужественно переносившего все ее трудности. Кроме того, в письме можно найти некоторые детали о Мценской тюрьме накануне отправки из нее партии на Кару в 1882 г.

М. Клевенский.

[1]) «Каторга и ссылка» 1927, № 5.

7 апреля 1881 г. Мценская политическая тюрьма.

Дорогой мой друг!

Всегда, сколько я ни писал тебе из дома предварительного заключения в Повенец, надеялся получить от тебя, если не особенно приятную, так, по крайности, утешительную весть, — весть, в силу которой твои нравственные чувства делаются крепче, силы становятся бодрей и тот, тот [1]) страшный путь, проходить который сурово беспощадная судьба назначила всем честным людям, до того делается бесстрашен, что заранее стараешься преспокойно мириться со всем тем, что тебя ожидает на этом новом, начертанном злым роком (в лице, конечно, нашего могущественного правительства) пути, где тебя, кроме невзгод, тяжких испытаний суровой жизни и душевных терзаний по поводу разлуки со всем, что тебе дорого, что тебе мило и что навсегда безвозвратно для тебя погибло, — ничего не ожидает. Вопреки этому моему скромному желанию, выходило как раз наоборот: твои ответные письма дышали горькой жалобой на пустоту праздной жизни, в них сквозил жестокий, но вполне основательный упрек провидению, которое безжалостно забросило тебя в среду простодушных финнов и карельцев, словом, они производили на меня потрясающее душу впечатление. Но теперь что же я могу ожидать от тебя утешительного и радостного, когда ты заброшен в безлюдную Якутскую область и влачишь, может статься, более печальную, более бесплодную и, даже, быть может, — что сохрани бог! более голодную жизнь, чем это в Повенце? Конечно, ничего, кроме как только той теплой, искренно преданной дружбы, которую ты постоянно, по свойствам своей души, выражаешь ко мне в своих задушевных письмах. Это я глу-

[1]) Так в подлиннике.

боко ценю и не могу не ценить в своем единственном верном друге моей души. Много я встречал людей и не сходился близко только с теми, с кем сам не хотел, но мое каменное сердце... да что тут! Хотел, право, говорить с тобой на эту тему откровенно, да больно ты далеко живешь.

Думал ли ты когда-нибудь и знаешь ли хоть теперь, что наконец-то моему одиночному заключению настал конец, — по крайней мере, хоть тем, что я вырвался из центральной тюрьмы [1]) и нахожусь в настоящую пору на пути следования в Сибирь, то-есть перевезен в гор. Мценск в пересыльную тюрьму, где жду скорой отправки в те негостеприимные места, в которых обретаешься и ты? Меня и всех моих товарищей по делу ч заключению 13-го октября вывезли из централки в Мценскую пересыльную тюрьму, на поправку здоровья, с целью весною, с первой навигацией, отправить в Сибирь. Признаться, меня это сильно обрадовало, и я теперь жду не дождусь этого путешествия в ваши смежные края. По прибытии надеюсь завязать и поддерживать с тобою систематическую переписку [2]), в которой обещаюсь рассказать тебе много интересного из своего житья-бытья в централке, а может быть, и другое кое-что. В настоящем же письме скажу только, что сидят здесь со мною: долгушинцы за исключением: Панина, давно окончившего свой срок и отправленного летом в Сибирь, Плотникова, сошедшего с ума и отправленного в дом умалишенных, и Гамова, который давно уже умер (в сумасшествии), все из процесса Дьякова (сам он за две недели до отправки нас сюда умер), все из нашего московского процесса, один по делу демонстрации у Казанского собора [1]), ибо Боголюбов в доме умалишенных, а Бочаров [2]) умер в сумасшествии, все судившие[ся] в процессе 93-х (кроме Муравского — умер в централке) и затем, наконец, все одесситы. Кроме этих перечисленных мною, централистов, человек 10 есть привезенных из разных мест, но о них я не буду говорить тебе; достаточно сказать тебе, что всех нас тут теперь 34 человека, большинство фамилий которых, по всей вероятности, узнаешь из газет. Живем, можно сказать, сносно, а что, ожидает нас впереди, право, сказать ничего не могу. Вернее же всего, не отбывших полный каторжный срок отправят на Карийские рудники. Там, по соседству к тебе, буду и я. Да признаться, я даже желал бы туда, потому что, рассматривая и вникая в те сведения, которые получаются из писем, полученных некоторыми товарищами, там живется сравнительно с централкой и некоторыми поселениями, где большинство проживает впроголодь, сносно. Вот по тому-то простому, а вернее выгодному соображению, что там хоть сыт особенно и не будешь, так все же и с голоду не умрешь, кажется поработать лучше в рудниках, нежели где-нибудь на воле быть среди каких-нибудь якут.

Хотя это мое письмо придет к тебе,

---

[1]) Алексеев находился в заключении в Ново-Белгородской каторжной тюрьме в Харьковской губ.

[2]) Так в подлиннике.

[1]) Без сомнения, здесь имеется ввиду М. М. Чернавский: из осужденных по Казанскому «процессу», кроме Боголюбова и Бочарова, только он один был в Ново-Белгородском централе и потом временно находился в Мценской пересыльной тюрьме.

[2]) Бочаров, Евгений Константинович. Род. в 1855 г. Студент петербургского технологического института. За демонстрацию у Казанского собора приговорен в 1877 г. к 10-ти годам каторжных работ. Заключен в Ново-Белгородскую тюрьму, где заболел психически. Переведен в Ново-Борисоглебскую каторжную тюрьму, где умер весною 1880 г.

конечно, гораздо позднее, нежели я отправлюсь в Сибирь, но если только не будет тебе точно известно о том, что я нахожусь в дороге, ты пиши о себе немного поподробнее, нежели я. Ведь я ничего ни о ком до сих пор не знаю, и никто мне ничего не пишет, кроме разве отца, который втечение шести лет написал одно письмо, и то только затем, что брат мой Никифор [1]) умер в солдатах. Кстати, вот тебе мой адрес: в г. Орел, в канцелярию г. губернатора, для передачи в Мценскую политическую тюрьму Петру Алексееву.

Прощай: Посылаю тебе, дорогой мой друг, горячий привет.

Твой друг до гроба
Петр Алексеев.

---

[1]) Брат П. А. Алексеева, Никифор Алексеевич (род. около 1855 г.) был тоже причастен к революционному движению. В 1875 и 1876 гг. дважды привлекался и дознанию по обвинению в пропаганде среди московских рабочих, но за недостатком улик освобождался от взыскания. В третий раз привлечен к дознанию в 1876 г. по делу о распространении революционной литературы среди рабочих в Богородско-Глуховской мануфактуре. По высоч. повелению 18 ноября 1876 г. подвергнут 8-месячному тюремному заключению с последующим строгим надзором полиции.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Турецкая революция 1908—1909 гг. С предисловием *А. Попова* . . . . 3—39
Керченские каменоломни в 1919 г. С предисловием *А. Гуковского* . . . 40—84
Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции. С предисловием *А. С. Тагера* . . . . . 85—125
Из дневника Константина Романова. (Продолжение) . . . . . 126—151

Из записной книжки архивиста.

Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну. Сообщил *А. Ковалев* . . . . . 152—161
Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г. 161—165
Из истории «идеологической» борьбы самодержавия с революционным движением в армии. . . . . 165—170
Письмо рабочего П. А. Алексеева. Сообщил *М. Клевенский* . . . . . 170—173